

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2026
ЧАСТЬ VIII

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Грегори Хаус* (1959), главный герой американского телесериала «Доктор Хаус», роль которого исполняет британский актер Хью Лори.

Доктор Грегори Хаус — циничный и язвительный тип, который терпеть не может общаться с пациентами, старательно «косит» от работы и говорит гадости. При этом он лучший диагност в больнице, к нему обращаются в сложных и непонятных случаях. Работает Хаус с командой врачей, которых подбирает, руководствуясь своеобразными критериями. Доктора Формана, афроамериканца, Хаус нанял за юношескую судимость, которую посчитал признаком готовности к действию, Кэмерон — за внешнюю красоту, а Чейза — потому что Хаусу позволили и попросили об этом.

Образ Хауса создатели сериала выстроили на ассоциациях с Шерлоком Холмсом. Даже фамилия героя — Хаус (от house — дом) вызывает прямые ассоциации с фамилией Холмс (Holmes звучит как «хоумс», «дома» по-английски). Как и у великого сыщика, у Хауса есть верный друг и спутник доктор Уилсон, чья фамилия также наводит на ассоциации с Ватсоном. Даже адреса, где живут герои, совпадают почти полностью. Знаменитый дом Шерлока Холмса находится в Лондоне, на Бейкер-стрит, 221Б. Доктор Хаус тоже живет на Бейкер-стрит, 221, квартира Б, но в Принстоне, штат Нью-Джерси. Больше того, Хаус и доктор Уилсон занимают одну квартиру и живут в соседних комнатах, как Холмс и доктор Ватсон.

Сходство с Холмсом этим не ограничивается. Герой Конан Дойля употребляет наркотики внутривенно, когда мучается скукой из-за длительного отсутствия работы. Хаус «сидит» на обезболивающем, в состав которого входит опиат. Доктор Хаус принимает этот препарат вынужденно, а не из прихоти. Как и Холмс, доктор использует дедуктивный метод и элементы расследования, чтобы поставить диагноз. Коллеги доктора обыскивают дома пациентов в поисках улик, как если бы это было местом преступления, а сам Хаус интересуется только экстраординарными, сложными медицинскими случаями и часто впадает в скуку из-за простой и рутинной работы.

Холмс играл на скрипке, Хаус же играет на фортепиано, гитаре и губной гармошке. Он так же, как и знаменитый детектив, бесцеремонно относится к людям. Часто доктор не только ставит диагнозы, используя дедуктивный метод, но и выдает нечто о личной жизни и обстоятельствах больного. К примеру, сообщает человеку, что тому изменяет жена.

В жизни Хауса промелькнул и Мориарти. Человек с такой фамилией стрелял в доктора в заключительном эпизоде второго сезона. А в одиннадцатом эпизоде пятого сезона друг Хауса, доктор Уилсон, рассказывает байку (выдуманную) о некой Ирен Адлер, в которую Хаус якобы был влюблен, а та бросила доктора.

Хаус страдает из-за своей хромоты и ходит с тростью. Это не мешает герою отпускать злые шуточки в адрес других «калек». Герой постоянно пытается избежать

встречи с пациентами, старается провести день в кабинете и улизнуть из больницы, как только рабочий день заканчивается. При этом Хаус — отличный специалист, который готов рисковать и принимать ответственность, когда берется лечить сложные случаи. Герой начинает лечение часто на ходу, не дожидаясь дополнительного подтверждения предварительно поставленного диагноза (на это обычно нет времени).

Хаус избегает надевать медицинский халат, чтобы пациенты не идентифицировали его как врача и не набросились с просьбами о консультации. При этом ему вовсе не безразлична судьба пациентов.

Внешне доктор Хаус выглядит как стареющий мужчина: худой, длинный, «помятый» и небрежный в одежде. Герой любит листать журналы, смотреть медицинские сериалы по телевизору, но когда доходит до дела, Хаус незаменим. Несмотря на хромоту и нелюбовь к работе, герой легко приезжает в клинику ночью, когда в этом действительно есть необходимость. Коллеги Хауса относятся к нему с большим уважением. Директор клиники в беседе с недовольным пациентом открыто называет Хауса мерзавцем, но не может его уволить, потому что этот «мерзавец» — лучший врач в клинике.

Грегори Хаус — блестящий диагност, чьи знания охватывают нефрологию, инфекционные болезни, онкологию, ревматологию и генетику. Его база знаний не ограничивается учебниками: он использует свои познания в физике, химии, истории и токсикологии, мастерски выстраивая логические цепочки.

Хаус совмещает глубокие академические знания с выдающимися практическими навыками.

Он имеет две официальные специализации: инфекционные болезни и нефрология, виртуозно применяет знания из смежных областей, выявляя редкие аутоиммунные патологии, генетические аномалии (например, синдром Элерса — Данлоса) и последствия токсических воздействий.

Самая известная цитата из сериала: «Все врут». Доктор Хаус игнорирует слова пациентов, обращая внимание на каждую деталь их быта, истории болезни и генетики. В сериале Хаус мастерски проводит мозговые штурмы с командой, отсекая неверные гипотезы и проверяя нестандартные патогенетические механизмы.

Несмотря на кинодопущения, когда редкие диагнозы следуют один за другим, образ Хауса стал культовым благодаря его глубокому погружению в суть биологических процессов. Он превращает поиск диагноза в настоящее научное расследование. В реальной медицине его подход часто служит образцом нестандартного мышления, а иногда реальные врачи используют его метод для спасения тяжелых пациентов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Тутов В. А., Космынин Д. В.**
Особенности прокурорского надзора
в сфере охраны окружающей среды 543
- Тычков А. С.**
Понятие и признаки документа в контексте
статьи 327 УК РФ 545
- Федотова Ю. М.**
Сроки предварительного расследования:
проблемы соблюдения и пути оптимизации ... 547
- Феньо Д. Р.**
Возмещение вреда лицам, незаконно
подвергнутым мерам процессуального
принуждения: проблемы реализации части 3
статьи 133 УПК РФ 550
- Хайрутдинов И. Р.**
Теоретико-правовые основы
противодействия деструктивному
иностранному информационно-
психологическому воздействию 551
- Чамсаев А. А.**
Правовое регулирование прохождения
государственной гражданской службы
в Российской Федерации: современное
состояние и направления развития 553
- Чеботарева М. В.**
Основания освобождения от уголовной
ответственности в связи с назначением
судебного штрафа 557
- Чернышев К. В., Заворин А. А.,
Казакалиев М. Т.**
Бюджетная ответственность как вид
юридической ответственности 560
- Чугунов Е. А.**
Генезис понятия «незаконная миграция»
в СССР и России 563
- Яркова Е. Н.**
Проблемы гражданско-правового
регулирования договора аренды
в Российской Федерации 565

ИСТОРИЯ

- Гелис У. И., Ислямов Н. И.**
Обзор Резервного полицейского
корпуса по материалам Национального
архива Японии 567
- Исмагилова Э. А., Епифанова К. Я.**
Государственно-правовая доктрина Мао
Цзэдуна как идеологическая основа
Китайской Народной Республики 570
- Кожина К. А., Рябова Э. И.**
Отражение темы первого полета
человека в космос в советской
филателии 1961 года: сюжеты, тиражи
и пропагандистский эффект 573

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Закиров К. М.**
Внешняя политика Российской Федерации
на Арабском Востоке 576
- Иванова Э. И.**
Основные направления межмуниципального
сотрудничества КНР и РФ: на примере
городов Южного федерального округа 580

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

- Алпыспаев Д. М.**
Передача американского подросткового
сленга 1980-х годов в русских субтитрах
сериала «Очень странные дела» 583
- Assemkhan N. K.**
Semantic and functional features of the
English infinitive in Kazakh translation 585
- Assemkhan N. K.**
The role of audiovisual translation in
translator training 588
- Ахметьянова К. Р.**
Особенности отражения гендерных образов
в англоязычных пословицах и поговорках 590
- Ларкина Д. А.**
Трудности перевода англоязычной
терминологии в бизнес-логистике 592

Нго Тхи Тху Ха

Типичные ошибки произношения
у студентов подготовительного курса
университета имени Ле Куй Дона и способы
их исправления 594

Никулина О. И.

Понятие и классификация чэньюй..... 598

ФИЛОСОФИЯ**Исмагилова Э. А., Епифанова К. Я.**

Дедукция и индукция в научных
исследованиях: методологический синтез
и практика применения..... 601

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И СПОРТ****Крутов Г. А.**

Актуальные проблемы внедрения ГТО
в современной школе:
управленческий аспект 603

**Мельникова Т. А., Маслихина Г. Ю.,
Строкова О. Н.**

Туризм как школа характера:
воспитание воли и навыков выживания
в детских походах 605

Пестриков М. А.

Влияние физической активности
на психическое здоровье молодёжи:
эмпирическое исследование 607

Придворов К. А., Ларин В. С.

Основные методики развития выносливости
борца-самбиста сборной команды
военно-образовательного учреждения
высшего профессионального образования
Министерства обороны Российской
Федерации 611

Репина П. Р., Гуранова Г. Э.

Физиолого-биохимические
критерии индивидуализации тренировочной
нагрузки как инновационный путь
профилактики перетренированности
в студенческом спорте 613

Решетникова Ю. В.

Методика физической реабилитации
женщин в возрасте 30–35 лет в раннем
послеродовом периоде 616

Трускова Т. Ю.

Влияние гиподинамии на здоровье
студентов: современные вызовы и стратегии
профилактики 617

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды

Тутов Владислав Алексеевич, студент;

Космынин Дмитрий Владимирович, студент

Научный руководитель: Агапов Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В представленной работе анализируется место и роль прокуратуры в системе обеспечения экологической безопасности России. Рассмотрены стратегические ориентиры государственной экологической политики, правовая природа надзора за исполнением природоохранного законодательства. Особое внимание уделено дифференциации надзорных мероприятий зависимости от типа природного объекта, судебным механизмам восстановления нарушенной среды.

Ключевые слова: прокурорский надзор, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, природоохранное законодательство, меры прокурорского реагирования.

На сегодняшний день состояние природной среды относится к числу ключевых приоритетов государственного регулирования в Российской Федерации. Этот тезис находит свое подтверждение в стратегических документах: Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года [1], а также Стратегии экологической безопасности России на период до 2025 года [2], утвержденной Указом президента Российской Федерации. Перечисленные акты закрепляют основные инструменты экологической политики.

Как справедливо подчеркивает Е. П. Дёмина, «прокуратура Российской Федерации — это ключевой надзорный орган, призванный обеспечить исполнение всего законодательства страны» [4]. В современных условиях, когда экологические проблемы приобретают все более острый характер, надзор за соблюдением природных норм становится одной из приоритетных функций прокуратуры. Официально это подтверждает и Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 апреля 2021 № 198, который относит экологическую сферу к ключевым направлениям деятельности прокуроров [3].

Предметом прокурорского надзора в данной сфере выступают не только сами факты нарушений, но и правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления, регулирующие природопользование, а также деятельность контрольно-надзорных органов. В отличие от ведомственного экологического контроля, прокурорский надзор носит универсальный и над ведомственный характер, что позволяет выявить системные недостатки в реализации экологической политики. Правовую основу данного надзора составляет не только организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры, но

и кодифицированные федеральные акты. Специфика заключается в том, что прокурор проверяет соблюдение императивных и диспозитивных норм.

Важно отметить, что восстановление природной среды и поддержание её в надлежащем состоянии — задача, которая лежит не только на государственных контрольных, надзорных и правоохранительных структурах. Активное участие принимают общественные объединения, организации, бизнес-сообщества и граждане.

Одна из важнейших особенностей прокурорского надзора в экологической сфере — дифференциация надзорных мероприятий исходя из типа природного объекта и специфики правоотношений. Согласно приказу Генеральной прокуратуры № 198, прокуроры обязаны обеспечить действенный надзор за соблюдением законов об охране атмосферного воздуха, воды, лесов, почв, недр, животного и растительного мира, водных биоресурсов, особо охраняемых природных территорий, а также в сфере обращения с отходами и рационального использования ресурсов. Поскольку экологические отношения носят комплексный характер и имеют отраслевые различия в правовом регулировании, потребовалась выработка особых алгоритмов для каждого направления. А. Ю. Усов подчеркивает: «одной из основных особенностей прокурорской деятельности в исследуемой сфере является осуществление с учетом постановленных перед органами прокуратуры задач системного надзорного сопровождения» [6]. Такое сопровождение предполагает, помимо прочего, упреждающий характер проверок.

Рассмотрим некоторые направления подробнее. В области охраны водных биоресурсов надзор нацелен на контроль за соблюдением правил рыболовства, борьбу с незаконным выловом и оценку работы контролирующих

структур. Осуществляя надзор за использованием лесов, прокуроры анализируют лесоустроительные документы, проверяют законность вырубок, контролируют процесс лесовосстановления, а также используют в судебном порядке принуждение к искусственному восстановлению лесных насаждений. На особо охраняемых природных территориях и в сфере животного мира надзорные мероприятия включают проверку границ ООПТ, недопущение незаконного строительства и соблюдение охранных режимов. Как подчеркивает В. В. Зайцева, «существующее законодательство не всегда обеспечивает должную защиту экосистемы в целом, сосредотачиваясь лишь на отдельных видах, внесенных в Красную книгу» [5]. В сфере недропользования прокуроры контролируют законность предоставления участков недр, следят за действиями недропользователей, добиваются взыскания ущерба, а также инициируют в судебном порядке аннулирование лицензии.

К числу существенных особенностей относится и активное применение механизмов судебной защиты. Прокурор вправе заявлять, как восстановительные, так и превентивные иски в защиту неопределенного круга лиц и отдельных граждан. В их арсенале — изъятие земель из чужого незаконного владения, признание прав собственности отсутствующими, приостановление деятельности с нарушениями экологических требований, понуждение к лесовосстановлению. Показательным является развитие судебной практики по возмещению вреда в натуре. В отличие от денежной компенсации, которая часто не обеспечивает реального восстановления экосистемы, прокурор вправе требовать выполнения природы восстановительных работ, например, высадку леса, ликвидирование несанкционированных свалок, рекультивацию земель.

Помимо судебных исков, прокурор использует меры внесудебного характера. Представление об устранении на-

рушений природоохранного законодательства, выносимые руководителю органа или организации, протест на незаконный правовой акт, предостережение о недопустимости нарушения закона, требование о привлечении к административной ответственности. Выбор конкретной формы реагирования зависит от характера нарушения, причиненного ущерба и стадии выявления правонарушения.

Отдельное внимание заслуживают особенность, связанная с координационной ролью прокуратуры. Она организует взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с экологической преступностью и незаконным оборотом природных ресурсов. Координационная функция прокурора в экологической сфере реализуется через проведение совместных межведомственных проверок, инициирование оперативных совещаний по фактам крупных экологических происшествий, направление информации о выявленных преступлениях в следственные органы с требованием об их регистрации и расследовании. Крайне важным является изучение функционирования публично-правового механизма охраны окружающей среды и выработка направлений его совершенствования.

Таким образом, ключевая особенность прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды состоит в его превентивно-восстановительном характере. В отличие от ведомственного контроля, который преимущественно фиксирует нарушения, прокурор средствами надзора не только пресекает противоправную деятельность, но и через судебные механизмы добивается фактического восстановления природной среды. Перспективным направлением совершенствования надзорной деятельности является внедрение элементов экологического аудита по инициативе прокурора и активное использование механизмов возмещения вреда натуральной форме, а не только в денежном выражении.

Литература:

1. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264/> (дата обращения: 30.04.2026).
2. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.04.2021 № 198. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264/> (дата обращения: 30.04.2026).
4. Дёмина, Е. П. Характеристика природоохранного и экологического законодательства как сфера надзорной деятельности прокуратуры / Е. П. Дёмина // Закон и право. — 2025. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-prirodoohrannogo-i-ekologicheskogo-zakonodatelstva-kak-sfery-nadzornoj-deyatelnosti-prokuratury> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Зайцева, В. В. Совершенствование законодательства в сфере прокурорского надзора за исполнением природоохранного законодательства: на примере Байкальской природной территории / В. В. Зайцева // Юридическая наука. — 2024. — № 9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-zakonodatelstva-v-sfere-prokurorskogo-nadzora-za-ispolnieniem-prirodoohrannogo-zakonodatelstva-na-primere> (дата обращения: 30.04.2026).
6. Усов, А. Ю. Об организации прокурорско-надзорного сопровождения реализации национального проекта «Экологическое благополучие» / А. Ю. Усов // NB: Административное право и практика администрирования. — 2024. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-organizatsii-prokurorsko-nadzornogo-soprovozhdeniya-realizatsii-natsionalnogo-proekta-ekologicheskoe-blagopoluchie> (дата обращения: 30.04.2026).

Понятие и признаки документа в контексте статьи 327 УК РФ

Тычков Алексей Сергеевич, студент магистратуры
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

В статье автор исследует понятие и признаки документа как предмета преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ и как объекта криминалистических экспертиз. Изучены различные точки зрения, определены признаки документа, выявлены особенности документа как объекта материального мира и электронного документа, определены виды криминалистических исследований.

Ключевые слова: документ, подделка документа, судебно-техническая экспертиза документов, судебно-компьютерная экспертиза, расследование.

Подделка документов является распространенным преступным деянием, за совершение которой законодательством установлена уголовная ответственность, предусмотренная ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ). Расследование данного вида преступлений всегда сопровождается назначением и производством судебно-технической экспертизы документов. Вместе с тем, для назначения и производства данной экспертизы представляется важным определить круг документов, которые могут быть переданы на исследование эксперту в контексте ст. 327 УК РФ, иными словами, необходимо определить, какие документы являются предметом данного преступления, и подделка которых влечет наступление уголовной ответственности. В связи с этим, представляется важным исследовать понятие и признаки документов, подделка которых влечет наступление уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ.

В названии ст. 327 УК РФ законодатель прямо перечисляет документы, за подделку которых наступает уголовная ответственность и таковыми являются документы, государственные награды, штампы, печати и бланки. И если государственные награды, штампы, печати и бланки имеют достаточно точное описание, в том числе и нормативно закрепленное, то в отношении документов такое определение отсутствует, в связи с чем возникает вопрос относимости того или иного документа к предмету преступления и, соответственно, к материалам экспертного исследования при возбуждении уголовного дела по ст. 327 УК РФ. Соответственно, возникает вопрос — любой документ может являться предметом данного преступления, а также объектом исследования криминалистических экспертиз при расследовании данного вида преступлений.

Исследователи отмечают, что в связи с отсутствием нормативно определенной дефиниции, категория «документ» в данном контексте является оценочной. Например, Р. С. Белкин, изучая понятие документа, полагает, что в качестве такового следует понимать материальный объект, на котором при помощи знаков, символов, графических изображений, символов естественных или искусственных языков, иными способами зафиксированы сведения о фактах. Ученый различает следующие виды документов: в зависимости от способа исполнения — машинописные, рукописные, полиграфические; в зависимости от использования техники — фото, кино документы и т. д. [2, с. 221].

Схожей точки зрения придерживается и А. А. Волков, который в своем исследовании указывает на то, что под документом следует понимать письменный акт, имеющий юридическое значение, имеющий определенную форму, оптимальной для использования человеком, регламентированной законом или сложившейся традицией [3, с. 26].

По мнению ряда авторов, под документом следует понимать деловую бумагу, подтверждающую факт или право на что-либо [4, С. 293]. Полагаем, данная точка зрения в большей степени отвечает представлениям гражданского оборота и обеспечивающей его документации, так как предметом преступления по уголовному закону выступают, в большей степени документы, имеющие государственное, но не частное происхождение.

Если рассматривать и обобщать другие точки зрения на понятие и правовую природу документа, следует, во-первых, отметить, что единая точка зрения до настоящего времени отсутствует; во-вторых, мнения исследователей разделяются относительно формы носителя — одни ученые полагают, что официальные документы могут иметь исключительно письменный вид, другая группа авторов полагает, что в качестве официального документа может выступать любой материальный носитель, включая электронный [5, с. 123].

Изучение точек зрения различных авторов свидетельствует о том, что в научной среде отсутствует единая точка зрения о понятии документа.

Форма документа — первый сущностный признак рассматриваемого понятия, и отсутствие единого понимания усугубляется тем, что в настоящее время к документам относится не только документ в классическом их понимании (то есть имеющие письменную форму), но и электронные документы. Следует подчеркнуть, что в век цифровизации, огромную значимость приобретает электронный документооборот, его значимость заключается так же в том, что предоставление государственных и муниципальных услуг предполагает формирование итоговых документов, как результат обращения за государственной или муниципальной услуги, либо отказа в их предоставлении, что должно получить соответствующее документальное выражение, удостоверенное надлежащим образом — квалифицированной цифровой подписью, что подтверждается а положениями Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63 «Об электронной подписи»

[6], который приравнивает документ, составленный на бумажном носителе и подписанный гражданином, электронному документу с электронной подписью.

С другой стороны, электронный документ невозможно назвать связанным с материальным миром, так как ее прочтение и демонстрация невозможны без специальных устройств, вместе с тем, судебная практика идет по пути признания электронных документов официальными,падающими под признаки предмета преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, и никогда не имевшими материально выраженной формы [5, с. 124].

Бесспорно, данную категорию можно отнести к категории документов, но будет ли такой документ объектом исследования судебно-технической экспертизы документов? Полагаем, в данном случае следует ответить отрицательно так как судебно-техническая экспертиза предполагает определенный набор методов исследования документов, который предусматривает возможность изучения и исследования документов, имеющих материальное выражение, тогда как электронный документ будет являться объектом судебно-компьютерной экспертизы. Следует также подчеркнуть, что объектом судебно-технической экспертизы могут быть не только непосредственно документы, но их дубликаты и копии [7, с. 6].

Вторым признаком документа в контексте ст. 327 УК РФ является источник его происхождения. В данном вопросе мнения исследователей также расходятся. Первая группа авторов полагает, что источниками официальных документов в контексте ст. 327 УК РФ являются исключительно органы и должностные лица местного самоуправления и органов государственной власти, включая воинские подразделения и правоохранительные органы, учреждения, организации, тогда как документы юридических лиц, независимо от организационно-правовой формы, не являются официальными документами [8, с. 694], то есть здесь документ рассматривается в узком смысле.

Вторая группа авторов полагает, что к таким документам могут относиться исключительно акты органов государственной власти, управления и местного самоуправления, результаты документооборота юридических лиц, независимо от организационно-правовой формы, индивидуальных предпринимателей, учреждений и т. д. [9, с. 581]. То есть в данном случае документ понимается в максимально широком смысле.

Максимально широкой трактовки понимания документа как правовой категории придерживается третья группа авторов, которая, помимо таких источников происхождения документов как государственные и муниципальные органы и их должностные лица, юридические лица, организации, учреждения, указывает и документацию частных лиц, которым был придан официальный характер путем введения в государственный или муниципальный документооборот, например, жалобы, заявления, ходатайства, обращения, документы имеющие нотариальное или иное официальное заверение [10, с. 214].

И. В. Баландин подчеркивает, что «при оценке источника документа в контексте ст. 327 УК РФ возможна его широкая трактовка. Предмет преступления в этом составе может быть представлен частными документами, которые удостоверены государственными и муниципальными органами и их должностными лицами в надлежащем порядке» [11, с. 64]. Соглашаясь с данной позицией, полагаем, что на исследование эксперту в порядке судебно-технической экспертизы документов могут быть представлены документы в максимально широком их понимании.

Третий существенный признак документа непосредственно связан с источником происхождения документа, и состоит в том, что такой документ влечет какие-либо последствия, а также является фактом, вызывающим возникновение, изменение или прекращение правоотношений в различных сферах общественной жизни.

Четвертым признаком документа в контексте ст. 327 УК РФ, следует назвать его форму, которая, в первую очередь, должна соответствовать требованиям, предъявляемым законодательством к форме данного документа, во вторую очередь, документ должен содержать определенные реквизиты, которые позволяют идентифицировать источник происхождения документа, повод его создания, наличие определенного содержания, дату, место составления документа и т. д.

Таким образом, под документом в контексте ст. 327 УК РФ, который необходимо понимать акт, выполненный в материальной или электронной форме, соответствующий требованиям, предъявляемым к такого рода документам в соответствии с законом, исходящим от государственных, муниципальных органов, организаций, учреждений и предприятий, направленным на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, влекущий последствия в виде возникновения права или прекращения обязанности.

Полагаем, определение официального документа, закрепленного в примечании к ст. 327 УК РФ позволит привести к единству судебную практику. На наш взгляд необходимо также дать нормативное отнесение к предмету данных преступлений официальных документов в электронном виде в связи с переходом государственных и муниципальных органов, многих учреждений, организаций и предприятий на электронный документооборот и использование электронной подписи.

Данное понимание необходимо не только для квалификации преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, но и для понимания документа как объекта судебно-технической экспертизы документов и компьютерно-технической экспертизы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. — 837 с.
3. Волков А. А. Диагностика в технико-криминалистическом исследовании реквизитов документов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Саратов, 1999. — 186 с.
4. Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Общая часть: учебник. — М.: Юрайт, 2022. — 400 с.
5. Дайшутов М. М., Бойцова Ж. А. Особенности предмета преступления, предусмотренного ст. 327 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 4. — С. 121–127.
6. Об электронной подписи: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.
7. Баженов, С. М. Типичные ситуации, возникающие при назначении судебно-технической (технико-криминалистической) экспертизы документов по их копиям / С. М. Баженов, А. А. Кузнецов // Современное состояние, проблемы и перспективы развития специальных знаний: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 19 ноября 2024 года. — Москва: Московская академия следственного комитета, 2025. — С. 5–10.
8. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. — Москва: Норма, 2017. — 783 с.
9. Ляхова В. В. Документы как предмет преступлений, предусмотренных ч. ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ: проблемы теории и практики // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 579–588.
10. Тюнин В. И. Изменение редакции ст. 327 УК РФ (новая редакция — проблемы старые) // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 210–217.
11. Баландин В. И. О понимании официального документа по статьям 292 и 327 УК РФ для целей квалификации преступлений // Юридический Вестник Самарского университета. — 2020. — № 6(2). — С. 63–69.

Сроки предварительного расследования: проблемы соблюдения и пути оптимизации

Федотова Юлия Максимовна, студент

Научный руководитель: Прометов Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В статье раскрывается сущность сроков предварительного расследования, анализируются сложности соблюдения в действующем законодательстве и рассматриваются пути оптимизации процесса на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: *сроки предварительного расследования, уголовно-процессуальное законодательство, предварительное следствие, дознание, нарушение сроков расследования, пути оптимизации.*

Timing of the preliminary investigation: compliance issues and ways to optimize

The article reveals the essence of the terms of the preliminary investigation, analyzes the difficulties of compliance with the current legislation and considers ways to optimize the process at the stage of the preliminary investigation.

Keywords: *terms of the preliminary investigation, criminal procedure legislation, preliminary investigation, inquiry, violation of the terms of the investigation, ways of optimization.*

В российском уголовном процессе предварительное расследование осуществляется в двух формах — предварительного следствия и дознания [3, с. 34].

Сроки предварительного расследования имеют не только организующее значение, но и способствуют эффективной организации предварительного расследования, своевременному производству следственных, судебных и иных процессуальных действий, принятию процессуальных решений, обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, на-

пример, конституционного права на доступ к правосудию. Например, А. П. Гуляев обоснованно указывал, что процессуальные сроки направлены на обеспечение быстрой производств по делу, охрану прав и законных интересов участников процесса, а также на надлежащее осуществление прокурорского надзора.

Согласно ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), процессуальные сроки исчисляются часами, сутками и месяцами, соблюдение которых обязательно для следователя, до-

знавателя и иных участников производства, поскольку нарушение установленных временных пределов может затронуть право лица на разумный срок уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 162 УПК РФ предварительное следствие должно быть окончено в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела, — этот срок охватывает период до направления дела прокурору, передачи материалов в суд, обращения с ходатайством о прекращении дела с назначением судебного штрафа либо до прекращения производства [1].

Порядок продления предварительного следствия закреплен в ч. 4, 5 ст. 162 УПК РФ. Первоначальный двухмесячный срок не является окончательным, при наличии оснований руководитель следственного органа по району, городу либо приравненный к нему руководитель вправе продлить производство до трех месяцев. Если расследование связано с повышенной сложностью, срок может быть увеличен до двенадцати месяцев. Дальнейшее продление срока возможно только по решению должностных лиц вышестоящего уровня: Председателя Следственного комитета Российской Федерации, руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти либо их заместителей.

Иной порядок предусмотрен для дознания. Согласно ч. 3 ст. 223 УПК РФ оно проводится в течение тридцати суток со дня возбуждения уголовного дела, а при наличии необходимости прокурор вправе продлить указанный срок еще на тридцать суток, вместе с тем само понятие необходимости в законе раскрыто недостаточно подробно [1]. Отсутствие четких критериев усложняет единообразное применение нормы и оставляет широкие пределы усмотрения при решении вопроса о продлении дознания.

Проблема действующего регулирования состоит в том, что сроки предварительного расследования не поставлены в прямую зависимость от категории преступления, сложности дела, количества эпизодов, объема доказательственной работы и числа необходимых следственных действий, в результате одинаковые временные рамки могут применяться к делам, заметно различающимся по фактической и процессуальной сложности [4].

Несмотря на то, что законодательство предусматривает возможность продления сроков для сотрудников следственных органов и органов дознания, на практике систематические продления приводят к нарушениям.

На основании вышеизложенного, выделяются некоторые причины, приводящие к нарушению сроков расследования, которыми являются:

- дефицит личного состава;

Согласно официальной статистике Законодательного собрания Нижегородской области, за 2025 год в Нижегородской области ощущалась нехватка сотрудников в различных подразделениях полиции. Что касается следственных органов, то недобор данного подразделения составляет 30,1 %. В целом, по области укомплектованность личного состава составляет лишь 70 % [6].

- совершение преступлений, по которым не установлено виновное лицо;

Портал правовой статистики ГУ МВД России по Нижегородской области показывает, что за 2024 год на территории Нижегородской области зарегистрировано 33 525 преступления, из которых нераскрыты 22 337, а в 2025 году из 32 729 преступлений нераскрыты 21 894. Общий массив зарегистрированных преступлений уменьшился на 2,4 %, следствие по которым обязательно составляет 4 %, а деяния, по которым следствие необязательно — 0,2 % [5].

- длительность проведения судебных экспертиз (например, автотехнических, почерковедческих, комплексных судебно-медицинских, судебно-психиатрических);

Длительное проведение экспертиз обусловлено загруженностью экспертов в связи с их нечисленностью, занятостью по основной работе, или ограниченностью технического обеспечения.

Проблема несвоевременности экспертизы наглядно проявляется в следующем примере из судебной практики, а именно: в производстве органа дознания г. А. находится уголовное дело № 000000000000000000 в отношении гр. К. по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. В рамках уголовного дела была назначена судебно-медицинская экспертиза, производство которой было поручено сотрудникам БЮРО СМЭ г. А. Согласно заключению эксперта № 000 от 00.00.0000, имеющиеся телесные повреждения у гр. Ж., причинили лёгкий вред здоровью по признаку кратковременного его расстройства, а для установления черепно-мозговой травмы необходимо провести комплексную судебно-медицинскую экспертизу с привлечением конкретных врачей-специалистов. 00.00.0000 в рамках уголовного дела назначена комплексная судебно-медицинская экспертиза, производство которой поручено сотрудникам Областного БЮРО СМЭ г. Н. В настоящее время комплексная судебно-медицинская экспертиза не закончена, ввиду очередности и занятости конкретного врача-специалиста.

- совершение нескольких преступлений, совершаемых в составе организованных групп или преступных сообществ;

Проблема в продлении расследования многоэпизодных преступлений заключается в том, что такие преступления требуют неопределенного количества времени для собирания доказательств.

Продление сроков предварительного следствия и дознания может быть обусловлено территориальной удаленностью потерпевшего или подозреваемого, так и особой сложностью самого расследования.

Производство по уголовным делам, где участником выступает несовершеннолетний, требует более сложной процессуальной организации. Следователь не может проводить допрос такого лица по общим правилам, поскольку закон предусматривает дополнительные гарантии защиты его прав и психического состояния. В соответствии со ст. 191 и 425 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего, не

достигшего шестнадцати лет, участие педагога или психолога является обязательным. Такое же правило действует в отношении несовершеннолетнего старше шестнадцати лет, если у него имеются признаки психического расстройства. Указанные требования повышают качество защиты ребенка в уголовном процессе, но одновременно усложняют планирование и проведение следственных действий [2, с. 41].

На практике часто случается так, что педагог или психолог не всегда может участвовать в следственных действиях по уголовным делам в отношении несовершеннолетних ввиду занятости по своей основной работе. Хотя участие педагога или психолога обязательно по закону, то следователь заранее должен согласовывать время для проведения следственных действий.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить ряд некоторых путей оптимизации срока предварительного следствия и дознания, которыми являются:

- грамотное составление плана расследования уголовного дела;

С помощью планирования, как организационно-управленческого метода, следственные действия обретают четкую структуру. Это позволяет достигать большей эффективности, например, путем одновременного выполнения следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

- назначение экспертиз на ранних этапах расследования;

Оперативное назначение экспертиз на ранних стадиях расследования позволяет не только сохранить материалы от порчи и потери их доказательственной силы, но и обеспечить непрерывность следственного процесса, избегая приостановления в ожидании результатов.

- внедрение электронного документооборота.

Применение электронных данных для совершенствования стадии предварительного расследования требует формального закрепления процедур изъятия доказательств с электронных носителей. На практике следователи чаще всего делают копии или скриншоты, которые затем оформляются как приложения к протоколу на электронных носителях.

- улучшение служебного взаимодействия между следственными органами, органами дознания и оперативными службами.

Согласование следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями имеет прямое значение для соблюдения разумных сроков расследования. Планирование в единой логике помогает быстрее получить доказательственную информацию, обнаружить и изъять предметы, связанные с преступлением, а также установить лиц, которым известны обстоятельства произошедшего.

Для снижения числа нарушений процессуальных сроков представляется необходимым скорректировать ст. 162 УПК РФ и поставить продолжительность предварительного следствия в зависимость от категории преступления. Такой вариант регулирования позволил бы учитывать различную сложность дел и объем доказывания.

Часть 1 ст. 162 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести должно быть окончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях — в срок, не превышающий четырех месяцев со дня возбуждения уголовного дела».

Дополнительно считаем, что нужно уточнить порядок продления дознания. В ч. 3 ст. 223 УПК РФ следует закрепить закрытый перечень оснований, при наличии которых продление будет признаваться обоснованным, к которым можно отнести сложность уголовного дела, значительное число эпизодов, необходимость проведения дополнительных следственных действий, получения заключений экспертов либо установления лиц, имеющих значение для расследования. Такой вариант повысит объективность прокурорского решения и сократит риск формального продления сроков.

В заключении данной работы хотелось бы отметить, что регулирование сроков предварительного расследования является необходимым условием для эффективного уголовного судопроизводства. Соблюдение этих сроков предотвращает замедление процесса, обеспечивает конституционное право участников на доступ к правосудию и гарантирует сохранность доказательственной базы, что, в свою очередь, создает основу для своевременного расследования, выявлению преступников и последующего судебного рассмотрения дела.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026);
2. Бауэр Д. А. Предварительное следствие как основная форма расследования преступлений в Российском уголовном процессе // Молодой ученый, 2021. № 9. 80 с. — ISBN 978-5-534-45678-3;
3. Досудебное производство по уголовным делам: учеб. пособие / И. С. Лапаев. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2021. — 58 с. — ISBN 978-5-907364-67-7;
4. Стельмах В. Ю. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / В. Ю. Стельмах. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 121 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13784-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт;
5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации;
6. Законодательное собрание Нижегородской области.

Возмещение вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения: проблемы реализации части 3 статьи 133 УПК РФ

Фенью Диана Руслановна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, реабилитация, часть 3 статьи 133 УПК РФ, возмещение вреда, незаконное задержание, меры пресечения, правоприменительные проблемы, расширительное толкование.

Ежегодно суды рассматривают тысячи дел, связанных с реабилитацией граждан. Однако правоприменители сталкиваются с серьезными трудностями при определении круга управомоченных лиц; установлении объема возмещаемого вреда и исчислении компенсации морального вреда; а также при доказывании незаконности и необоснованности примененных мер принуждения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 [4, п. 1], хотя и существенно упорядочило правоприменительную практику, не устранило всех коллизий и пробелов, особенно в части применения части 3 статьи 133 УПК РФ. Изменения, внесенные в УПК РФ в 2022–2024 годах [3], также требуют научного осмысления. Дискуссионным остается и вопрос о правовой природе ответственности государства перед лицами, незаконно подвергнутыми мерам процессуального принуждения: соотношение норм главы 18 УПК РФ со статьями 1070 ГК РФ по-прежнему вызывает споры.

Принципиально важно разграничить два понятия: «право на реабилитацию» (ч. 2 ст. 133 УПК РФ), возникающее у лиц, подвергшихся уголовному преследованию по реабилитирующим основаниям, и «право на возмещение вреда» (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), возникающее у любого лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения, в том числе у свидетелей, потерпевших и иных участников, не являвшихся подозреваемыми или обвиняемыми. Как справедливо отмечает В. В. Николюк, в главе 18 УПК РФ объединены нормы разнопланового характера. Если институт реабилитации (ч. 2 ст. 133) достаточно развит, то положения, регулирующие возмещение вреда по ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, являются «менее развитыми и малочисленными», носят общий характер и не образуют самостоятельного института [2, с. 12–13, 18].

А. Н. Глыбина и Ю. К. Якимович критикуют действующую редакцию ч. 3 ст. 133 УПК РФ, полагая, что включение в состав субъектов права на возмещение вреда потерпевшего, свидетеля или иного участника, не подвергавшегося уголовному преследованию, противоречит самой идее реабилитации. Они предлагают предоставить таким лицам право на возмещение вреда в порядке статьи 1070 ГК РФ, а не главы 18 УПК РФ [1, с. 146]. Однако более правильным представляется подход, закрепленный в пункте 6 Постановления Пленума № 17: физические

лица, не указанные в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения, имеют право на возмещение вреда в порядке главы 18 УПК РФ [4, п. 6]. Тем самым Пленум признал самостоятельность основания, предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

В. В. Николюк определяет основную группу субъектов этого права как: а) участников уголовного судопроизводства, не подвергаемых уголовному преследованию (свидетель, потерпевший, понятые и др.); б) лиц, не имеющих процессуального статуса, в отношении которых применялись принудительные меры в связи с производством следственных действий [2, с. 18]. При этом Пленум не дает развернутого перечня и не уточняет, какие именно действия считать «мерами процессуального принуждения», поэтому предложенная Николюк концепция расширительного толкования остается востребованной.

Главная проблема реализации ч. 3 ст. 133 УПК РФ — неопределенность процедуры. Законодатель, провозгласив право на возмещение вреда любому лицу, не создал четкого алгоритма. Теоретически механизм выглядит так: обжалование меры принуждения (ст. 124, 125 или 165 УПК РФ) → признание ее незаконной → обращение в суд за выплатой (ст. 399 УПК РФ) → исполнение. Однако на практике эта цепочка разрывается. Как отмечает Николюк, «закон предоставляет гражданам право уже по ходу производства по делу предъявить требование о возмещении вреда... Но заинтересованные участники не используют данного права» [2, с. 22]. Анализ практики 2018–2024 годов подтверждает, что успешное применение ч. 3 ст. 133 УПК РФ остается единичным.

Кроме того, острой процессуальной проблемой является «раздвоенность» порядка. Л. К. Острикова указывает, что требования о возмещении имущественного вреда рассматриваются в порядке ст. 399 УПК РФ, а требования об упущенной выгоде и компенсации морального вреда — в порядке гражданского судопроизводства [5, с. 108–109]. Это вынуждает пострадавшего инициировать минимум два процесса, что влечет дополнительные затраты и риск противоречивых решений.

Особого внимания заслуживает позиция В. В. Николюк относительно права подозреваемого и обвиняемого на возмещение вреда по ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Автор справедливо отмечает, что уголовное преследование может длиться годы, и все это время лицо может незаконно со-

держаться под стражей. Ожидать окончания дела и реабилитации — значит оставлять человека без защиты на длительный срок. Исходя из этого, формулируются три условия: мера принуждения признана незаконной; лицу реально причинен вред; по делу не принято итогового решения (производство продолжается) [2, с. 24–25]. Однако опросы, проведенные Николук, показали, что почти три четверти судей, адвокатов и прокуроров относят возмещение вреда подозреваемому и обвиняемому исключительно к реабилитационным процедурам [2, с. 19]. Эта теоретически обоснованная позиция остается нереализованной на практике.

Еще одна проблема — узкое понимание «мер процессуального принуждения». Незаконный обыск в жилище, выемка документов, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования — все эти действия существенно ограничивают конституционные права, но, не будучи прямо поименованными в разделе IV УПК РФ, нередко не рассматриваются судами как основание для возмещения вреда по ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Как обоснованно предлагает Николук, для целей данной нормы понятие мер принуждения должно толковаться расширительно, включая любые действия, ограничивающие конституционные права граждан [2, с. 27–28].

В связи с изложенным представляется необходимым дополнить Постановление Пленума № 17 разъяснениями

о порядке применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Следует разъяснить, что под «любим лицом» понимаются все участники судопроизводства и иные лица, не имеющие процессуального статуса; что понятие «мер процессуального принуждения» охватывает также следственные действия принудительного характера (обыск, выемка, освидетельствование и др.); что правовым основанием для возмещения вреда является судебное решение о признании акта или действия незаконным либо постановление прокурора или руководителя следственного органа по жалобе в порядке ст. 124 УПК РФ; что требования таких лиц подлежат рассмотрению в порядке главы 18 УПК РФ без необходимости обращения в гражданский процесс. Такое разъяснение не требует изменения закона, но способно скорректировать правоприменительную практику.

Таким образом, основными препятствиями для эффективной реализации ч. 3 ст. 133 УПК РФ являются: ограничительное толкование круга управомоченных лиц, узкое понимание «мер процессуального принуждения» и отсутствие единообразного подхода в судебной практике, порожденное недостаточностью официальных разъяснений Верховного Суда РФ. Преодоление этих проблем возможно разъяснениями, что позволит без изменения закона направить судебную практику в русло конституционного смысла ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Литература:

1. Глыбина, А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России / А. Н. Глыбина, Ю. К. Якимович. — Томск: Издательство Томского университета, 2006. — 146 с.
2. Николук, В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: автореферат диссертации... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Николук Валерия Вячеславовна. — Москва, 2011. — 33 с.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 07.10.2022 № 384-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428316/ (дата обращения: 01.05.2026).
4. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 09.12.2025). — Российская газета. — 2011. — 5 дек. — № 273.
5. Острикова, Л. К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности / Л. К. Острикова. // Lex russica. — 2017. — № 5 (126). — С. 105–115.

Теоретико-правовые основы противодействия деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию

Хайрутдинов Ибрагим Русланович, студент магистратуры

Научный руководитель: Севостьянов Роман Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются теоретико-правовые основы противодействия деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию. Проводится анализ понятия, системы и классификации основ противодействия, исследуются причины и условия их совершения.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, внешнее воздействие, цифровые технологии, деструктивный контент, зарубежное законодательство.

Стоит начать с того, что деструктивное информационно-психологическое воздействие (далее ДИПВ) — когда с помощью информации пытаются сбить людей с толку, поменять их взгляды и подтолкнуть к опасным поступкам. Такое влияние обычно идет через СМИ, соц-сети, мессенджеры и другие онлайн площадки.

Противодействие ДИПВ приобретает стратегическое значение и закреплено в ключевых документах, таких как Доктрина информационной безопасности РФ (2016 г.) и Стратегия противодействия экстремизму. Органы прокуратуры, обладая широкими надзорными полномочиями, играют важную роль в выявлении и нейтрализации угроз, связанных с деструктивным иностранным информационно-психологическим воздействием. Это обуславливает необходимость комплексного исследования правовых, организационных и методических аспектов деятельности прокуратуры в данной сфере, что и определяет актуальность темы магистерской работы.

С развитием цифровых технологий все больше рисков для безопасности общества связано с манипуляциями сознанием людей. Особую опасность представляет иностранное информационно-психологическое воздействие — целенаправленные усилия зарубежных структур, которые могут:

- Навредить психическому здоровью людей;
- Подорвать традиционные духовно-нравственные ценности;
- Ослабить обороноспособность страны;

Социально-психологические и культурно-идеологические причины. Первая причина — критическое снижение уровня медиаграмотности и информационной гигиены населения. Современный человек ежедневно сталкивается с огромным массивом данных, верифицировать которые он зачастую не способен либо не имеет времени. По данным МВД России, за первое полугодие 2025 года из всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений свыше 40 % совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, причём число таких деяний увеличилось на приблизительно 0,7 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. При этом процент расследованных уголовных дел оставался крайне низким, что свидетельствует о системных проблемах в работе правоохранительных органов. Отсутствие навыков критического анализа, непонимание алгоритмов работы социальных сетей, неспособность отличить достоверный источник от фейкового — всё это делает человека идеальной мишенью для информационно-психологической атаки. Преступник ис-

пользует эффект доверия к «авторитетному» источнику, эффект «социального доказательства» (подбрасывание множества однотипных комментариев) и эффект повторения (неоднократная трансляция одного тезиса).

Особую уязвимость демонстрируют подростки, что подтверждается ростом вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, пропагандирующие насилие и радикальные идеи. Криминологические исследования подтверждают, что под воздействием негативного интернет-контента происходит формирование девиантного поведения у подростков в условиях глобализации и цифровизации. Вторая причина — кризис традиционных институтов социализации и идентичности. Семья, школа, профессиональные коллективы в постиндустриальном обществе утрачивают свою прежнюю регулирующую роль. Формирование ценностных ориентиров всё в большей степени происходит не в результате межличностного общения, опосредованного культурными традициями, а в цифровой среде, зачастую анонимной и деструктивной. Это порождает феномен «цифровой атомизации», когда человек оказывается морально одинок и психологически незащищён перед лицом массовой пропаганды. Третья причина — существование субкультур, легитимирующих агрессию и противоправное поведение. Речь идёт о маргинальных интернет-сообществах, пропагандирующих насилие, ксенофобию, радикальные политические идеи. В рамках этих субкультур формируется специфический язык, символика, иерархия и система оснований («борьба за справедливость»), которые снижают психологический барьер перед совершением как собственно противоправных действий, так и перед участием в распространении деструктивной информации. Органы прокуратуры обладают наиболее эффективными рычагами воздействия именно на правовые и организационные условия совершения рассматриваемых преступлений, в то время как глубинное устранение социально-психологических и геополитических причин требует долгосрочных общегосударственных и международных усилий.

Приоритетными направлениями прокурорской деятельности в этой сфере должны стать: дальнейшее совершенствование законодательства (в том числе через реализацию права законодательной инициативы); системный мониторинг соблюдения закона о запрете деструктивного контента; внесение представлений профилактического характера в адрес федеральных и региональных органов власти, ответственных за информационную политику и образование.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/

2. Указ Президента РФ от 28.12.2024 N 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/
3. Федеральный закон от 11.03.2024 № 42-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 12. Ст. 1645.
4. Федеральный закон от 22.06.2024 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 26. Ст. 3551.
5. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4902.

Правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы в Российской Федерации: современное состояние и направления развития

Чамсаев Айдемир Анварович, студент магистратуры

Научный руководитель: Керимова Саида Назировна, старший преподаватель
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования прохождения государственной гражданской службы в Российской Федерации с учетом изменений законодательства 2024 года. На основе системного и формально-юридического методов исследования рассмотрены ключевые институты: служебный контракт, конкурсный отбор, аттестация, ротация, кадровый резерв, механизмы прекращения служебных отношений. Проведен постатейный сравнительный анализ редакций Федеральных законов № 58-ФЗ и № 79-ФЗ до и после поправок, внесенных Федеральными законами № 10-ФЗ (2024) и № 87-ФЗ (2024). Выявлены системные проблемы: фрагментарность нормативного массива, неоднородность правоприменительной практики, недостаточность процедурных гарантий при принятии кадровых решений, затрагивающих служебный статус. Авторская позиция состоит в обосновании необходимости кодификации норм о прохождении гражданской службы в самостоятельном кодифицированном акте, стандартизации аттестационных процедур и унификации механизмов судебного обжалования кадровых решений.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, служебный контракт, аттестация, ротация, кадровый резерв, конфликт интересов, правовой статус гражданского служащего, административная реформа, цифровизация государственного управления.

Правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы строится на многоуровневой системе источников, вершину которой образует Конституция Российской Федерации. Конституционные нормы о правах граждан (статьи 32, 33), о системе органов государственной власти (главы 4–7) и о разграничении предметов ведения между Федерацией и ее субъектами (статьи 71–72) задают координаты, в которых развивается все последующее законодательство о гражданской службе. Принципиально важно, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 февраля 2009 года № 2-П сформулировал правовую позицию, согласно которой конституционный принцип равного доступа к государственной службе обязывает законодателя обеспечивать не только формальное, но и содержательное равенство участников конкурсных процедур, включая обязательную мотивировку решений конкурсных комиссий [6]. Эта позиция приобретает особое значение в свете сложившейся правоприменительной практики, о которой речь пойдет ниже.

Ключевое место в системе источников занимают два федеральных закона — № 58-ФЗ и № 79-ФЗ. Закон № 58-ФЗ выполняет роль рамочного акта: он определяет виды государственной службы, закрепляет единые принципы (законность, приоритет прав человека, профессионализм, открытость и доступность) и устанавливает взаимосвязь различных видов службы в части стажа и социальных гарантий. Закон № 79-ФЗ является специальным и детально регламентирует весь жизненный цикл служебных отношений — от поступления на гражданскую службу до ее прекращения. Подзаконный уровень образован указами Президента Российской Федерации (в первую очередь Указом от 1 февраля 2005 года № 110 об аттестации и Указом от 1 февраля 2005 года № 112 о конкурсе), постановлениями Правительства и обширным массивом ведомственных нормативных актов [8; 9]. Региональный уровень представлен законами субъектов Российской Федерации, адаптирующими федеральные требования к местной специфике.

Именно эта многоуровневость порождает первую и наиболее фундаментальную проблему — фрагментар-

ность нормативного массива. Между актами различного уровня регулярно возникают коллизии, не всегда разрешаемые общим правилом приоритета акта большей юридической силы. Так, ряд ведомственных приказов устанавливает критерии оценки при аттестации, не предусмотренные и не запрещенные Указом Президента Российской Федерации № 110, что формирует правовую неопределенность и неравенство положения служащих в зависимости от ведомства. Различия в подходах к организации конкурсных процедур между федеральными органами исполнительной власти фиксируют и современные исследователи [11; 12]. Системным ответом на данную проблему могла бы стать кодификация норм о государственной службе в едином Служебном кодексе Российской Федерации — идея, неоднократно обсуждавшаяся в научной литературе (Ю. Н. Старилов, А. Ф. Ноздрачев) и заложенная еще в Концепции реформирования системы государственной службы 2001 года, однако до сих пор не реализованная [10; 12].

Обратимся к реформе 2024 года, поскольку она является наиболее актуальным предметом для научного осмысления. Федеральный закон № 10-ФЗ внес изменения в статьи 10 и 11 Закона № 58-ФЗ, конкретизировав содержание обязанности служащего соблюдать антикоррупционные ограничения и запреты: если прежняя редакция использовала обобщенную отсылку к «законодательству Российской Федерации», то новая редакция прямо называет Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» как источник соответствующих обязанностей. Более значимым является новое положение о том, что несоблюдение указанных ограничений образует основание для прекращения служебных отношений по утрате доверия вне зависимости от наличия умысла в действиях служащего. Это изменение устранило существовавшую правовую неопределенность: до 2024 года суды расходились в вопросе о том, является ли вина обязательным условием применения данного основания увольнения. Вместе с тем введение объективного критерия порождает риск несоразмерного применения нормы, что требует выработки судебной практики стандарта пропорциональности при оценке тяжести нарушения и соответствующей меры реагирования [5; 10].

Федеральный закон № 87-ФЗ затронул сразу несколько ключевых институтов Закона № 79-ФЗ. В части регулирования служебного контракта — центрального юридического инструмента оформления служебных отношений — в статью 24 была включена норма об обязательном указании конкретного структурного подразделения, в котором служащий замещает должность. До внесения изменений это требование отсутствовало в законе и применялось непоследовательно: часть органов включала данное условие в контракт, часть ограничивалась наименованием должности. Практическое значение поправки состоит в том, что перевод служащего в другое структурное подразделение того же органа теперь однозначно квалифицируется как изменение существенных условий служебного

контракта, требующее соблюдения уведомительно-согласительной процедуры с не менее чем двухмесячным сроком предупреждения. Это усиливает гарантии стабильности служебных отношений, хотя одновременно снижает оперативность кадровых маневров для представителя нанимателя — противоречие, которое законодатель предстоит разрешить при дальнейшей доработке нормы [5; 16].

Существенным образом Закон № 87-ФЗ уточнил также регулирование служебных проверок. Статья 59 Закона № 79-ФЗ была дополнена обязательным требованием об ознакомлении служащего с заключением служебной проверки не позднее трех рабочих дней после ее завершения. Прежде закон не устанавливал конкретного срока, что на практике позволяло затягивать ознакомление на неопределенное время, фактически лишая служащего возможности своевременно подготовить позицию для защиты своих прав. Вместе с тем принятая поправка остается незавершенной: закон по-прежнему не предусматривает правового последствия для случая, когда установленный срок нарушен. В отсутствие механизма санкции — например, признания заключения недействительным при несоблюдении процедуры ознакомления — норма рискует остаться декларативной.

Переходя к анализу отдельных институтов прохождения гражданской службы, следует прежде всего остановиться на конкурсных процедурах как входном фильтре для формирования кадрового состава. Статья 22 Закона № 79-ФЗ закрепляет конкурсный порядок замещения должностей гражданской службы в качестве общего правила; исключения, допускающие назначение без конкурса, носят строго исчерпывающий характер. Конкурс проводится конкурсной комиссией и включает оценку профессиональных и личностных качеств кандидатов в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 112. С 2020 года конкурсные процедуры в федеральных органах исполнительной власти переведены в электронную форму через Единую информационную систему управления кадровым составом государственной гражданской службы (ЕИСУКС), что повысило доступность информации о вакансиях для граждан [13].

Тем не менее ключевая проблема конкурсного отбора остается нерешенной: закон и подзаконные акты не обязывают конкурсную комиссию мотивировать свое решение — ни в части выбора победителя, ни в части отклонения конкретного кандидата. Это обстоятельство прямо зафиксировано Верховным Судом Российской Федерации: Суд указал, что отсутствие письменного обоснования решения конкурсной комиссии само по себе не влечет его незаконности при условии соблюдения процедурных требований. Данная позиция, будучи формально-юридически безупречной, практически исключает содержательный судебный контроль за результатами конкурса, поскольку суд лишен возможности проверить, чем именно руководствовалась комиссия при расстановке кандидатов. Автор полагает необходимым внести в статью

22 Закона № 79-ФЗ норму об обязательной мотивировке решения конкурсной комиссии с указанием оценок кандидата по каждому применявшемуся критерию: это обеспечивает реализацию правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении № 2-П, и создаст условия для действенного судебного контроля [6].

Аттестация гражданских служащих как инструмент периодической оценки соответствия должности замещает функцию постоянного мониторинга профессиональных компетенций, предполагая итоговое суждение комиссии о том, справляется ли служащий со своими обязанностями. Порядок проведения аттестации установлен Указом Президента Российской Федерации № 110 и предусматривает четыре возможных заключения — от «соответствует замещаемой должности» до «не соответствует». Критическая оценка данного института обнаруживает те же структурные дефекты, что и конкурс: отсутствие унифицированных, измеримых критериев оценки делает заключение аттестационной комиссии в значительной мере субъективным и зависимым от позиции непосредственного руководителя, который составляет отзыв на аттестуемого. На эту проблему обращали внимание еще А. В. Куракин и А. А. Демин в работах начала 2010-х годов [3; 7], однако реформа 2024 года ее не затронула. Представляется обоснованным предложение о принятии постановлением Правительства Российской Федерации единого методического стандарта аттестационной оценки с измеримыми показателями результативности (KPI) для каждой группы должностей гражданской службы, обязательного для федеральных органов и рекомендуемого для региональных.

Ротация гражданских служащих как механизм антикоррупционной профилактики была введена в Закон № 79-ФЗ в виде статьи 60.1 Федеральным законом от 6 декабря 2011 года № 395-ФЗ и предполагает планомерное перемещение служащих, замещающих отдельные должности, на иные должности того же или иного органа с периодичностью от трех до пяти лет. Закон № 87-ФЗ расширил перечень должностей, замещаемых на ротационной основе, распространив его на ряд должностей в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, регулирование которых прежде осуществлялось лишь на региональном уровне. Идея ротации концептуально верна: систематическая смена рабочего места разрушает коррупционные связи, расширяет профессиональный кругозор служащего и препятствует формированию закрытых «кормовых» зон влияния. Однако на практике данный институт демонстрирует низкую эффективность, причина которой хорошо известна: закон гарантирует сохранение денежного содержания и предоставление жилого помещения при переводе в другую местность, но механизм предоставления жилья остается неконкретизированным. В результате значительная часть служащих предпочитает увольнение принятию предложения о ротации, что нивелирует антикоррупционный потенциал института [11; 12]. Решение состоит во вве-

дении в статью 60.1 нормы о праве служащего на полное возмещение документально подтвержденных расходов на переезд и на предоставление служебного жилья в срок, не превышающий трех месяцев с момента перевода, а также на однократный отказ от ротации при наличии уважительных семейных обстоятельств без дисциплинарных последствий.

Кадровый резерв, формируемый в соответствии со статьей 64 Закона № 79-ФЗ по результатам конкурса или аттестации, призван стать основным источником заполнения вакантных должностей. По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, в кадровом резерве федеральных органов исполнительной власти по состоянию на начало 2024 года состояло более 40 000 человек, тогда как реальное использование резерва при замещении вакансий не превышало 20–25 % [14]. Это соотношение наглядно демонстрирует номинальный характер института: кадровый резерв пополняется, но фактически не задействуется, поскольку закон не обязывает представителя нанимателя отдавать приоритет резервистам перед открытым конкурсом. Введение такой обязанности с требованием письменно мотивировать проведение открытого конкурса при наличии подходящих резервистов существенно повысило бы функциональность данного института.

Правовой статус гражданского служащего представляет собой сложную систему прав, обязанностей, ограничений, запретов и гарантий, призванную обеспечить баланс между интересами государства в формировании дисциплинированного профессионального корпуса и интересами личности в стабильности служебной карьеры и защите от произвола нанимателя. Статья 14 Закона № 79-ФЗ закрепляет широкий перечень прав гражданского служащего, включая право на надлежащие условия службы, защиту персональных данных, ознакомление с документами, определяющими его правовое положение, и обжалование решений представителя нанимателя. Вместе с тем реализация этих прав сталкивается с системными барьерами. Наиболее острым является вопрос судебной защиты: споры об оспаривании кадровых решений — об увольнении, незаконном переводе, результатах аттестации — рассматриваются в рамках общего искового производства по нормам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (статья 218), которое не учитывает специфики публично-правовых служебных отношений и не предусматривает обязанности суда истребовать полный кадровый материал по собственной инициативе [20].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об ответственности представителя нанимателя перед служащим. Действующее законодательство демонстрирует очевидную асимметрию: нормы об ответственности служащего перед государством детально прописаны и снабжены действенными механизмами принуждения — дисциплинарными взысканиями вплоть до увольнения, утратой доверия, дисквалификацией. Тогда как ответственность представителя нанимателя за нарушение прав

служащего ограничивается выплатой среднего заработка за время вынужденного прогула при признании судом незаконным увольнения или перевода. Этот дисбаланс снижает практическую ценность гарантий правового статуса служащего, поскольку нет экономического стимула, удерживающего нанимателя от правонарушений. Закрепление в Законе № 79-ФЗ права служащего на компенсацию дополнительного вреда в размере не менее шести средних месячных денежных содержаний при признании незаконным кадрового решения по инициативе нанимателя способно восстановить этот баланс и придать гарантиям реальное превентивное значение.

Вектором развития регулирования, обойти который невозможно, является цифровизация государственного управления. ЕИСУКС де-факто стала основной средой для проведения конкурсов и формирования кадрового резерва, однако правовой статус электронных кадровых документов и решений, принятых в электронной форме, в Законе № 79-ФЗ по-прежнему не определен. Это порождает неопределенность в вопросах доказывания при судебных спорах: суды нередко сталкиваются с ситуацией, когда юридически значимые действия совершались исключительно в информационной системе и не имеют бумажного аналога. Принятие специальной нормы о правовом режиме электронного кадрового документооборота, включая требования к идентификации сторон, хранению и обеспечению целостности электронных кадровых документов, является неотложной задачей законодателя [13; 14].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы в Российской Федерации представляет собой динамично развивающийся, но внутренне противоречивый институт. Конституционные основы — равный доступ к государственной службе, принцип меритократии, верховенство прав человека — получили детальное законодательное воплощение в Законах № 58-ФЗ и № 79-ФЗ, однако их реализация наталкивается на системные препятствия, коренящиеся как в качестве самого нормативного массива, так и в сложившихся правоприменительных традициях.

Реформа 2024 года, воплощенная в Федеральных законах № 10-ФЗ и № 87-ФЗ, представляет собой шаг в верном направлении: конкретизация антикоррупционных обязанно-

стей служащих, уточнение условий служебного контракта в части структурного подразделения, введение срочного требования к ознакомлению с заключением служебной проверки — все это содержательные улучшения действующего регулирования. Вместе с тем характер этих изменений — точечный, паллиативный — не устраняет главной проблемы: разрозненности нормативного массива, отсутствия системного подхода к регулированию прохождения службы как единого института. Ни одна из выявленных в настоящей статье структурных проблем — необязательность мотивировки кадровых решений, низкая функциональность кадрового резерва, неурегулированность социальных гарантий при ротации, отсутствие специального процессуального порядка оспаривания кадровых решений — реформой 2024 года решена не была.

Системным ответом на накопившиеся противоречия могла бы стать кодификация норм о прохождении государственной и муниципальной службы в едином Служебном кодексе Российской Федерации. Такой кодекс, объединив рамочное и специальное регулирование, устранил бы дублирование нормативных предписаний, создал бы единую процессуальную платформу для разрешения служебных споров и обеспечил бы системную согласованность норм об ответственности служащего и ответственности нанимателя. В дополнение к кодификации необходима реализация конкретных законодательных мер: введение обязательной мотивировки решений конкурсных и аттестационных комиссий; унификация критериев оценки при аттестации через единый методический стандарт; закрепление действенных социальных гарантий при ротации; установление права служащего на дополнительную компенсацию при незаконном увольнении; создание специального административно-процессуального порядка рассмотрения служебных споров; правовое урегулирование электронного кадрового документооборота.

Реализация указанных направлений способна придать правовому регулированию прохождения государственной гражданской службы ту системность и предсказуемость, которые являются необходимым условием формирования профессионального, устойчивого и пользующегося доверием граждан корпуса государственных служащих. Это, в конечном счете, и есть подлинная цель любой реформы в данной сфере.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Бахрах Д. Н. Государственная служба России: учеб. пособие. М.: Проспект, 2009. 152 с.
3. Демин А. А. Государственная служба в Российской Федерации: учебник для магистратуры. 10-е изд. М.: Юрайт, 2023. 381 с.
4. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2003. № 22.
5. Федеральный закон от 14.02.2024 № 10-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 8.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2009 № 2-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 2, 3 и 4 статьи 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 8.
7. Куракин А. В. Государственная служба и коррупция. М.: Nota Bene, 2009. 328 с.
8. Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 6.
9. Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 6.
10. Стариков Ю. Н. Государственная служба и служебное право. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 240 с.
11. Гришконец А. А. Государственная гражданская служба: учебный курс. М.: Дело и Сервис, 2014. 624 с.
12. Ноздрачев А. Ф. Преобразования в системе государственной службы в контексте административной реформы // Законодательство и экономика. 2005. № 12. С. 5–29.
13. Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (ЕИСУКС). URL: <https://gosszluzhba.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2024).
14. Доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о состоянии государственной гражданской службы за 2023 год. М.: Минтруд России, 2024.
15. Российский статистический ежегодник. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 71–73.
16. Федеральный закон от 22.04.2024 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 18.
17. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. 2004. № 31.
18. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2015. № 10.

Основания освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа

Чеботарева Мария Владимировна, студент

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В данной статье автор рассматривает институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в соответствии со ст. 76.2 УК РФ. Анализируются положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также разъяснения Верховного Суда РФ и материалы судебной практики, после чего выявляются проблемы правового регулирования и правоприменения указанного института. Особое внимание уделяется условиям применения судебного штрафа, прежде всего возмещению ущерба и заглаживанию причинённого вреда, правовая неопределённость которых приводит к различному толкованию и неоднородности судебной практики. Рассматривается вопрос учета мнения потерпевшего при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности и проблемы оценки достаточности совершённых обвиняемым действий по заглаживанию вреда. В заключение автором предлагаются меры по совершенствованию уголовного законодательства, направленные на уточнение критериев применения ст. 76.2 УК РФ и повышение единообразия судебной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от ответственности, судебный штраф.

В уголовном праве всё большее значение приобретают меры, позволяющие освободить лицо от уголовной ответственности без назначения наказания. К таким мерам относится судебный штраф, предусмотренный ст. 76.2 УК РФ. Он применяется в случаях, когда лицо совершило преступление, но при соблюдении установленных условий может быть освобождено от уголовной ответственности без судимости [1].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2025

года было прекращено 5167 уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа, а общая сумма назначенных штрафов составила 127 133 504 рубля [2]. Это свидетельствует о широком применении данного института на практике.

Вместе с тем в правоприменении возникают вопросы, связанные с условиями его применения. В частности, отсутствуют чёткие критерии заглаживания причинённого вреда, что приводит к различной оценке аналогичных ситуаций судами. В связи с этим одной из ключевых про-

блем является размытость критерия возмещения вреда при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Появление статьи 76.2 УК РФ стало одним из заметных этапов гуманизации российского уголовного законодательства. Данная норма, являющаяся сравнительно новой для российского уголовного права, была введена Федеральным законом № 323-ФЗ от 3 июля 2016 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Именно этим законом в уголовное законодательство было закреплено новое основание освобождения от уголовной ответственности — с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера.

Законодатель исходил из идеи, что в ряде случаев государству важнее не само наказание, а возмещение причинённого вреда, восстановление социальной справедливости, примирение с обществом и предупреждение повторных правонарушений. Поэтому статья 76.2 УК РФ стала своеобразным компромиссом между уголовным преследованием и возможностью для лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, избежать судимости при соблюдении установленных законом условий.

Следует отметить, что одновременно с введением ст. 76.2 УК РФ законодатель дополнил Уголовный кодекс РФ ст. 104.4, в которой было закреплено понятие судебного штрафа и определена его правовая природа как иной меры уголовно-правового характера. В соответствии со ст. 104.4 УК РФ судебный штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности [1]. Данная мера применяется в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, и влечёт прекращение уголовного дела при условии уплаты судебного штрафа в установленном судом размере. При этом лицо освобождается от уголовной ответственности без возникновения судимости.

Как отмечает А. А. Лихолетов, судебный штраф является менее строгим проявлением отношения государства к совершенному преступлению по сравнению с наказанием в виде штрафа [3].

Это объясняется тем, что он применяется при освобождении от уголовной ответственности и не влечёт судимости, тогда как штраф как наказание назначается при признании лица виновным. В связи с этим судебный штраф по своей природе является более мягкой мерой.

Процессуальный порядок применения судебного штрафа закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ суд по собственной инициативе либо по результатам рассмотрения ходатайства следователя (с согласия руководителя следственного органа) или дознавателя (с согласия прокурора) вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование с назначением судеб-

ного штрафа в порядке и случаях, предусмотренных уголовным законом [4].

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа допускается на любой стадии судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции — до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу [4].

По мнению Е. А. Комаровой, данный институт направлен на гуманизацию уголовного права и позволяет лицу избежать такого негативного последствия обвинительного приговора, как судимость [5].

Вопрос о том, ограничивается ли суд при применении судебного штрафа исключительно проверкой формального выполнения условий, либо должен учитывать более широкий круг обстоятельств, включая оценку личности обвиняемого, остается дискуссионным в науке и правоприменении.

П. С. Яни, анализируя положения ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, высказывает позицию о том, что при совершении лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, а также при возмещении ущерба либо заглаживании причинённого вреда суд обязан освободить такое лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа без установления дополнительных обстоятельств, в том числе характеризующих личность виновного [6].

Вместе с тем Верховный Суд РФ придерживается иной позиции, указывая на необходимость учета данных о личности обвиняемого при решении вопроса о применении судебного штрафа. Наличие различных подходов к толкованию условий применения ст. 76.2 УК РФ свидетельствует о существовании неопределённости в правоприменительной практике и расширяет пределы судебного усмотрения при принятии соответствующего решения [7].

Дополнительные разъяснения возмещения ущерба и заглаживания вреда даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которому под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещён как в натуре (например, путём предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления повреждённого имущества), так и в денежной форме (в том числе возмещение стоимости утраченного имущества, расходов на лечение и иные затраты) [8].

Под заглаживанием причинённого вреда понимаются имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание помощи потерпевшему, принятие мер к извинениям, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, общества и государства [8].

Несмотря на наличие указанных разъяснений, условия применения судебного штрафа носят общий характер и не всегда позволяют однозначно определить пределы их применения. В первую очередь это касается требования о воз-

мещении ущерба или ином заглаживании причинённого вреда, которое имеет ключевое значение для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности.

Отсутствие в законе чёткого раскрытия содержания понятия «заглаживание вреда» приводит к тому, что в правоприменительной практике возникает необходимость самостоятельной оценки того, какие именно действия могут свидетельствовать о его выполнении. В результате подходы судов к оценке достаточности таких действий различаются, что формирует проблему отсутствия единых критериев и размытости данного условия применения судебного штрафа.

Следует учитывать позицию, отражённую в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, согласно которой уголовный закон не предусматривает в качестве обязательного условия применение ст. 76.2 УК РФ согласие потерпевшего. Это означает, что решение о применении судебного штрафа принимается судом независимо от позиции потерпевшего, что также влияет на оценку факта заглаживания причинённого вреда [7].

Показательной в рассматриваемом аспекте является судебная практика, в которой оценка заглаживания вреда вызывает споры между участниками процесса. Так, в Апелляционном постановлении № 10–2/3/2020 от 16 апреля 2020 г. лицо, совершившее кражу, было освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, несмотря на возражения потерпевшего. Потерпевшая сторона указывала на неполное возмещение причинённого ущерба, обращая внимание не только на стоимость похищенного имущества, но и на расходы, связанные с восстановлением повреждённого объекта, которые значительно превышали сумму, признанную в рамках уголовного дела [9].

Суд признал условие заглаживания вреда выполненным, сославшись на возврат похищенного имущества и действия обвиняемого, направленные на содействие его обнаружению, хотя фактически имущество было изъято сотрудниками полиции, а не возвращено добровольно. Доводы потерпевшего о более значительном размере ущерба и отсутствии полноценного возмещения судом приняты во внимание не были [9].

В результате сложилась ситуация, при которой заглаживание вреда, объективно воспринимаемое потерпевшим как недостаточное, было признано судом достаточным для применения судебного штрафа. Это свидетельствует о том, что оценка факта и степени заглаживания вреда в значительной мере зависит от усмотрения суда, а отсутствие чётких критериев приводит к принятию различных по своей сути решений в сходных обстоятельствах.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — Ст. 76.2, 104.4.

Как отмечают в своем исследовании Л. А. Абашина и Г. Л. Минаков, законодатель, заменив устойчивое выражение «заглаживание вины» на «заглаживание вреда», не обеспечил его содержательного раскрытия. Авторы подмечают, что такая замена не сопровождалась необходимой семантической конкретизацией, что затрудняет единообразное понимание и применение данного критерия на практике [10].

Таким образом представляется спорным отсутствие обязательного учета мнения потерпевшего при решении вопроса о применении судебного штрафа. Несмотря на то, что уголовный закон не относит согласие потерпевшего к числу обязательных условий освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, именно потерпевшая сторона наиболее объективно может оценить, был ли причинён вред действительно заглажен в полном объёме. На практике нередко возникают ситуации, при которых суд признаёт условие заглаживания вреда выполненным даже при наличии возражений потерпевшего относительно полноты возмещения ущерба. Подобный подход вызывает сомнения с точки зрения обеспечения баланса между принципом гуманизма и необходимостью защиты прав потерпевшего, поскольку формальное возмещение ущерба не всегда свидетельствует о фактическом восстановлении нарушенных прав и интересов.

Исходя из выявленных проблем, можно сделать вывод о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство Российской Федерации.

Во-первых, несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о понятии «заглаживание вреда», данное условие всё ещё остаётся оценочным и недостаточно конкретизированным. На практике сохраняется неоднородность судебных решений и широкий предел судебного усмотрения. В связи с этим целесообразно закрепить основные критерии заглаживания вреда непосредственно в уголовном законе.

Во-вторых, необходимо закрепить обязанность суда учитывать мнение потерпевшего при решении вопроса о применении судебного штрафа. При этом позиция потерпевшего не обязательно должна иметь абсолютное значение, однако закон должен предусматривать обязанность суда мотивированно оценивать его возражения относительно полноты возмещения вреда.

В-третьих, представляется необходимым более чётко определить пределы судебного усмотрения при применении ст. 76.2 УК РФ. Законодателю следует установить, какие обстоятельства, помимо формальных условий, подлежат обязательной оценке судом, включая данные о личности обвиняемого, его поведение после совершения преступления и степень общественной опасности деяния.

2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/F1-svod_vse_sudy-1-2025.xls (дата обращения: 07.05.2026).
3. Лихолетов А. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретические и прикладные проблемы (на примере преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 34–40.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921. — Ст. 25.1
5. Комарова Е. А. Анализ практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Вестник науки. 2025. № 10 С. 153–159
6. Яни П. Назначение судебного штрафа как обязанность государства // Законность. 2021. № 7. С. 30–31.
7. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-osvobozhdeniia-ot-ugolovnoi-otvetstvennosti/> (дата обращения: 07.05.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19 // СПС Консультант Плюс. — 2013 г. — с изм. и допол. в ред. от 29 ноября 2016 г.
9. Апелляционное постановление по уголовному делу № 10–2/3/2020 от 15 апреля 2020 г. // Архив Советского районного суда Кировской области. URL: sudact.ru/regular/doc/6TiyQjr37eNR (дата обращения: 07.05.2026).
10. Абашина Л. А., Минаков Г. Л. Судебный штраф — новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. № 2. С. 266–274.

Бюджетная ответственность как вид юридической ответственности

Чернышев Кирилл Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Заворин Андрей Александрович, студент

Московский университет «Синергия»

Касакалиев Марсель Таалайбекович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Авторы анализируют понятие «бюджетная ответственность», а также рассматривают виды бюджетных нарушений и бюджетные меры принуждения.

Ключевые слова: бюджетная ответственность, бюджетное нарушение, бюджетные меры принуждения, бюджетные средства, юридическая ответственность.

Бюджетная ответственность выступает как один из ключевых механизмов, гарантирующих исполнение своих обязанностей субъектами бюджетных правоотношений. Она служит инструментом защиты публичных интересов, обеспечения соответствия действий субъектов предписаниям бюджетного законодательства, для поддержания стабильности и обеспечения законности в бюджетной сфере.

Цель настоящего исследования — провести всесторонний анализ бюджетной ответственности как одной из разновидностей юридической ответственности.

Бюджетно-правовая ответственность как самостоятельная категория в российском законодательстве является сравнительно новым и дискуссионным понятием. Законодатель напрямую не выделяет «бюджетно-правовую ответственность», вместо этого используется термин «ответственность за нарушения бюджетного законодатель-

ства». Авторы работы придерживаются мнения о выделении финансовой ответственности как отдельного вида юридической ответственности, в рамках которого бюджетно-правовая ответственность занимает особое место как её разновидность.

Определяя понятие «бюджетная ответственность», можно констатировать, что это разновидность финансово-правовой ответственности, которая выражается в применении специфических мер принуждения к субъекту, нарушившему нормы бюджетного законодательства.

Основанием для возникновения бюджетной ответственности, согласно статье 306.1 Бюджетного кодекса РФ, является факт совершения бюджетного нарушения. Хотя кодекс не детализирует понятие, на основе анализа норм закона и общих теоретических положений можно сформулировать определение бюджетного нарушения, как виновное, противоправное, общественно вредное деяние (действие

или бездействие), за которое бюджетным законодательством предусмотрена соответствующая ответственность.

Ключевые признаки бюджетного нарушения включают: виновность, противоправность, вредоносность, форму совершения в виде действия или бездействия и наказуемость.

Разъясняя понятие бюджетного нарушения, необходимо конкретизировать его признаки:

А) Виновность. Вопрос о необходимости виновности как неотъемлемого признака вызывает дискуссии. Однако, например, нецелевое расходование бюджетных средств всегда предполагает наличие умысла или неосторожности, что делает виновность обязательным признаком.

Б) Противоправность. Противоправность бюджетного нарушения обусловлена тем, что в процессе его совершения нарушается бюджетное законодательство.

В) Вредоносность. Ущерб, причиняемый бюджетными нарушениями очевиден, так как они посягают на экономические публичные интересы и могут нести угрозу экономической безопасности государства.

Г) Форма совершения. Активное действие или пассивное бездействие могут составлять нарушение. Например, нецелевое расходование бюджетных средств может быть только активным действием, тогда как нарушение условий предоставления бюджетного кредита может включать как действие, так и бездействие.

Д) Наказуемость. Наказуемость заключается в наличии мер бюджетного принуждения, предусмотренных законодателем за совершение бюджетного нарушения и применяемых на основании уведомления органов финансового контроля.

Глава 30 Бюджетного кодекса РФ содержит виды бюджетных нарушений и соответствующие меры принуждения, применяемые за их совершение.

1. Нецелевое использование бюджетных средств: Предполагает направление средств бюджета и оплату ими обязательств, которые не соответствуют установленным целям расходования, закрепленным в законе (решении) о бюджете, бюджетной росписи или смете. Меры принуждения включают бесспорное взыскание суммы средств, использованных не по целевому назначению, или сокращение предоставления межбюджетных трансфертов.

2. Невозврат бюджетного кредита: Характеризуется несоблюдением сроков или условий возврата бюджетного кредита заемщиком. Бюджетные меры принуждения включают бесспорное взыскание суммы непогашенного остатка бюджетного кредита и пеней за его несвоевременный возврат. Также может применяться приостановление предоставления межбюджетных трансфертов на ту сумму, которую не погасил бюджет, которому был предоставлен бюджетный кредит.

3. Неперечисление или несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом: По сути, схоже с нарушением, связанным с невозвратом самого кредита, так как тождественен субъект и объект, но наносит меньший вред общественным отношениям. Меры принуждения аналогичны невозврату бюджетного кредита.

4. Нарушение условий предоставления бюджетного кредита: Включает несоблюдение условий, регламентирующих предоставление бюджетного кредита, или использование средств не по целевому назначению, определенному договором. Бюджетные меры включают бесспорное взыскание суммы средств, использованных с нарушением условий предоставления бюджетного кредита, и (или) платы за пользование ими и (или) приостановление предоставления межбюджетных трансфертов.

Фактически, можно выделить три основные группы бюджетных нарушений:

1. Нарушения, связанные с нецелевым использованием средств, в том числе средств, полученных по бюджетному кредиту.

2. Нарушения, связанные с порядком выплаты бюджетных кредитов. Законодатель разделяет невыплату самого кредита и неперечисление платы за пользование им.

В законе не указаны критерии различия невозврата от несвоевременного возврата, неперечисления от несвоевременного перечисления, в связи с чем возникает вопрос — в какой момент несвоевременный возврат становится невозвратом и несвоевременное перечисление — неперечислением?

3. Нарушения, связанные с условиями предоставления бюджетного кредита. Фактически, законодатель поместил в одну статью специальный вид нецелевого использования бюджетных средств и, собственно, нарушение условий предоставления бюджетного кредита, заключающееся в нарушении законодательства субъектом, который осуществляет предоставление кредита или заемщиком, не связанные с использованием средств.

Бюджетные меры принуждения — это инструмент, применяемый государством для пресечения противоправных действий и восстановления нарушенных отношений. Отсутствие карательного характера подчеркивается формулировкой «мера принуждения», а не «мера наказания».

Статья 306.2 Бюджетного кодекса РФ, предусматривает ряд бюджетных мер принуждения. К ним относятся: бесспорное взыскание суммы средств; бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами; бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета; приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций).

Бесспорный характер взыскания предполагает бесспорный, то есть принудительный и не зависящий от воли нарушителя, порядок списания средств с определенных счетов. Такая процедура не требует предварительного одобрения. Приостановление предоставления средств, в свою очередь, выступает как мера пресечения, направленная на предотвращение дальнейших нарушений путем ограничения финансовых поступлений из одного бюджета в другой.

Наряду с бюджетными мерами принуждения, к субъектам, совершившим бюджетные нарушения, могут при-

меняться меры уголовной и административной ответственности.

Список лиц и органов, способных совершить бюджетное нарушение и подпадающих под действие бюджетных мер принуждения, исчерпывающе определен частью 1 статьи 306.1 Бюджетного кодекса РФ. Он включает: высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации; местную администрацию; финансовый орган; орган управления государственным внебюджетным фондом; главного администратора бюджетных средств; администратора бюджетных средств; государственного заказчика; муниципального заказчика.

Полномочиями по привлечению к ответственности за такие нарушения наделены Министерство финансов Российской Федерации; финансовые органы субъектов Российской Федерации; финансовые органы муниципальных образований; органы управления государственными внебюджетными фондами. Эти органы в установленном порядке принимают решения о применении, изменении или отмене бюджетных мер принуждения, а также об отказе в их применении. Данные решения направляются органам, уполномоченным на их исполнение.

Непосредственное осуществление бюджетных мер принуждения возложено на Федеральное казначейство, финансовые органы субъектов РФ и муниципальных образований, а также на органы управления государственными внебюджетными фондами.

Ключевым условием применения бюджетных мер принуждения является получение финансовым органом уведомления о применении таких мер от органов государственного или муниципального финансового контроля.

Порядок привлечения к бюджетной ответственности состоит из следующих стадий:

1. Выявление бюджетных нарушений органом государственного (муниципального) бюджетного контроля

2. Оценка объема денежных средств, использованных с нарушениями, отдельно по каждому нарушению.

3. Направление органом государственного (муниципального) бюджетного контроля уведомления о применении бюджетных мер принуждения финансовому органу (органу управления государственным внебюджетным фондом). Факультативная стадия — запрос уточнения финансовым органом (органом управления государственным внебюджетным фондом) об уточнении сведений, содержащихся в уведомлении

4. Принятие финансовым органом решения о применении бюджетных мер принуждения.

5. Исполнение решения уполномоченным органом. Факультативная стадия — продление срока исполнения бюджетных мер принуждения.

В рамках данной статьи было произведено всестороннее изучение бюджетно-правовой ответственности, раскрыто понятие бюджетной ответственности, ее основных элементов, которые позволяют определять ее, как юридическую ответственность, функций бюджетной ответственности, видов бюджетных нарушений и бюджетных мер принуждения.

В ходе рассмотрения видов бюджетных нарушений и бюджетных мер ответственности, применяемых за их совершение, были выявлены некоторые несовершенства бюджетного кодекса Российской Федерации. Статья 306.7 фактически дублирует часть статьи 306.4 в части нецелевого использования средств бюджетного кредита, создавая специальный вид нецелевого использования бюджетных средств в рамках нарушения условий предоставления бюджетного кредита. Также следует отметить отсутствие законодательных критериев различия «несвоевременного возврата средств бюджетного кредита» от «невозврата средств бюджетного кредита», то же можно сказать и про «неперечисление» и «несвоевременное перечисление».

Литература:

1. Гейхман О. М., кандидат юридических наук диссертация «Бюджетно-правовая ответственность» 2004 URL: <https://www.dissercat.com/content/byudzhethno-pravovaya-otvetstvennost>
2. Гусев А. В. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/court/a52/916143.html> (дата обращения: 07.05.2026).
3. Даннинг, А. А. Дискуссионные вопросы бюджетной ответственности / А. А. Даннинг, Л. А. Фахритдинова. // Молодой ученый. — 2017. — № 23 (157). — С. 218–220. — URL: <https://moluch.ru/archive/157/44256> (дата обращения: 07.05.2026).
4. Древалъ Л. Н., Полякова С. А. О дефинициях «Бюджетное правонарушение» и «Бюджетная ответственность» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-definitziyah-byudzhethnoe-pravonarushenie-i-byudzhethnaya-otvetstvennost> (дата обращения: 07.05.2026).
5. Емельянова Е. С. Ответственность за нарушение бюджетного законодательства — автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002746280.pdf (дата обращения: 07.05.2026).
6. Комягин Д. Л. Бюджетная ответственность // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhethnaya-otvetstvennost> (дата обращения: 07.05.2026).
7. Саттарова Н. А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // Lex Russica. 2015. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya-v-byudzhethnoy-sfere-kak-faktor-effektivnogo-funktsionirovaniya-finansovoy-sistemy> (дата обращения: 07.05.2026).

Генезис понятия «незаконная миграция» в СССР и России

Чугунов Егор Александрович, студент магистратуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается историческое развитие понятия незаконной миграции в России. Анализируется изменение подходов государства к регулированию миграционных процессов от общих правил въезда, пребывания и выезда иностранных лиц до формирования уголовно-правовой ответственности за организацию незаконной миграции. Особое внимание уделяется советскому и постсоветскому периодам, в рамках которых незаконная миграция постепенно стала восприниматься не только как нарушение административного порядка, но и как угроза общественной безопасности, государственному управлению и правопорядку. Обосновывается вывод о том, что введение ст. 322.1 УК РФ стало закономерным результатом развития российского миграционного и уголовного законодательства.

Ключевые слова: незаконная миграция, организация незаконной миграции, миграционное регулирование, миграционная политика, иностранные граждане, правовой статус иностранцев, паспортная система, миграционный контроль, уголовная ответственность, государственная граница, фиктивная регистрация, история ст. 322.1 УК РФ.

История формирования понятия незаконной миграции в России связана с развитием российской государственности и изменением отношения государства к перемещению населения. В разные периоды власть либо поощряла приток иностранцев, либо стремилась ограничить их въезд, пребывание и передвижение. Поэтому современное понимание незаконной миграции сформировалось не сразу, а постепенно, по мере развития правил въезда, выезда, проживания и деятельности иностранных лиц.

Миграция сама по себе является естественным социальным процессом, обусловленным экономическими, политическими, демографическими, военными и иными обстоятельствами. Незаконной она становится тогда, когда перемещение или пребывание лица происходит с нарушением установленных государством правил. Следовательно, в основе данного явления лежит не сам факт передвижения, а несоблюдение публично-правового порядка, определяющего условия въезда, пребывания, выезда, трудовой деятельности и миграционного учета. В научной литературе отмечается, что незаконная миграция возникает под влиянием двух основных обстоятельств: нежелания лица соблюдать требования закона либо невозможности выполнить эти требования в конкретных жизненных условиях [5, с. 85]. Это показывает, что незаконная миграция не всегда объясняется исключительно криминальным намерением. Нередко она формируется на пересечении правового запрета, социально-экономической нужды и недостаточной эффективности государственного регулирования.

Для России проблема миграции всегда имела особое значение. Это связано с огромной территорией страны, расширением государственных границ, многонациональным составом населения и необходимостью освоения новых земель. В отличие от многих европейских государств, Россия решала не только задачу ограничения иностранного присутствия, но и задачу заселения обширных территорий. Поэтому отечественная миграционная политика исторически была двойственной: с одной стороны,

перемещение населения поощрялось, с другой стороны, оно находилось под контролем власти.

В начале XX века миграционная политика стала более жесткой. Это было связано с политической нестабильностью, русско-японской войной, ростом революционного движения и приближением Первой мировой войны. Государство усиливало контроль за пребыванием иностранцев. Уголовное уложение 1903 года развивало прежние положения и обращало внимание на проживание незаконно въехавших иностранцев без вида на жительство или с просроченными документами. К началу XX века в России уже существовала развитая система регулирования миграционных процессов, включавшая пересечение границы, выдачу документов, регистрацию, надзор и ответственность. После Октябрьской революции 1917 года миграционное регулирование изменилось радикально. Дореволюционные институты были пересмотрены, а государство стало создавать новую систему контроля [1, с. 319]. В условиях гражданской войны, международной изоляции и политического противостояния вопросы въезда и выезда приобрели значение государственной безопасности. В первые годы советской власти въезд разрешался преимущественно по политическим мотивам, а выезд за границу был существенно ограничен.

УК РСФСР 1922 [4] года установил ответственность за въезд и выезд без установленного паспорта или разрешения властей. УК РСФСР 1926 [5] года усилил ответственность за аналогичные действия. Особое значение имела норма о содействии переходу государственной границы без разрешения, совершенном в виде промысла или должностными лицами, следовательно, идея наказания не только самого нарушителя, но и лица, помогающего нарушить миграционный режим, была известна советскому законодательству задолго до появления ст. 322.1 УК РФ. В дальнейшем советская система миграционного контроля стала ещё более закрытой. Паспортный режим, прописка, ограничения на выезд и строгая охрана границы существенно сужали возможности неконтролируемого перемещения. Поэтому незаконная миграция

в современном массовом понимании в СССР не получила широкого распространения. После Второй мировой войны международные связи постепенно расширялись, однако приезд специалистов и трудовых мигрантов из социалистических стран осуществлялся преимущественно в рамках межгосударственных соглашений и находился под контролем государства. УК РСФСР 1960 года [6] также содержал нормы об ответственности за нарушения миграционного режима. Они размещались в главе о преступлениях против порядка управления, что подтверждает преимущество российского подхода. Государство продолжало рассматривать незаконное пересечение границы и связанные с ним нарушения как угрозу установленному управленческому порядку. При этом организация незаконной миграции как самостоятельное преступление в советский период фактически не выделялась, поскольку закрытый характер государства и жесткий пограничный режим не создавали условий для формирования устойчивых каналов незаконной миграции, сопоставимых с современными.

Распад СССР резко изменил ситуацию. На постсоветском пространстве возникли новые государства, прежние административные связи были разрушены, а экономические и политические кризисы вызвали масштабное перемещение населения. Россия стала одним из основных направлений миграции. В этих условиях незаконная миграция уже не сводилась только к незаконному пересечению границы. Значение получили нарушение сроков пребывания, фиктивная регистрация, незаконная трудовая деятельность, использование подложных документов, транзитное перемещение и посреднические схемы.

УК РФ 1996 года первоначально закрепил ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ и противоправное изменение Государственной границы. Однако дальнейшее развитие миграционной ситуации показало, что этих норм недостаточно [2, с. 79]. Опасность представляли не только сами иностранные граждане, нарушающие режим пребывания, но и лица, создающие условия для таких нарушений. Именно этим объясняется введение в 2004 году ст. 322.1 УК РФ, установившей ответственность за организацию незаконной миграции.

Данная норма стала результатом изменения понимания миграционной угрозы. Законодатель признал, что организация незаконного въезда, пребывания и транзита является самостоятельной формой преступной деятельности. С этого момента незаконная миграция получила выраженное уголовно-правовое значение и стала рассматриваться не только как нарушение административных правил, но и как явление, способное причинить вред по-

рядку управления, общественной безопасности и интересам государства. В последующие годы система противодействия незаконной миграции продолжала развиваться. Были введены составы, связанные с фиктивной регистрацией и фиктивной постановкой на миграционный учет, усиливалась ответственность за организацию незаконной миграции, расширялись административные механизмы контроля. Это свидетельствует о том, что современная незаконная миграция воспринимается как комплексное явление, требующее сочетания разных правовых средств.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что незаконная миграция как правовое явление не сводится только к факту пересечения государственной границы с нарушением установленных правил. Ее содержание значительно шире и включает нарушение порядка въезда, пребывания, выезда, миграционного учета, трудовой деятельности, а также создание условий для таких нарушений со стороны иных лиц. Именно поэтому в современном уголовном праве особое значение получила ответственность не только самого иностранного гражданина, нарушающего миграционный режим, но и лиц, организующих незаконный въезд, пребывание или транзит.

Историческое развитие российского законодательства показывает, что предпосылки современного института ответственности за организацию незаконной миграции возникли задолго до появления ст. 322.1 УК РФ. Уже в дореволюционном и советском законодательстве прослеживалась идея наказуемости содействия незаконному перемещению через границу, использования подложных документов и нарушения установленного порядка пребывания. Однако самостоятельное уголовно-правовое значение организация незаконной миграции получила только в постсоветский период, когда рост миграционных потоков, фиктивная регистрация, незаконная трудовая деятельность и посреднические схемы стали представлять самостоятельную общественную опасность.

Следовательно, введение ст. 322.1 УК РФ стало закономерным результатом развития российского миграционного и уголовного законодательства. Современная незаконная миграция представляет собой комплексное явление, затрагивающее не только административный порядок, но и сферу общественной безопасности, государственного управления и защиты правопорядка. В связи с этим противодействие незаконной миграции требует сочетания уголовно-правовых, административных и организационных мер, направленных не только на пресечение нарушений, но и на устранение условий, способствующих их возникновению.

Литература:

1. Алексеева Л. Б., Ларин А. М., Строгович М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979. 319 с.
2. Андрищенко В. А. Установление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 3 (27). С. 79.

3. О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф.С.Р. редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22.11.1926 г.: вместе с Уголовным кодексом Р. С. Ф.С.Р. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
4. О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 01.06.1922 г.: вместе с Уголовным кодексом Р. С. Ф.С.Р. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. М., 1953. С. 85.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г.: утратил силу с 01.01.1997 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

Проблемы гражданско-правового регулирования договора аренды в Российской Федерации

Яркова Екатерина Николаевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье исследуются актуальные проблемы гражданско-правового регулирования договора аренды в Российской Федерации. Анализируются особенности заключения, исполнения, государственной регистрации и расторжения договоров аренды. Особое внимание уделяется судебной практике и проблемам определения существенных условий договора аренды. Делается вывод о необходимости совершенствования действующего гражданского законодательства.

Ключевые слова: договор аренды, арендодатель, арендатор, государственная регистрация, гражданское право, недвижимое имущество, судебная практика.

Введение

Договор аренды занимает важное место в системе гражданско-правовых обязательств Российской Федерации.

В современных условиях аренда выступает одним из наиболее востребованных инструментов регулирования имущественных отношений, обеспечивая возможность эффективного использования имущества без перехода права собственности [1, с. 12].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования арендных отношений, а также наличием многочисленных споров, возникающих в судебной практике.

Правовая природа договора аренды

В соответствии со статьей 606 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору аренды арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование либо во временное пользование [2].

Договор аренды относится к числу консенсуальных, возмездных и взаимных договоров.

Правовая природа договора аренды заключается в предоставлении имущества без перехода права собственности.

Арендатор получает возможность использовать имущество в хозяйственной деятельности либо для иных целей в пределах, установленных договором и законодательством [3, с. 41].

Существенное значение имеют условия договора аренды. К ним относятся предмет договора, срок аренды и размер арендной платы.

Отсутствие индивидуализирующих признаков объекта аренды может повлечь признание договора незаключенным.

Проблемы государственной регистрации договора аренды

Одной из наиболее дискуссионных проблем современной цивилистики является государственная регистрация договора аренды недвижимости.

Согласно действующему законодательству договор аренды недвижимого имущества, заключенный на срок более одного года, подлежит государственной регистрации [2].

На практике отсутствие государственной регистрации договора аренды нередко становится основанием для возникновения судебных споров.

При этом судебные органы исходят из того, что незарегистрированный договор способен порождать обязательственные отношения между сторонами, однако не создает правовых последствий для третьих лиц [4].

Проблема государственной регистрации осложняется необходимостью соблюдения административных процедур, а также значительным количеством документов, необходимых для регистрации сделки.

Указанные обстоятельства увеличивают сроки оформления договоров аренды недвижимости.

Проблемы расторжения договора аренды

Существенные сложности возникают и при расторжении договора аренды.

Наиболее распространенными основаниями расторжения выступают систематическое нарушение условий договора, неуплата арендной платы, использование имущества не по назначению, а также ухудшение состояния имущества.

Судебная практика показывает, что при рассмотрении подобных споров суды уделяют особое внимание доказательствам, подтверждающим факт нарушения обязательств [5, с. 77].

Отсутствие достаточной доказательственной базы нередко становится причиной отказа в удовлетворении исковых требований.

Дополнительные проблемы возникают в сфере аренды государственного и муниципального имущества, где существенное значение имеет соблюдение процедуры торгов и требований специального законодательства.

Современные тенденции развития арендных отношений

Современное развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на сферу арендных правоотношений.

Все чаще договоры аренды заключаются в электронной форме с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

Использование электронного документооборота способствует упрощению гражданского оборота, сокра-

щению сроков оформления сделок и повышению доступности юридических услуг.

Вместе с тем развитие цифровых технологий порождает новые вопросы, связанные с подтверждением действительности сделки и идентификацией сторон.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего электронные сделки и цифровой документооборот.

Заключение

Таким образом, договор аренды продолжает оставаться важнейшим инструментом регулирования имущественных отношений.

Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о наличии ряда проблем, связанных с государственной регистрацией договоров аренды, определением существенных условий договора и защитой прав участников арендных правоотношений.

В целях совершенствования гражданско-правового регулирования аренды представляется необходимым:

- уточнить последствия отсутствия государственной регистрации договора аренды;
- унифицировать судебную практику;
- расширить возможности использования электронных форм заключения договоров;
- усилить правовые гарантии защиты арендаторов и арендодателей.

Реализация указанных мер позволит повысить уровень правовой определенности и стабильности гражданского оборота.

Литература:

1. Семенова Е. Г. Правовая природа права аренды недвижимости // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2020. № 1. С. 10–15.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Шушкова А. Д. Государственная регистрация договора аренды недвижимости и правовые последствия ее неосуществления // E-Scio. 2021. № 5. С. 39–45.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.01.2013 № 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума ВАС РФ».
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой».

ИСТОРИЯ

Обзор Резервного полицейского корпуса по материалам Национального архива Японии

Гелис Урсула Ильинична, студент;
Ислямов Наиль Ильдарович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье авторы впервые в отечественной историографии публикуют перевод документа из Национального архива Японии, дающий обширную характеристику Резервному полицейскому корпусу на момент 1950 г.

Ключевые слова: Резервный полицейский корпус, оккупация Японии, Силы самообороны

Летом 1950 года вспыхнула Корейская война, и американские оккупационные войска, находившиеся в Японии, были срочно переброшены на Корейский полуостров. Островное государство, лишенное собственной армии по итогам Второй мировой войны (согласно 9-й статье Конституции), осталось практически беззащитным. Чтобы заполнить этот вакуум безопасности, главнокомандующий союзными войсками генерал Дуглас Макартур отдал приказ о срочном создании 75-тысячного «Резервного полицейского корпуса» (Keisatsu Yobitai).

Публикуемый ниже документ — это уникальный внутренний правительственный отчет Японии от октября 1950 года. По сути, перед нами «свидетельство о рождении» современных Сил самообороны Японии. Этот инспекционный доклад ценен тем, что он показывает ситуацию без прикрас: хаос первых месяцев формирования, нехватку элементарного снаряжения, использование переведенных на скорую руку американских уставов и, самое главное, сложный моральный климат. В одних казармах под руководством офицеров США оказались бывшие солдаты Императорской армии, ищущие заработка безработные и идеалисты. Этот документ позволяет взглянуть на изнанку создания одной из самых мощных армий современного мира.

Общий обзор Национального полицейского резерва (По состоянию на 24 октября 25-го года Сёва [1950 г.])

Полицейское управление

1. Личный состав и лагеря: начиная с 23 августа этого года, когда состоялось первое зачисление в региональные полицейские школы, и вплоть до 14 октября, когда прошло одиннадцатое зачисление, набор был завершен, и [личный состав] был распределен по лагерям по всей стране.

По состоянию на 24 октября, общая численность личного состава составляет 74 082 человека.

Общее количество лагерей, разбросанных по всей стране, составляет 31 объект. Названия и расположение каждого лагеря, а также численность размещенного в них личного состава, приведены в Приложении 1.

[Штамп в правом верхнем углу:] Круглая печать: СЕКРЕТНО (秘) Квадратный штамп: Национальный архив (дата получения: 4 февраля 58-го года Сёва [1983 г. — дата архивации]).

[Рукописный текст в правом верхнем углу:] Приложение 1. Лагеря, пригодные для постоянного использования (включая запланированные). В связи с тем, что для примерно 30 000 человек и оставшихся 30 000 человек временно заимствуются другие здания (военные, корпоративные и т. д.), существует острая необходимость в скорейшем перемещении и строительстве новых казарм (По состоянию на 24 октября). Управление безопасности.

Военный округ	Название лагеря (казармы)	Прежнее название лагеря (американская база)	Численность (чел.)	Местоположение (адрес)
Округ Саппоро	Макоманай	Кроуфорд (Crawford)	6 491	преф. Хоккайдо, уезд Тоёхира, Макоманай

Военный округ	Название лагеря (казармы)	Прежнее название лагеря (американская база)	Численность (чел.)	Местоположение (адрес)
	Титосэ	-	2 014	уезд Титосэ, г. Титосэ
	Хакодатэ	-	995	г. Хакодатэ, Комаба-тё
	Энива	-	1332	уезд Титосэ, г. Энива
	Энгару	-	799	уезд Момбэцу, г. Энгару
	Муроран	-	0	г. Муроран
Округ Сэндай	Нигатакэ	Хараномати или Симмельп- фенниг (Schimmelpfennig)	6788	преф. Мияги, г. Сэндай, Нигатакэ
	Хатинохэ	Хауген (Haugen)	3231	преф. Аомори, г. Хати- нохэ, Такадатэ
	Ямагата	Янгханс (Younghans)	2382	преф. Ямагата, уезд Ки- тамураяма, Дзинмати
	Мацусима	-	988	преф. Мияги, уезд Моноу, г. Ямото
	Касуминоме	Рами (Ramey)	2192	г. Сэндай, Касуминоме
	Фунаока	-	857	преф. Мияги, уезд Сибата, г. Фунаока
Округ Токио	Этюдзима	-	912	Токио, район Кото, Этюд- дзима
	Курихама	МакНайт (McKnight)	2995	преф. Канагава, г. Йокосука, Курихама
Округ Осака	Удзи	-	1373	преф. Киото, г. Удзи, Ма- цугасаки
	Окубо	-	1 985	преф. Киото, уезд Кусэ, дер. Окубо
	Нара	-	1637	преф. Нара, г. Нара, Хок- кэджи-тё
	Синодаяма	-	1430	преф. Осака, уезд Сэм- боку, дер. Хаката
Округ Хиросима	Хофу	-	3319	преф. Ямагути, г. Хофу, Наканосэки
	Мидзусима	-	1970	преф. Окаяма, уезд Аса- кути, г. Цурасима
	Этадзима	-	1381	преф. Хиросима, уезд Аки, дер. Этадзима
	Одзуки	-	756	преф. Ямагути, уезд Тоёура, дер. Оки
	Ямагути	-	1008	преф. Ямагути, г. Ямагути
	Кайтаити	-	1008	преф. Хиросима, уезд Аки, Кайтаити
	Дзэнцудзи	Кроуч (Crouch)	1 756	преф. Кагава, уезд Нака- тадо, г. Дзэнцудзи
Округ Фукуока	Куруме	-	3 378	преф. Фукуока, уезд Мии, дер. Кораути
	Сонэ	-	4 085	преф. Фукуока, г. Кокура, Сонэ-тё
	Харио	-	3 939	преф. Нагасаки, уезд Хи- гасисоноги, Харио
Итого			74082	

2. Статус формирования и обучения

Что касается формирования Полицейского резерва, то, судя по всему, в качестве образца будет в основном взята пехотная дивизия армии США. Штатное расписание в разрезе организационной структуры и званий в настоящее время

рассматривается американской военной стороной, и в ближайшее время будет доведено до сведения Полицейского резерва.

Из общего числа в 75 000 человек личного состава, офицеры (от звания полицейского 2-го класса и выше) составят примерно 5 000 человек. Как и планировалось ранее, на днях были определены 1 000 человек старшего и среднего офицерского состава из числа 8 000 кандидатов, прошедших открытый конкурс, и сейчас спешно проводится их отбор. Оставшиеся 4 000 человек офицерского состава (от полицейского 2-го класса и выше) будут набраны из рядовых, сдавших письменный экзамен, который планируется провести 10 ноября. Оставшиеся 2 000 человек младшего офицерского состава будут в дальнейшем набраны из числа рядовых.

Поскольку, как указано выше, формирование еще не завершено, в каждом лагере под руководством нескольких офицеров армии США назначено по одному временно исполняющему обязанности командира подразделения, а также по несколько командиров рот и взводов, которые осуществляют формирование.

Что касается обучения, то под руководством американских офицеров для рядовых проводится 13-недельный курс базовой подготовки. Основываясь на плане обучения, проводятся индивидуальные и групповые занятия, обучение обращению с карабином и стрелковая подготовка, строевая подготовка, построение в боевые порядки для подавления мятежей, физическая подготовка, оказание первой помощи и т. д.

Кроме того, в лагерях Накадзима и Этадзима 623 человека обучаются по специальным направлениям: штабная работа, кадры, бухгалтерия, снабжение и т. д.

Для них был проведен учебный курс продолжительностью от 2 до 5 недель. Этим сотрудникам, успешно сдавшим экзамен, были присвоены звания от полицейского 2-го класса до инспектора, они были распределены в Штаб Резерва и различные лагеря, где приступили к выполнению своих обязанностей. Ситуация с этим отражена в Приложении 2. Что касается учебных материалов, то в настоящее время используются переведенные выдержки из *F. M.* и *T.M.* (прим. пер: *Field Manuals* — *Боевые уставы*, *Technical Manuals* — *Технические наставления*). армии США, однако во многих случаях терминология подобрана неверно, поэтому признается необходимость ее корректировки и унификации японской стороной. *Штаб Национального полицейского резерва*

Вид обучения	Численность	Период (Сроки)	Место проведения	Главные инструкторы	Примечания
Персонал Штаба	165 чел.	11 сентября — 30 сентября	Полицейская академия	Должностные лица армии США и др.	
Персонал округов	185 чел.	25 сентября — 7 октября	Полицейская академия	Должностные лица армии США и др.	
Персонал снабжения	50 чел.	25 сентября — 7 октября	Эттюдзима	Должностные лица армии США и др.	
Командный состав	488 чел.	9 октября — 11 ноября	Накадзима	Офицеры армии США и др.	
Рядовой состав	Около 70 000 чел.	С 12 октября (13 недель)	В каждом лагере (казарме)	Офицеры армии США и др.	Базовая подготовка

3. Состояние боевого духа и дисциплины личного состава

Поскольку Штаб не имеет возможности в полной мере уловить фактическую ситуацию в каждом местном лагере, с целью выявления реального положения дел, недавно 12 сотрудников Штаба были направлены в различные регионы для проведения инспекции. Согласно их отчетам, в целом боевой дух и дисциплина личного состава находятся на хорошем уровне. Общая ситуация постепенно улучшается.

Кроме того, в районе Хоккайдо, судя по всему, воздействие со стороны членов Коммунистической партии на личный состав носит довольно активный характер, однако в настоящее время особых волнений из-за этого не наблюдается.

В результате инспекций реального положения дел в лагерях Резерва, в целом боевой дух был признан высоким. Однако, с другой стороны, наблюдается недовольство из-за неопределенности со штатным расписанием, невыплаты жалованья, нерешенности вопроса с присвоением званий, нехватки обмундирования, а также сильное беспокойство за будущее. Тем не менее, отношение личного состава к самому Полицейскому резерву можно условно разделить на три следующие категории:

1. Те, кто вступил в ряды, имея осознанную цель служить Резерву.
2. Те, кто рассматривает Резерв как возрождение старой (Императорской) армии. Эта прослойка в основном состоит из бывших унтер-офицеров Императорской армии. Поскольку нынешние временно исполняющие обязанности

офицеров Резерва по большей части не имеют военного опыта, бывшие военные относятся к ним крайне критично и сопротивляются их руководству. Они сохраняют сильную привязанность к порядкам старой армии. Если в будущем характер Резерва будет четко определен как военный, эта прослойка станет его самой сильной опорой. Однако на данный момент они не могут до конца смириться с текущим положением и склонны к неподчинению.

3. Третья категория, которых довольно много, — это те, кто пошел служить исключительно ради избавления от безработицы и ради стабильного заработка, рассматривая это просто как профессию. У них нет особых идеологических мотивов, их главная забота — благополучие их семей.

Учитывая эти настроения и жалобы на Штаб, инспекторы на совещании приняли решение сформулировать следующий список требований и запросов к каждому Управлению Штаба:

Требования к Управлениям (Сводка):

Управление по общим вопросам и кадрам: срочно решить вопрос с жильем и определить постоянные места дислокации. Выплачивать надбавки за службу в холодном климате (для дислоцированных на Хоккайдо). Ускорить присвоение званий, не придавать слишком большого значения гражданскому образованию. Срочно отменить старое слово «Резерв» (予備) и ввести нормальную систему обращений и воинских приветствий.

Управление снабжения и операций: срочно утвердить стандарты обмундирования, экипировки и запчастей для подразделений. Утвердить планы тренировок, раздать уставы и наставления. Выбрать квалифицированных инструкторов. Рассмотреть вопрос о создании специализированных военных училищ для подготовки кадров. В настоящий момент солдаты на Хоккайдо вынуждены сами покупать себе зимнюю одежду — срочно выслать зимнее обмундирование на север. Принять меры по базе Титосэ (Хоккайдо).

Медицинское управление и управление экипировки: срочно укомплектовать части грузовиками и легковыми автомобилями. Установить телефонную связь. Нынешние головные уборы (кепки) крайне непопулярны у личного состава; солдаты хотят получить галстуки.

4. 0 дислокации подразделений Резерва

В настоящее время подразделения используют американские военные объекты, а также некоторые гражданские рекреационные учреждения, и их первичное размещение в целом завершено.

Однако, в связи с развитием военной ситуации в Корее, ожидается возвращение войск США. Вследствие этого мы столкнемся с необходимостью срочной передислокации тех наших подразделений (численностью около 45 000 человек), которые в данный момент занимают действующие базы армии США.

Учитывая цели создания Резерва, Штаб в настоящее время разрабатывает план будущей дислокации войск, предусматривающий получение новых объектов для размещения или строительство новых военных лагерей.

Литература:

1. Обзор состояния Национального полицейского резерва (警察予備隊の概況) [Электронный ресурс] // Национальный архив Японии (National Archives of Japan). Официальные документы Канцелярии премьер-министра за 1950 г. Том 13. Штаб Национального полицейского резерва. Док. № 007. URL: <https://www.digital.archives.go.jp/img/1619644>

Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна как идеологическая основа Китайской Народной Республики

Исмагилова Эльвина Айратовна, студент;

Епифанова Карина Яковлевна, студент

Научный руководитель: Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуется государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна как фундаментальный идеологический источник формирования и развития политико-правовой системы Китайской Народной Республики. Автор анализирует ключевые концепции маоистской теории — «новую демократию», «диктатуру народной демократии» и «народную войну» — в их влиянии на конституционное оформление власти, систему управления и правосознание в КНР. Особое внимание уделяется адаптации классического марксизма-ленинизма к китайским реалиям (аграрный характер рево-

люции, роль крестьянства, стратегия «опоры на собственные силы»). На основе историко-правового и сравнительного методов работы делается вывод, что доктрина Мао Цзэдуна заложила принципы партийно-государственного единства, классовой борьбы как основы правопонимания и мобилизационного типа правовой культуры. Статья адресована исследователям истории государства и права, политологам, а также всем интересующимся идеологическими основами современного Китая.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, доктрина, идеология, Китайская Народная Республика, социализм, народная власть, международное право, история государства и права, государственность.

Введение

Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна представляет собой органическую часть марксизма-ленинизма, адаптированную к условиям китайского общества первой половины XX века. Она стала теоретическим фундаментом, на котором была построена Китайская Народная Республика (КНР) в 1949 году. В отличие от классических европейских марксистских концепций, маоизм (как часто называют эту доктрину на Западе) сделал акцент на аграрный характер революции, партизанскую стратегию и решающую роль «народных масс» в строительстве нового государства.

Актуальность. Доктрина Мао является основой, на которой строилась политическая структура страны. Изучение этих основ позволяет лучше понять, как осуществляется власть в Китае, почему КПК сохраняет свои позиции и как функционирует система управления. Культурная революция и другие радикальные изменения, инициированные Мао, предоставляют ценные уроки о последствиях экстремальных политических и социальных экспериментов. Доктрина Мао и её последствия стали основой для понимания современного китайского экономического чуда. Интерес к тому, как идеи и принципы, разработанные в Маоистский период, вписываются в контекст рыночной экономики и глобализации, остаётся высок. Вопросы классовой борьбы и распределения ресурсов, которые занимали центральное место в доктрине Мао, остаются актуальными сегодня. Критика режима в отношении прав человека и социального неравенства требует понимания исторического контекста и идеологических основ современной политики. Углублённое изучение идеологических аспектов, заложенных в доктрине Мао, может помочь понять, как китайское руководство применяет марксистские принципы в современных условиях, а также как различные интерпретации маоизма влияют на внутреннюю и внешнюю политику страны. Актуальные вопросы о влиянии Китая на международную арену также требуют анализа государственной доктрины.

Основная часть

Китайская доктрина в области права, регулирующего отношения между государствами, сложилась во второй половине XX века и испытала сильное воздействие советской правовой мысли. Со временем многие заимствованные идеи были переосмыслены и приспособлены

к внешнеполитическому курсу КНР. В статье прослеживается история этой доктрины с 1949 г. (образование КНР) по 1992 г. (победа реформаторских сил). За указанные десятилетия страна пережила несколько крутых поворотов и во внутренней жизни, и во внешней политике.

Описав внутренний и внешний контекст, автор переходит к анализу развития юридического образования и науки, рассматривает марксистский подход как методологический фундамент китайской доктрины, её позиции по отдельным вопросам межгосударственного права и, наконец, её вклад в развитие этой правовой отрасли — таким, каким его представляют сами китайские учёные. В заключении обобщаются характерные черты данной доктрины. Среди них — лояльность исследователей государству, отсутствие притязаний на новизну, нехватка критики и открытой дискуссии, строгая структурированность, слабая развитость отвлечённого мышления и юридического языка, ограниченный (сугубо китайский) взгляд на вещи и заметные внешние воздействия. Многие из этих свойств коренятся в особом общественном положении китайского учёного: образованное сословие здесь никогда не составляло обособленной страты, а всегда входило в правящий класс; ключевой ступенью карьеры была сдача экзаменов, открывающих доступ к государственной службе; высшая задача интеллектуала виделась не в поиске истины, а в укреплении власти и попечении о народе. Вопрос о том, куда она будет развиваться и сможет ли воздействовать на общемировой порядок, остаётся открытым.

Мао Цзэдун — фигура, чье имя неразрывно связано с рождением и становлением Китайской Народной Республики (КНР). Его идеи, воплощенные в государственно-правовой доктрине, стали не просто теоретическим обоснованием, но и живым двигателем, формировавшим политическую, социальную и правовую систему страны на протяжении десятилетий. Понимание этой доктрины — ключ к осмыслению истории и современного состояния Китая.

От революции к государственному строительству: Основные постулаты Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна не была статичной системой, она развивалась вместе с революционным процессом и строительством нового государства. Однако можно выделить ряд ключевых элементов, которые легли в основу идеологического фундамента КНР:

Диктатура пролетариата и народная демократия: Мао Цзэдун, опираясь на марксистско-ленинские идеи, утвер-

ждал, что власть в КНР должна принадлежать рабочему классу и крестьянству, объединенным в единый народный фронт. Это означало установление «диктатуры пролетариата», которая, однако, трактовалась как «народная демократия».

Роль Коммунистической партии Китая: КПК рассматривалась как авангард рабочего класса, единственная сила, способная вести народ к социализму и коммунизму. Партия была не просто политической организацией, но и высшим органом власти, определяющим все аспекты жизни государства и общества. Ее руководящая роль была абсолютной и не подлежащей сомнению.

Национальный суверенитет и самоопределение: Мао Цзэдун уделял огромное внимание защите национального суверенитета Китая и его независимости от внешнего влияния. Это стало краеугольным камнем внешней политики КНР и способствовало формированию сильного национального самосознания.

Приоритет политики над правом: В маоистской системе право часто рассматривалось как инструмент для достижения политических целей и классовой борьбы. Это означало, что политические решения и идеологические установки могли иметь приоритет над формальными правовыми нормами. Правовая система была подчинена задачам укрепления власти КПК и построения социализма.

Отсутствие независимой судебной власти: Судебная система была интегрирована в партийную структуру и не обладала независимостью. Судьи, по сути, были исполнителями воли партии, а правосудие часто носило политизированный характер. Приговоры могли выноситься на основе идеологической оценки, а не только на основании доказательств.

Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна, несмотря на ее противоречивость и трагические последствия некоторых ее проявлений, оставила неизгладимый след в истории КНР. Она заложила основы политической системы, где КПК занимает центральное место, и сформировала определенные представления о роли государства и права в обществе.

Литература:

1. Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 416 с.
2. Гуриева С. Д., Джимиев П. Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. № 4.
3. История дипломатии / под ред. А. А. Громыко: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М.: ИПЛ, 1979. 766 с. Конституционные акты Китая: хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. 190 с.
4. Кудашев Р. Ш. Записки переводчика СССР и КНР // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 136–144.

Важно подчеркнуть, что маоизм, как идеологическая основа, не был просто набором догм. Он представлял собой динамичную систему взглядов, постоянно адаптирующуюся к меняющимся условиям. Мао Цзэдун верил в силу человеческой воли и способность масс, направляемых партией, преодолевать любые препятствия. Эта вера пронизывала все аспекты его государственно-правовой доктрины, от организации производства до формирования общественного сознания.

В маоистской концепции право не было самоцелью, а служило инструментом для достижения более высоких целей — построения коммунистического общества. Это означало, что правовые нормы могли быть гибкими, изменяться в зависимости от политической конъюнктуры и классовой борьбы. «Революционная целесообразность» часто превалировала над формальной законностью. Именно поэтому в периоды «Большого скачка» и «Культурной революции» правовая система претерпевала радикальные изменения.

Современное китайское право, хотя и стало более развитым и формализованным, все еще несет на себе отпечаток маоистского прошлого. Принцип «демократического централизма» по-прежнему является основой партийного и государственного управления, а идеологическая работа остается важным инструментом поддержания социальной стабильности и легитимности власти.

Таким образом, государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна — это не просто исторический артефакт, а живой элемент, продолжающий формировать политический ландшафт и правовую реальность Китайской Народной Республики. Ее изучение позволяет глубже понять не только прошлое, но и настоящее Китая, а также прогнозировать его будущее развитие в условиях постоянно меняющегося мира. Понимание маоистского наследия дает ключ к осмыслению того, как страна, пережившая десятилетия революционных потрясений, смогла трансформироваться в одну из ведущих мировых держав, сохраняя при этом уникальную политическую систему, основанную на идеологических принципах, заложенных «великим кормчим».

Отражение темы первого полета человека в космос в советской филателии 1961 года: сюжеты, тиражи и пропагандистский эффект

Кожина Ксения Андреевна, студент;

Рябова Эльвира Ивановна, студент

Научный руководитель: Бабаков Виктор Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируется отражение первого полета человека в космос в советской филателии начального периода космической эры. Основное внимание уделяется знаковой серии марок 1961 года, ее сюжетам, тиражам и идеологической роли. На основе каталогов и научных работ рассматривается, как эти миниатюры стали действенным инструментом массовой пропаганды. Делается вывод о том, что филателия была не просто способом почтовой оплаты, а мощным средством конструирования национальной гордости и демонстрации технологического превосходства СССР.

Ключевые слова: советская филателия, космическая пропаганда, Юрий Гагарин, первый полет в космос, сюжеты марок, тиражи, идеология, холодная война.

Reflection of the theme of the first human space flight in Soviet philately in 1961: subjects, circulation and propaganda effect

Kozhina Kseniya Andreevna, student;

Ryabova Elvira Ivanovna, student

Scientific advisor: Babakov Viktor Valeryevich, candidate of historical sciences, associate professor
St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article analyzes the reflection of the first human spaceflight in Soviet philately during the early period of the space age. The focus is on the iconic 1961 stamp series, its themes, circulation, and ideological role. Based on catalogs and scholarly works, the article examines how these miniatures became an effective tool for mass propaganda. The conclusion is that philately was not just a means of paying postage, but a powerful tool for constructing national pride and demonstrating the technological superiority of the USSR.

Keywords: Soviet philately, space propaganda, Yuri Gagarin, the first space flight, stamp subjects, print runs, ideology, and the Cold War.

12 апреля 1961 года Юрий Гагарин на корабле «Восток-1» за 108 минут облетел Землю. Это событие стало не просто научным прорывом, а настоящей сенсацией во всём мире. В разгар холодной войны, когда СССР и США соревновались во всём — от вооружений до науки — полёт человека в космос был колоссальным успехом для Советского Союза. И конечно, этот успех нужно было правильно показать, причём не только внутри страны, но и за рубежом. Радио, газеты, плакаты — всё работало на то, чтобы закрепить образ СССР как ведущей космической державы.

Почтовые марки в этом деле сыграли особую роль. Марки тогда были одним из самых массовых средств пропаганды. Они расходились миллионами экземпляров, попадали в каждую семью, на каждое предприятие. А когда письмо отправляли за границу, марка становилась ещё и международным посланием. Исследователь советской визуальной пропаганды Е. А. Федосов очень точно заметил, что она «коснулась практически всех аспектов жизни советского человека: через политический идеал, идентичность, чувство личной ответственности за страну и осмысление глобальной роли СССР» [4, с. 209]. Это в полной мере относится и к филателии.

Реакция почтового ведомства оказалась удивительно быстрой. Уже на следующий день после приземления Га-

гарина, 13 апреля 1961 года, в обращение вышла первая марка. Она была номиналом 10 копеек (ЦФА № 2562), и её автор, художник И. Левин, изобразил на ней космический корабль «Восток-1» на фоне звёздного неба. Рядом с кораблём — голова космонавта в условном гермошлеме, а на заднем плане виднеются очертания Московского Кремля.

Чуть позже, 14 апреля, появилась вторая марка, уже на 6 копеек (ЦФА № 2561). На ней нарисована ракета-носитель «Восток» на фоне земного шара. Но самое интересное в этой марке — не картинка, а специальный купон с цитатой Н. С. Хрущёва: «Наш народ первым проложил путь к социализму. Он первым проник в космос, открыл новую эру в развитии науки...» [1]. Эта надпись прямо связывала технический успех с политическим руководством страны — мол, смотрите, кто у нас у власти, такие и результаты.

Третья марка серии, самая дешёвая — 3 копейки (ЦФА № 2560) — вышла 17 апреля. На ней Левин поместил портрет Гагарина в профиль, а рядом ракету «Восток» [1]. Очень простой, но выразительный образ.

Сюжеты марок были лаконичны, но глубоко символичны. Не безликая ракета, а живой, обаятельный человек, чье имя мгновенно узнал весь мир, становился главным символом советского рывка к звёздам.

Рис. 1. Почтовая марка СССР. 1961. Серия «Первый полёт человека в космос». Портрет Ю. А. Гагарина. 10 коп. (ЦФА № 2562). Художник И. Левин

Рис. 2. Почтовая марка СССР 1961 г. с изображением ракеты-носителя «Восток» (ЦФА № 2561). Художник И. Левин

Рис. 3. Почтовая марка СССР 1961 г. (ЦФА № 2560). Художник И. Левин. Портрет Ю. А. Гагарина и ракета-носитель «Восток»

Главная сила марки как пропагандистского инструмента — это её тираж. Марку с портретом Гагарина (3 копейки) напечатали в количестве нескольких миллионов штук. Для сравнения, другие памятные марки того же года обычно выходили по 2–3 миллиона экземпляров [2]. При этом «гагаринские» марки ещё и допечатывали, иногда чуть меняя цвет. Спрос был колоссальный, и государство его полностью удовлетворяло.

Благодаря таким тиражам портрет космонавта и изображения ракеты попали буквально повсюду. Внутри страны они лежали на столах в учреждениях, на заводах, в сельсоветах, в обычных квартирах. А когда письмо уходило за рубеж, марка превращалась в своего рода послание для иностранцев. Исследователь В. В. Комиссаров, который подробно изучал организацию советской научно-технической пропаганды, подчёркивает, что всё это «освещалось централизованно, с привлечением широкого круга исполнителей по достаточно подробным планам» [3, с. 172]. Филателия, безусловно, была частью этой системы.

Когда марка попадала на конверт, она начинала работать сразу в нескольких направлениях. Федосов, анализируя визуальную пропаганду в целом, выделяет такие линии, как идеологическая, национальная, повседневная и международная [4, с. 205–208]. И все они отлично просматриваются в нашей почтовой серии.

Идеологический посыл был, пожалуй, самым заметным. Марки не просто сообщали факт: «человек полетел в космос» — они этот факт возвеличивали. Они кричали: «Смотрите, какая у нас страна!» Федосов пишет, что «космос довольно прочно вошел в сюжетный ряд визуальной пропаганды... тема тиражировалась не только силами центральной прессы и агитпропа» [4, с. 205]. Действительно, всё, что можно было украсить ракетой или портретом Гагарина, немедленно украшалось — и марки тут не исключение. Уже то, что на одной из них красовалась цитата Хрущёва, делало эту миниатюру политическим плакатом.

Но марки работали и на более личном уровне. Они создавали гордость за своих. Федосов отмечает, что пропаганда создавала «коллективный портрет советских людей, прославлялось их мужество, труд, разум и творческий гений» [4, с. 206]. Портрет Гагарина стал символом этого нового образа. Человек, который покупал марку с его лицом или получал письмо с такой маркой, как будто прикасался к подвигу.

Интересно и то, как марки входили в повседневную жизнь. Письмо с «гагаринской» маркой хранили, её не выбрасывали. Она лежала где-то на полке, на неё натыкались взглядом. Так, через бытовую мелочь, каждый человек чувствовал, что он тоже часть большого события.

Нельзя забывать и про международный эффект. Кремль на марке, цитата главы правительства на купоне — всё это предназначалось не только для внутреннего зрителя. Иностранцам показывали: наш триумф не случаен, он обеспечен всей системой. И этот успех, как подчёркивала пропаганда, служит миру и прогрессу. Федосов по этому поводу замечает: «достижения страны позиционировались в качестве вклада в дело мира и прогресса всего человечества» [4, с. 208]. Даже простая бумажка с клеевой обратной стороной вносила свой вклад в международный престиж СССР.

Подводя итог, можно сказать, что серия из трёх марок 1961 года — это не просто коллекционный материал. Это свидетельство того, как серьёзно в СССР относились к любым способам пропаганды. С помощью продуманных сюжетов и гигантских тиражей эти марки смогли и прославить строй, и укрепить гордость людей за свою страну, и донести до всего мира мысль о советском лидерстве в космосе. Глядя на эти маленькие бумажки, понимаешь, что в Советском Союзе ни одно визуальное сообщение, попавшее в массовый оборот, не оставалось просто сообщением — оно почти всегда несло в себе идеологический посыл.

Литература:

1. Гуревич, Я.Б., Щербаков, В. И. Космическая филателия. Каталог-справочник. — М.: Связь, 1979. — 152 с.
2. Каталог почтовых марок СССР. 1918–1980. — М.: ЦФА «Союзпечать», 1983–1984.
3. Комиссаров, В. В. Пропаганда советских космических достижений в 1960–1970-х гг.: формы, способы, ограничения // Российская история. — 2023. — № 1. — С. 170–177.
4. Федосов, Е. А. Идеологема «космос» в образах советской визуальной пропаганды 1957–1965 гг. // Новейшая история России. — 2023. — Т. 13, № 1. — С. 200–218.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Внешняя политика Российской Федерации на Арабском Востоке

Закиров Камиль Маратович, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Начиная с советских времен и на протяжении длительного времени Ближний Восток сохраняет центральное значение во внешнеполитической стратегии России из-за геополитических, экономических и военно-политических интересов. СССР активно поддерживал национально-освободительные движения в арабских странах. Современная Россия стремится к конструктивным отношениям с государствами Арабского Востока, которые были бы выгодны обеим сторонам. Для этого Российская Федерация продвигает инициативы по урегулированию вооруженных конфликтов в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика, Ближний Восток, арабские государства, регион, политика, экономика, позиции, сотрудничество.

Foreign Policy of the Russian Federation in the Arab East

Zakirov Kamil Maratovich, student
Kazan (Volga region) Federal University

Since Soviet times, and for a long time, the Middle East has remained central to Russia's foreign policy strategy due to its geopolitical, economic, and military-political interests. The USSR actively supported national liberation movements in Arab countries. Modern Russia strives for constructive relations with the states of the Arab East, which would be beneficial to both sides. To this end, the Russian Federation is promoting initiatives to resolve armed conflicts in the region.

Keywords: foreign policy, Middle East, Arab states, region, politics, economy, positions, cooperation.

Внешняя политика Российской Федерации на Арабском Востоке представляет собой сложный и многослойный процесс, охватывающий различные исторические эпохи и политические реалии. Эта политика претерпела значительные изменения, начиная с советского периода и заканчивая современными вызовами и возможностями.

Во времена СССР внешняя политика на Ближнем Востоке была активно ориентирована на поддержку арабских государств и укрепление влияния Советского Союза в этом стратегически важном регионе. СССР не только выступал одним из инициаторов создания государства Израиль в 1948 году, но и позже, в свете меняющейся политической ситуации, отказался от сотрудничества с ним. Вместо этого Советский Союз начал активно поддерживать такие страны, как Египет, Ирак, Сирия и Ливия, предоставляя им военную помощь, экономическую поддержку и политическую защиту.

В 1960-х и 1970-х годах СССР стал важным игроком на Ближнем Востоке, активно участвуя в ряде конфликтов, включая Арабо-израильские войны. Военное присутствие

СССР в регионе значительно усилилось, что способствовало укреплению связей с арабскими странами. Однако в 1980-х годах, на фоне экономических трудностей и изменения внутренней политики, Советский Союз начал самоустраняться из военно-политических процессов на Ближнем Востоке. Это привело к ослаблению связей с арабскими государствами и уменьшению влияния СССР в регионе.

С распадом Советского Союза в 1991 году российская внешняя политика на Ближнем Востоке претерпела кардинальные изменения. В 1990-е годы Россия столкнулась с внутренними проблемами, что ограничивало её возможности на международной арене. Однако с начала 2000-х годов, под руководством президента Владимира Путина, началось реформирование внешней политики, включая активизацию отношений с арабскими странами.

Россия начала искать новые подходы к взаимодействию с Ближним Востоком, стремясь восстановить утраченные позиции. Одним из ключевых факторов стало активное участие в миротворческих процессах, а также развитие экономических и культурных связей с араб-

скими государствами. Важным шагом стало восстановление отношений с Сирией, где Россия сыграла значительную роль в гражданской войне, поддерживая режим Башара Асада.

На современном этапе Россия продолжает укреплять свои позиции на Ближнем Востоке. Важным аспектом является активное участие в различных многосторонних форумах, таких как Арабская лига и Организация исламского сотрудничества. Россия также активно развивает экономические связи с арабскими странами, включая инвестиции в энергетику, инфраструктуру и сельское хозяйство.

В последние годы Россия стала важным игроком в борьбе с терроризмом в регионе, что также способствовало укреплению её позиций. Параллельно с этим, Россия старается сбалансировать свои отношения как с арабскими странами, так и с Израилем, что позволяет ей сохранять нейтралитет и влиять на миротворческие процессы.

В последние годы наблюдается значительное углубление отношений между Россией и арабскими государствами. Это сотрудничество обусловлено множеством факторов, среди которых ключевую роль играют общие вызовы в сфере национальной безопасности, стремление к укреплению государственной независимости, необходимость диверсификации экономик и использование российских технологий.

После долгого застоя РФ значительно активизировала свои отношения с государствами Арабского мира, включая Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Саудовскую Аравию, Оман, Египет и Сирию. Это сотрудничество охватывает широкий спектр областей, включая политику, экономику и безопасность, что делает Россию важным игроком на Ближнем Востоке.

Россия занимает активную позицию в вопросах урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке. Одним из ключевых аспектов является палестино-израильский конфликт, где российская дипломатия стремится выступать в роли посредника. Поддержка прав палестинского народа и стремление к справедливому решению конфликта вызывают положительный отклик среди стран Глобального Юга, что укрепляет международный авторитет России.

Важной частью российско-арабского политического диалога является совместная борьба с терроризмом и экстремизмом. Россия поддерживает контакты с государствами Ближнего Востока и Северной Африки, что позволяет координировать усилия в борьбе с угрозами безопасности, такими как ИГИЛ и Аль-Каида. Совместные операции, обмен разведывательной информацией и обучение сил безопасности — все это способствует повышению стабильности в регионе.

На фоне нестабильной международной обстановки Россия и арабские страны сталкиваются с общими угрозами, такими как терроризм, исламский радикализм и региональные конфликты. На Ближнем Востоке и в Северной Африке продолжают вооруженные столкновения, что создает условия для распространения экстре-

мистских идеологий. Обе стороны понимают, что только совместные усилия могут привести к эффективной борьбе с этими угрозами. Россия активно участвует в миротворческих инициативах и предлагает свои услуги как посредник в разрешении конфликтов, что делает её ценным партнером для арабских стран.

Экономическое взаимодействие между Россией и арабскими странами также активно развивается. Россия стремится расширить рынки сбыта для своей продукции, включая военную технику, продовольствие и атомную энергетику. Арабские страны, в свою очередь, заинтересованы в российских технологиях и инвестициях.

Одним из ярких примеров экономического сотрудничества является участие России в проектах по строительству инфраструктуры и энергетических объектов в арабских странах. В частности, российские компании активно участвуют в разработке месторождений нефти и газа, а также в строительстве атомных электростанций, что позволяет укрепить экономические связи и создать новые рабочие места.

Военное сотрудничество является одним из ключевых компонентов российской политики на Ближнем Востоке. Россия поставляет оружие и военную технику в ряд арабских стран, что не только способствует укреплению их обороноспособности, но и создает новые возможности для совместных военных учений и обмена опытом. Это сотрудничество также позволяет России расширять свое влияние в регионе и укреплять стратегические партнерства.

Основные цели политики России на Ближнем Востоке включают повышение международного авторитета страны, создание долгосрочных отношений с арабскими государствами и расширение экономических связей. Россия стремится к тому, чтобы стать надежным партнером для стран региона, что требует гибкости и готовности к диалогу.

История внешней политики Российской Федерации на Арабском Востоке — это история изменений, адаптации и стремления к восстановлению утраченных позиций. В условиях современных глобальных вызовов и изменений в международной политике Россия продолжает искать новые пути для укрепления своих позиций и развития взаимовыгодного сотрудничества с арабскими странами.

Российско-арабское сотрудничество открывает новые горизонты для обеих сторон. Россия, как важный игрок на Ближнем Востоке, продолжает развивать свои отношения с арабскими странами, стремясь к стабильности и процветанию в регионе. Успешное взаимодействие в политической, экономической и военной сферах создает основу для долгосрочного и взаимовыгодного партнерства, которое будет способствовать укреплению мира и безопасности в этом стратегически важном регионе.

Как Россия, так и арабские государства стремятся к укреплению своей независимости на международной арене. В условиях глобализации и давления со стороны

Запада они ищут новые пути для обеспечения политического, экономического и технологического суверенитета. Это сотрудничество позволяет обеим сторонам не только укрепить свои позиции, но и создать более сбалансированную многополярную систему международных отношений.

Арабские страны, особенно те, которые зависят от экспорта нефти, осознают необходимость диверсификации своих экономик. Это стремление стало особенно актуальным в свете колебаний цен на нефть и глобальных экономических вызовов. Партнерство с Россией открывает новые возможности для инвестиций и технологий, что позволяет арабским государствам снижать свою зависимость от Запада. Россия, в свою очередь, заинтересована в расширении рынков сбыта для своих товаров и услуг, что делает это сотрудничество взаимовыгодным.

Многие арабские страны имеют устаревшую инфраструктуру, основанную на советских технологиях, что создает потребность в модернизации и обновлении оборудования. Россия предлагает широкий спектр технологий в таких отраслях, как тяжелая промышленность, горнодобывающая отрасль и металлургия. Совместные проекты по модернизации инфраструктуры могут стать основой для долгосрочного сотрудничества и укрепления экономических связей.

Россия и арабские страны имеют схожие взгляды на многие вопросы международной экономики, включая необходимость защиты национальных интересов и противодействие односторонним санкциям. Это создает прочную основу для совместной работы на международной арене, а также для координации действий в рамках таких организаций, как ОПЕК+.

Одним из ключевых направлений сотрудничества является продовольственная безопасность. Россия, являясь одним из крупнейших производителей зерна, может помочь арабским странам в преодолении проблем с продовольственными поставками, особенно в условиях нарушенных логистических цепочек. Совместные проекты в сельском хозяйстве и агрономии могут значительно повысить уровень продовольственной независимости арабских стран.

Взаимное сотрудничество России и арабских стран имеет множество оснований и перспектив. Обе стороны заинтересованы в укреплении своих позиций на международной арене, борьбе с общими угрозами и диверсификации экономик. Это сотрудничество не только отвечает текущим вызовам, но и создает основу для устойчивого развития в будущем.

С начала «Поворота на Восток» российско-арабские отношения приобретают всё более значимый характер, что обусловлено как экономическими, так и политическими факторами. Ожидается, что объём торговли между Россией и арабскими странами в ближайшем будущем вырастет до 50 миллиардов долларов. Этот рост станет результатом активного сотрудничества в различных секторах экономики, включая энергетику, сельское хозяйство, технологии и инфраструктуру.

Торговые отношения между Россией и арабскими странами демонстрируют устойчивый рост. В частности, Россия активно экспортирует в арабские страны сельскохозяйственную продукцию, машины, оборудование и оружие. В свою очередь, арабские страны поставляют в Россию нефть, газ и другие энергетические ресурсы. В этом контексте стоит отметить, что Россия является одним из ключевых игроков на рынке энергетики, что делает её важным партнёром для арабских стран, стремящихся укрепить свои позиции на международной арене.

Москва реализует более 400 инвестиционных проектов в арабском регионе на общую сумму около 40 миллиардов долларов. Наиболее активными партнёрами России в этом направлении являются Объединённые Арабские Эмираты, Египет и Ирак. Эти инвестиции охватывают разнообразные сферы, включая строительство, энергетику, здравоохранение и информационные технологии. Например, в ОАЭ активно развиваются проекты в области высоких технологий и искусственного интеллекта, что открывает новые возможности для сотрудничества.

Существует заметный интерес к совместной реализации проектов в таких областях, как транспорт, логистика и искусственный интеллект. Арабские страны, обладая значительными финансовыми ресурсами, заинтересованы в российских технологиях и опыте, что создаёт благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества. Например, совместные проекты в области автономных транспортных систем и умных городов могут значительно повысить эффективность городской инфраструктуры в арабских странах.

Россия стремится использовать отношения с арабскими странами для расширения своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это сотрудничество позволяет России укрепить свои позиции в регионе, который традиционно находился под влиянием западных стран. Арабские страны, в свою очередь, стремятся снизить свою зависимость от западных партнёров и расширить свои стратегические возможности, что делает российско-арабские отношения взаимовыгодными.

Однако, несмотря на позитивные тенденции, сотрудничество между Россией и арабскими странами сталкивается с серьёзными вызовами. Одним из основных факторов является колебание цен на энергоносители, что может негативно сказаться на экономических отношениях. Кроме того, различия во внутривнутриполитических приоритетах государств-членов могут создавать препятствия для реализации совместных проектов. Наконец, давление со стороны США и Европы также остаётся значительным фактором, влияющим на развитие российско-арабских отношений.

Перспективы развития российско-арабских отношений выглядят многообещающими. Увеличение объёма торговли, активные инвестиции и совместные проекты в инновационных сферах создают основу для дальнейшего укрепления связей между двумя регионами. Однако для достижения устойчивого успеха необходимо учиты-

вать существующие вызовы и активно работать над их преодолением. В конечном итоге, успешное сотрудничество может стать важным шагом к созданию более сбалансированной и многополярной мировой экономики.

Отношения России с арабскими государствами представляют собой сложный и многогранный процесс, в котором переплетаются стратегические интересы, экономические факторы и региональные конфликты. В последние годы наблюдается тенденция к укреплению связей между Россией и арабскими странами, что обусловлено как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Рассмотрим ключевые аспекты взаимодействия России с некоторыми из наиболее значимых арабских государств.

Египет является одним из важнейших партнёров России в арабском мире. Долгие годы сотрудничества охватывают различные сферы — от экономики до военного взаимодействия. Египет стал членом БРИКС, что подчеркивает его стремление к многостороннему сотрудничеству и диверсификации внешнеэкономических связей. В последние годы Россия активно участвует в модернизации египетских вооружённых сил, а также в строительстве инфраструктурных проектов, таких как АЭС в Эссене. Эти шаги способствуют укреплению стратегического партнёрства и взаимной зависимости.

ОАЭ занимают особое место в отношениях России с арабским миром. Страна является крупнейшим торговым партнёром России среди арабских государств. Взаимодействие охватывает не только торговлю, но и инвестиции, технологии и культуру. ОАЭ активно инвестируют в российские проекты, особенно в сфере высоких технологий и недвижимости. В свою очередь, Россия поставляет в ОАЭ различные товары, включая военную технику и энергоресурсы. Сотрудничество в области туризма также активно развивается, что способствует укреплению связей между народами.

Саудовская Аравия рассматривает Россию как ключевого партнёра в контексте своей стратегии экономической диверсификации, известной как «Видение 2030». Это сотрудничество охватывает различные сферы, включая энергетику, оборону и инвестиции. Россия и Саудовская Аравия активно сотрудничают в рамках ОПЕК+, что позволяет обеим странам координировать свои действия на мировом нефтяном рынке. Укрепление многополярности в мировой политике также является важным аспектом их взаимодействия, что позволяет обеим странам укреплять свои позиции на международной арене.

Отношения России с Ираком носят прагматичный характер, однако они имеют стратегическое значение. Россия активно участвует в восстановлении и развитии иракской экономики, включая проекты в области энергетики и инфраструктуры. Сотрудничество в области безопасности также имеет важное значение, особенно в свете борьбы с терроризмом. Россия поставляет Ираку военную технику и оказывает помощь в подготовке военных кадров, что способствует укреплению позиций обеих стран.

Отношения России с Сирией претерпели изменения после смены власти в 2024 году. Россия продолжает поддерживать сирийское правительство, что позволяет ей сохранять своё влияние в регионе. Прагматическое партнёрство включает в себя военное сотрудничество, гуманитарную помощь и восстановление инфраструктуры. Россия также активно участвует в миротворческих процессах, что позволяет ей укреплять свои позиции на Ближнем Востоке.

С начала гражданской войны в Йемене в 2014 году двусторонние отношения между Россией и Йеменом значительно ухудшились. Конфликт привел к разрыву многих связей, однако Россия продолжила поддерживать образовательные программы для граждан Йемена. На данный момент около 1,5 тысячи йеменцев обучаются в российских учебных заведениях, что свидетельствует о стремлении Москвы сохранить культурные и образовательные связи, даже в условиях политической нестабильности. В будущем, с возможным разрешением конфликта, можно ожидать восстановления более активного диалога и сотрудничества в различных сферах, включая экономику и безопасность.

После свержения Муаммара Каддафи в 2011 году Ливия оказалась в состоянии глубокого политического кризиса. Россия, однако, не оставила Ливию без внимания, продолжая поддерживать контакты со всеми значимыми политическими силами. Москва выступает за инклюзивный политический процесс, направленный на восстановление единства и территориальной целостности страны. В 2023 году состоялся ряд обменов делегациями между Россией и Ливией, что подчеркивает стремление обеих сторон к укреплению связей и поиску путей для мирного разрешения конфликта.

С 2001 года Россия и Алжир взаимодействуют в рамках стратегического партнёрства, которое охватывает множество областей, включая оборону, энергетику и экономическое сотрудничество. В июне 2023 года лидеры двух стран подписали Декларацию об углублённом стратегическом партнёрстве, что стало важным шагом к дальнейшему укреплению отношений. Алжир, обладая значительными запасами углеводородов, представляет интерес для России как важный партнёр в энергетической сфере, в то время как Россия может предложить Алжиру передовые технологии и вооружение.

Россия и Тунис активно выступают за формирование многополярного мироустройства, где важную роль играет Организация Объединённых Наций. Обе страны поддерживают идеи о необходимости укрепления международного права и уважения к суверенитету государств. В последние годы Тунис проявляет интерес к российским инвестициям и технологиям, что открывает новые возможности для сотрудничества, особенно в сферах сельского хозяйства и туризма.

В 2016 году Россия и Марокко подписали Заявление об углублённом стратегическом партнёрстве, что стало важным шагом в развитии двусторонних отношений. Ма-

рокко рассматривается Россией как ключевой игрок в Северной Африке, и обе страны активно развивают сотрудничество в области торговли, культуры и безопасности. Важным аспектом является также взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, что актуально для всего региона.

Современные отношения России с арабскими странами демонстрируют многообразие подходов и стратегий, направленных на укрепление связей в условиях глобальной нестабильности. Несмотря на вызовы, с которыми сталкиваются такие страны, как Йемен и Ливия, Россия стре-

мится поддерживать диалог и развивать сотрудничество, что открывает новые горизонты для будущих отношений.

В заключение стоит отметить, что отношения России с арабскими странами являются многогранными и динамичными. Каждое государство представляет собой уникальный контекст для взаимодействия, основанного на стратегических интересах и прагматичном подходе. В условиях меняющегося мирового порядка Россия стремится укреплять свои позиции в арабском мире, что открывает новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества.

Литература:

1. Шкваря Л. Российско-арабское сотрудничество: формирование взаимных интересов // Россия и мусульманский мир. 2010. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-arabskoe-sotrudnichestvo-formirovanie-vzaimnyh-interesov> (дата обращения: 21.05.2026).
2. Касуха Я. Россия и арабский мир: история взаимоуважения и сотрудничества. URL: <https://na-journal.ru/1-2024-politologiya/8597-rossiya-i-arabskii-mir-istoriya-vzaimouvajeniya-i-sotrudnichestva>
3. Житенёв С. Ю., Васильева И. Н., Реброва Т. П., Бородик К. А., Васюков А. Н. Перспективы сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья // Управление наукой и наукометрия. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-so-stranami-blizhnego-vostoka-i-sredizemnomorya> (дата обращения: 21.05.2026).
4. Гияси З. Общие политические цели коалиции России и Ирана в сирийском конфликте // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-politicheskie-tseli-koalitsii-rossii-i-irana-v-siriyskom-konflikte> (дата обращения: 21.05.2026).
5. Бочаров Ю. Б. Развитие энерготранспортных коридоров Ближнего Востока как основа региональных конфликтов // Социально-политические науки. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-energotransportnyh-koridorov-blizhnego-vostoka-kak-osnova-regionalnyh-konfliktov> (дата обращения: 21.05.2026).
6. Сюй Чуань, Маккавеева С. С. От «возвращения на Ближний Восток» до «восстановления баланса на Ближнем Востоке» — обзор политики России на Ближнем Востоке // Казачество. 2022. № 60 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-vozvrascheniya-na-blizhniy-vostok-do-vozstanovleniya-balansa-na-blizhnem-vostoke-obzor-politiki-rossii-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 21.05.2026).
7. Абдулрахман Абдо Али Идеологический аспект советско-йеменских отношений в 1967–1990 гг. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2001. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskiiy-aspekt-sovetsko-yemenskih-otnosheniy-v-1967-1990-gg> (дата обращения: 21.05.2026).

Основные направления межмуниципального сотрудничества КНР и РФ: на примере городов Южного федерального округа

Иванова Эмилия Игоревна, студент
Волгоградский государственный университет

В работе анализируются основные направления межмуниципального сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики на примере городов Южного федерального округа. Анализ основан на отборе значимых кейсов взаимодействия, приведших к конкретным результатам. В связи с ограниченным объёмом исследования не ставится задача перечисления всех мероприятий, внимание сосредоточено на тех примерах, которые позволяют выявить устойчивые модели сотрудничества и определить специализацию отдельных муниципалитетов.

Ключевые слова: сотрудничество, связи, взаимодействие, побратимы.

Межмуниципальное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики представляет собой важное направление двустороннего взаи-

модействия, реализуемое в рамках ЮФО, включающего Ростовскую область, Волгоградскую область, Краснодарский край, Республику Крым, город федерального зна-

чения Севастополь, Республику Адыгея, Астраханскую область и Республику Калмыкия, только на уровне городов. Данные связи формируются неравномерно и зависят от экономического, инфраструктурного и институционального потенциала территорий.

Во всех рассматриваемых кейсах особую роль всегда играют гуманитарные и образовательные формы на уровне межмуниципального сотрудничества. Именно гуманитарные связи формируют основу устойчивости российско-китайского взаимодействия, обеспечивая вовлечение широкого круга участников.

Одним из наиболее устойчивых направлений является образовательное взаимодействие. Наиболее развитая модель реализуется в Волгограде в рамках сотрудничества с Чэнду. В 2012 году были установлены побратимские связи между школами № 7 двух городов, что стало отправной точкой для регулярных обменов учащимися и преподавателями [1]. В последующие годы сотрудничество было расширено: заключено соглашение между гимназией № 5 Волгограда и школой «Ваньда» Чэнду. Как результат, была сформирована устойчивая система образовательных обменов, обеспечивающая регулярное взаимодействие и воспроизводство межкультурных контактов [2].

В Краснодаре образовательная сфера развивается в более локальном формате. В частности, между гимназией № 36 Краснодара и средней школой № 39 Харбина принято соглашение о сотрудничестве, однако данные связи не получили широкого масштабирования на уровне муниципалитета [3].

Туристическая сфера выступает дополнительным направлением взаимодействия и связана с развитием региональной привлекательности. Так, в Сочи, входящем в состав Краснодарского края, в 2018 году был подписан меморандум о сотрудничестве с китайским городом Чунли, направленный на развитие горного туризма и обмен опытом управления курортной инфраструктурой. В рамках соглашения предусматривалось продвижение туристических кластеров, включая российский курорт «Роза Хутор», и обмен практиками в сфере спортивного туризма [4]. Далее последовало укрепление позиций региона в международном туристическом пространстве. Данные направления отличаются высокой устойчивостью. При сопоставимой активности различие заключается в характере взаимодействия: Волгоград демонстрирует последовательное развитие связей, тогда как Краснодарский край ведёт к расширению форм и их количества.

Экономическая сфера наиболее выражена в Ростове-на-Дону, являющемся крупнейшим деловым центром ЮФО. В 2017 году было подписано соглашение о сотрудничестве с Цзинанем, ориентированное на развитие торгово-экономических связей, привлечение инвестиций, расширение контактов между предприятиями, а также создание базы для развития деловых отношений [5].

Культурно-гуманитарная модель взаимодействия ярко выражена в Таганроге, где отношения с Цзинином после

серии совместных мероприятий привели к подписанию соглашения о побратимстве и в результате к закреплению долгосрочных культурных связей.

При этом степень развития межмуниципальных связей с КНР в субъектах ЮФО существенно различается, вследствие чего основное внимание уделяется муниципалитетам, где сотрудничество носит наиболее устойчивый характер. Однако в ряде регионов взаимодействие ограничивается отдельными инициативами и эпизодическими связями.

Так, в Республике Калмыкия взаимодействие Элисты с Лхасой было оформлено побратимством в 2004 году после визитов делегаций. Сотрудничество основано на культурно-религиозной общности и ориентировано на гуманитарные и туристические связи. В последнее время города усиливают контакт на фоне улучшения отношений между КНР и РФ. Так, в 2024 году сообщалось, что делегация Лхасы посетила Элисту с официальным визитом. Гости приняли участие в международном экономическом форуме «Элиста — 2024. Мой бизнес» [6].

В Республике Адыгея сотрудничество между городами Майкоп и Цюаньчжоу закреплено соглашением 2018 года, которому предшествовали контакты, включая взаимные визиты делегаций и участие китайской стороны в мероприятиях, проводимых в Майкопе, в частности в праздновании Дня города в 2015 году [7]. Несмотря на формальное закрепление связей, большинство направлений остаётся на стадии развития.

В Астраханской области взаимодействие с КНР развивается преимущественно на региональном уровне. Ряд проектов, начатых ранее, не получил продолжения, после первоначальной активности часть из них была свёрнута, а устойчивых форм сотрудничества на уровне муниципалитетов сформировать не удалось.

Следует учитывать, что отдельные контакты между городами КНР и ЮФО РФ не полностью соответствуют классической модели побратимства муниципалитетов. Соглашение между Автономной Республикой Крым и городом Цюньхай было подписано в 2012 году, когда Крым входил в состав Украины, и формировалось в рамках украинско-китайского взаимодействия. После вхождения Республики Крым в состав РФ в 2014 году данное соглашение не получило правопреемства в российской системе межмуниципального сотрудничества и не было включено в официальные российские реестры побратимских связей. Несмотря на сохранение отдельных упоминаний о данных контактах, их институциональный статус остаётся неопределённым. По такому же принципу действует и город федерального значения Севастополь.

В Южном федеральном округе межмуниципальное сотрудничество складывается неравномерно. Опыт свидетельствует, что отдельные муниципалитеты ведут работу по нескольким направлениям, но их фокус обычно определяется местными особенностями и ресурсами. Например, в Волгограде активно развиваются образовательные контакты, поддерживаемые регулярными обменами учени-

ками. В Ростове-на-Дону преобладает экономический аспект, что связано со статусом крупного делового центра. Туристическое направление активнее реализуется в Сочи благодаря развитой инфраструктуре, тогда как в Элисте взаимодействие во многом опирается на культурно-религиозную и историческую близость.

При этом в таких субъектах, как Краснодарский край и Республика Адыгея, заявлен широкий спектр направлений взаимодействия. Однако отсутствие стабильной

практики и системной реализации проектов ограничивает их реальную эффективность.

Следовательно, ключевую роль играет не столько количество установленных контактов, сколько их устойчивость и практическая отдача. В этом контексте выделяется город Волгоград, где взаимодействие развивается последовательно и выходит за пределы разовых инициатив, формируя целостную систему связей, что отличает его от других территорий округа.

Литература:

1. Дружеские связи между Волгоградом и Чэнду. — Текст: электронный // Сетевое издание «Вестник Кавказа» : [сайт]. — URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Druzheskie-svyazi-mezhdu-Volgogradom-i-CHendu.html> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Волгоградские школьники побывали в китайском Чэнду. — Текст: электронный // Сетевое издание «Городские вести» : [сайт]. — URL: <https://gorvesti.ru/society/volgogradskie-shkolniki-pobyvali-v-kitajskom-chjendu-28770.html> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Школы и университеты Краснодара и китайского Харбина подписали соглашения о сотрудничестве. — Текст: электронный // Сетевое издание «МК на Кубани» : [сайт]. — URL: <https://kuban.mk.ru/politics/2023/06/18/shkoly-i-universitety-krasnodara-i-kitayskogo-kharbina-podpisali-soglasheniya-o-sotrudnichestve.html> (дата обращения: 22.05.2026).
4. Горные курорты Сочи и Китая договорились о сотрудничестве. — Текст: электронный // Сетевое издание «Юг Times» : [сайт]. — URL: <https://yugtimes.com/news/90385/> (дата обращения: 20.05.2026).
5. «Эксперт Юг» приглашает студентов Юга России на летнюю практику. — Текст: электронный // Деловое медиа «Эксперт Юг» : [сайт]. — URL: <https://expertsouth.ru/news/ekspert-yug-priglasheet-studentov-yuga-rossii-na-letnyuyu-praktiku/> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Элиста-Лхаса. — Текст: электронный // Газета «Элистинская панорама» : [сайт]. — URL: <http://элиста-панорама.рф/news/40-informbyuro/6182-elista-lkhasa> (дата обращения: 20.05.2026).
7. Майкоп и Цюаньчжоу стали побратимами. — Текст: электронный // Администрация муниципального образования «Город Майкоп» : [сайт]. — URL: <https://maikop.ru/news/Maykop-i-TSyuanchzhou-stali-pobratimami/> (дата обращения: 22.05.2026).

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Передача американского подросткового сленга 1980-х годов в русских субтитрах сериала «Очень странные дела»

Алпыспаев Дамир Мерекеулы, студент

Научный руководитель: Шелестова Татьяна Юрьевна, PhD, ассоциированный профессор
Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова (Казахстан)

В данной статье рассматриваются особенности передачи американского подросткового сленга 1980-х годов в сериале «Очень странные дела». В ходе исследования анализируются примеры перевода неформальных выражений и выявляются основные переводческие трансформации, используемые при передаче сленговых фраз с оригинального (английского) языка на русский язык на основе официальных субтитров.

Ключевые слова: сленг, подростковый сленг, аудиовизуальный перевод, переводческие трансформации, сериал «Очень странные дела».

Данная статья посвящена особенностям передачи американского подросткового сленга 1980-х годов в аудиовизуальных медиатекстах на материале сериала «Очень странные дела». Сленг является одним из элементов повседневной речевой коммуникации, который отражает культурные и социальные аспекты определенной эпохи [1–3]. Особенно актуальным применение сленга является в молодежной среде, где он выполняет функции идентификации, эмоциональной экспрессии и членства в социальной группе [4]. В этом контексте сленг 1980-х представляет собой уникальный пласт, сформированный под влиянием поп-культуры, кино и музыки того времени. Актуальность работы заключается в необходимости анализа того, как современные переводчики адаптируют устаревший сленг для современной аудитории, сохраняя дух эпохи. Основная цель работы — выявить наиболее эффективные переводческие трансформации при работе с субтитрами.

Чтобы лучше понять специфику перевода, необходимо обратиться к методологии В. Н. Комиссарова, который выделяет несколько уровней эквивалентности и типов трансформаций [5]. В условиях аудиовизуального перевода (АВП) процесс осложняется техническими ограничениями субтитрирования: лимитом знаков и скоростью чтения [6]. Это заставляет переводчиков отходить от буквального перевода в пользу функциональных аналогов. Перейдем к практическому анализу примеров из сериала.

Пример 1

Оригинал	Перевод
<i>Don't be a pussy</i>	<i>Не будь тряпкой</i>

Одним из наиболее частотных приемов при переводе ругательств является адекватная замена. В данном случае наблюдается грамматическая трансформация (замена существительного глаголом). Несмотря на динамичность субтитра, мы предлагаем авторский вариант «*Не будь тряпкой*», который точнее сохраняет прагматику оригинала, направленную на уязвление маскулинности подростка, что было характерно для маскулинного сленга 80-х.

Пример 2

Оригинал	Перевод
<i>He was drunk as a skunk</i>	<i>Он был пьян просто в стельку</i>

При передаче идиоматических сравнений переводчики часто прибегают к модуляции (смысловому развитию). Переводчик заменяет английский образ («пьян как скунс») на современный русский сленгизм. Однако, с точки зрения со-

хранения исторического контекста, данный вариант кажется излишне анахроничным. Нами предлагается вариант «*Нарезался в стельку*», который является узуальным соответствием и лучше вписывается в лексический фон 1980-х годов.

Пример 3

Оригинал	Перевод
<i>Mouth breather</i>	<i>Имбецил</i>

Особую сложность представляет культурно-специфический сленг, требующий лексических замен. Здесь применена генерализация (замена специфического описания привычки общим ругательством). Автор считает, что вариант «*Тормоз*» был бы более удачным функциональным аналогом, так как он лучше отражает речевой портрет персонажа Дастина и лексику подростков того времени.

Пример 4

Оригинал	Перевод
<i>Cheesy school dance</i>	<i>Убогая школьная дискотека</i>

В случаях, когда сленг описывает социальные явления, используется конкретизация. Слово «*cheesy*» несет оттенок фальшивой слащавости и банальности [5]. Перевод «убогая» слишком широк по значению, поэтому мы предлагаем вариант «*Приторная дискотека*», который точнее передает циничное отношение главных героев к школьной рутине.

Анализ предложенных примеров показал, что переводчик стремится к максимально точному смысловому переводу, используются различные переводческие трансформации, чтобы сделать текст более понятным и естественным для русскоговорящего зрителя.

С точки зрения количества трансформаций, представленных на рисунке 1, следует отметить преобладающее число замен, над остальными видами трансформаций, поскольку 64 % от всех используемых трансформаций в примере занимают замены, на втором же месте стоит модуляция с 23 %, следом конкретизация 17 % и генерализация с 14 %, заканчивая расширением, экспликацией, компенсацией, добавлением, которые занимают куда меньший процент, что демонстрирует полезность замен как способа передачи смысла.

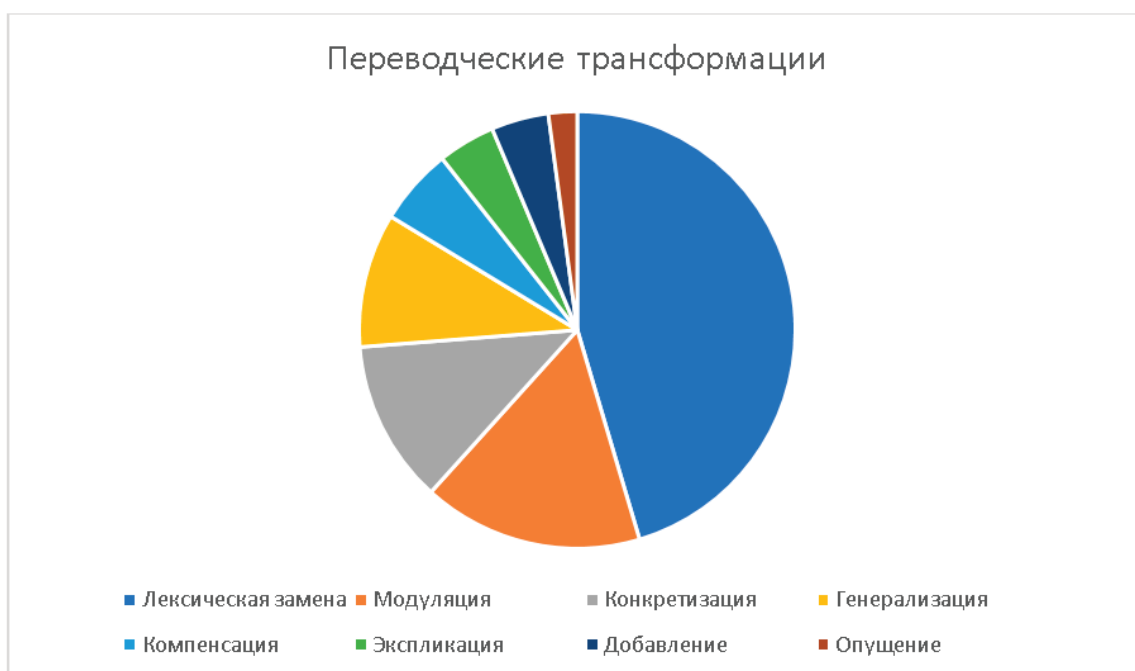

Рис. 1. Процентное соотношение переводческих трансформаций, используемые при передачи сленговых фраз

Таким образом, успешный перевод молодежного сленга в формате субтитров зависит от баланса между точностью передачи исторического контекста и соблюдением норм переводящего языка. Анализ показал, что доминирующими

трансформациями являются адекватная замена и модуляция, позволяющие сохранить коммуникативный эффект высказывания.

В заключение следует подчеркнуть, что успешная передача молодежного сленга зависит от баланса между точностью передачи исторического контекста и соблюдением норм переводящего языка. Особое внимание уделено роли речевого портрета в выборе трансформации. Очевидно, что доминирующими приемами остаются адекватная замена и модуляция. Таким образом, для сохранения атмосферы сериала переводчику необходимо избегать излишней модернизации сленга и стремиться к поиску культурно-исторических соответствий.

Литература:

1. Салиева Д. и др. Молодежный сленг в эпоху глобализации // Вестник Ошского государственного университета. — 2026. — № 1. — С. 325–341.
2. Абдуллаев М. К. Лингвистика молодежной культуры: исследование сленга в испанском языке // Журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 11. — С. 4–9.
3. Sitohang D. P., Ristia B. A. A semantic analysis of slang words used by Gen Z on social media // Young Journal of Social Sciences and Humanities. — 2025. — Т. 1. — № 2. — С. 141–150.
4. Шаронина А. А., Николаева Л. В. Лингвокультурные особенности англоязычного молодежного сленга на материале американских сериалов // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. — 2024. — № 2 (25). — С. 344–350.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
6. Тугарева В. В. Виды аудиовизуального перевода // Наука и Образование. — 2023. — Т. 6. — № 3. — С. 15–20.

Semantic and functional features of the English infinitive in Kazakh translation

Assemkhan Nazerke Kairatkyzy, master's degree, teacher

Karaganda National Research University named after Academician E. A. Buketov (Kazakhstan)

This article examines the syntactic functions of the English infinitive and the peculiarities of its translation into Kazakh. Particular attention is paid to the infinitive functioning as a subject, object, attribute, predicative, and adverbial modifier. The analysis shows that although infinitive constructions often undergo grammatical transformations in translation, their semantic and communicative functions are generally preserved.

Keywords: infinitive, syntax, translation, English language, Kazakh language, non-finite verb forms.

Семантические и функциональные особенности английского инфинитива в казахском переводе

В статье рассматриваются синтаксические функции английского инфинитива и особенности его перевода на казахский язык. Особое внимание уделяется инфинитиву в функции подлежащего, дополнения, определения, именной части сказуемого и обстоятельства. Анализ показывает, что несмотря на грамматические трансформации при переводе, семантические и коммуникативные функции инфинитивных конструкций в большинстве случаев сохраняются.

Ключевые слова: инфинитив, синтаксис, перевод, английский язык, казахский язык, нефинитные формы глагола.

The infinitive is one of the most important non-finite verb forms in English grammar. Due to its grammatical flexibility, the infinitive can perform various syntactic functions within a sentence and express actions without direct reference to tense, person, or mood [1; 4]. In modern English, infinitive constructions are widely used in both literary and everyday discourse, contributing to syntactic compression, stylistic expressiveness, and semantic precision.

In the Kazakh language, infinitive meanings are expressed through different grammatical mechanisms, primarily by means of the infinitive form and participial constructions [2; 65–69]. As a result, the translation of English infinitive constructions into Kazakh frequently involves grammatical and syntactic transformations. Despite these structural differences, translators often attempt to preserve the communicative meaning and functional role of the original construction [3; 6].

The relevance of the study lies in the increasing interest in comparative linguistics and translation studies, particularly in the context of English-Kazakh language interaction. The analysis of infinitive constructions is important not only for theoretical linguistics, but also for practical translation and language teaching.

The purpose of this article is to analyze the syntactic functions of the English infinitive and identify the main strategies used in translating infinitive constructions into Kazakh. The study focuses on the infinitive functioning as a subject, object, predicative, attribute, and adverbial modifier.

The infinitive demonstrates a wide range of syntactic functions in English. Depending on the context, it may function as a subject, object, attribute, predicative, or adverbial modifier. One of the most common functions of the infinitive is its use as a subject:

Original	Translation	Alternative Version
«It may perhaps be pleasant», replied Charlotte, «to be able to impose on the public in such a case, but it is sometimes a disadvantage to be so very guarded » [4; 27].	«-Сезіміңді білдірмей, өз-өзіңді ұстай білген, бір жағынан, дұрыс та шығар,- деді Шарлотта. -Бірақ мұндай қасиеттің жаман жағы да бар» [5; 29].	Мұндай жағдайда көпшіліктің назарына бөліну жағымды болуы мүмкін, бірақ кейде тым сақ болу ыңғайсыздық тудырады.

As can be seen from the table, the infinitive in the original sentence performs the function of the subject, whereas in the official translation it is transformed into a nominal construction (*қасиет* “quality”). Consequently, the subject function of the infinitive is lost in translation. In the source text, *to be so very guarded* functions as the subject, which is a common syntactic pattern in English. In the official Kazakh translation, however, the infinitive construction is omitted and replaced by a noun. The sentence structure also undergoes transformation. While the original sentence is expressed through a semi-complex structure, the translation is rendered as a coordinate sentence. This change affects the logical organization of the statement: in the original text, the infinitive subject presents the idea in a concise and unified manner, whereas in the translation the meaning is divided into two relatively independent statements. The proposed alternative version attempts to preserve both the non-finite form and its syntactic function. In this version, the infinitive is translated through the Kazakh infinitive form, thereby maintaining its role as the subject. As a result, the alternative translation remains structurally closer to the original text, whereas the official translation is more strongly adapted to the norms of Kazakh syntax. Therefore, although the official translation conveys the general meaning accurately, the infinitive subject construction and the original syntactic relations are not preserved. By contrast, the alternative version aims to retain the grammatical structure of the source text more consistently, which is important for analyzing the transformation of English non-finite constructions in translation.

The infinitive may also function as an object within the sentence structure.

Original	Translation	Alternative Version
«She assured him that no one intended to play , and the silence of the whole party on the subject seemed to justify her» [4; 77].	«-Кэролайн Дарсидің ойын ойнауға зауқы жоқ екенін сезіп, жездесіне ешкімнің <i>ойнағысы келмейтінін айтып</i> , ұсынысынан бас тартты» [5; 70].	Кэролайн, Дарсидің үнсіздігін байқап, жездесіне ешкімнің ойнауға ниеті жоқ екенін айтып, ұсыныстан бас тартты.

The table above illustrates the object function of the infinitive. In the original sentence, the infinitive form *to play* functions as the object. In the official translation, however, the infinitive construction is replaced with the modal-desiderative form *ойнағысы келмейтінін*. Although this form conveys the general meaning successfully and still performs the object function, the original infinitive structure is lost. In the proposed alternative version, the equivalent form *ойнауға* is expressed through the Kazakh infinitive, which preserves both the grammatical form and the syntactic function of the source construction more accurately. Structurally, both sentences represent semi-complex constructions. While the official translation is stylistically adapted to the norms of the Kazakh language, the alternative version remains closer to the grammatical organization of the original text. This demonstrates that the infinitive structure can be preserved in translation while maintaining semantic coherence.

The following example demonstrates the infinitive functioning as a predicative:

Original	Translation	Alternative Version
«I find myself very unwell this morning, which, I suppose, is to be imputed to my getting wet through yesterday» [4; 43].	«Бойыма әбден суық өткен бе, бүгін таңертең өзімді тіпті нашар сезіндім» [5; 42].	«Бүгін таңертең өзімді өте нашар сезініп тұрдым, бұл, шамасы, кешегі малмандай су болғаныммен байланысты болуы керек».

The table above illustrates the predicative function of the infinitive. In the original sentence, the infinitive construction *to be imputed* performs a predicative role. In the official translation, however, the infinitive construction is omitted and replaced with a stylistically adapted sentence expressing assumption. As a result, the original grammatical structure is not preserved. In

the proposed alternative version, the phrase *байланысты болуы* is expressed through the Kazakh infinitive form, allowing the predicative function of the original construction to be retained more accurately. In addition, the word *шамасы* preserves the meaning of *I suppose* found in the source text. Although both versions convey the general meaning, the alternative translation remains structurally and semantically closer to the original sentence.

The infinitive may also function as an attribute within the sentence structure.

Original	Translation	Alternative Version
«But when you have had time to think it over, I hope you will be satisfied with what I have done» [4; 179].	«Бірақ оңаша отырып ойлануға уақытың болған кезде менің бұл әрекетімді айыптамай, оны ақылмен істегенімді түсінерсің деп үміттенемін» [5; 158].	Бірақ ойлануға уақыт тапқан кезде, менің бұл әрекетімді дұрыс деп қабылдайтыныңа үміттенемін.

In the original sentence, the infinitive *to think* functions as an attribute modifying the noun *time*. In the official translation, however, this attributive function is replaced with an adverbial construction, which changes the grammatical structure of the sentence. Although the meaning is preserved, the original infinitive construction disappears in translation. In the alternative version, the Kazakh infinitive form is used to preserve both the syntactic function and the structure of the source text more accurately.

The following example demonstrates the infinitive functioning as an adverbial modifier:

Original	Translation	Alternative Version
«I entreat you not to suppose that I moved this way in order to beg for a partner» [4; 35].	«Мені өзіне жұп іздеп жүр деп ойлап қалған болсаңыз, қателестіңіз» [5; 35].	Мен сізден, бұл жерге келуімнің себебін өзіме жұп іздеу үшін келді деп ойламауыңызды өтінемін.

In the original sentence, the infinitive *to beg* functions as an adverbial modifier of purpose. In the official translation, however, the infinitive construction is replaced with the converbial form *іздеп жүр*, which changes the original syntactic structure. In the alternative version, the Kazakh infinitive form *іздеу үшін* preserves the purposive meaning and the adverbial function of the source construction more accurately. Although both translations convey the general meaning, the official version weakens the original stylistic tone and purpose relation, whereas the alternative translation remains closer to the grammatical and semantic structure of the source text.

The analysis demonstrates that the English infinitive performs a wide range of syntactic functions, including those of subject, object, predicative, attribute, and adverbial modifier. In translation into Kazakh, these constructions are rendered through different grammatical forms depending on the syntactic and semantic context. The study shows that although the general meaning of infinitive constructions is usually preserved, their grammatical structure and syntactic function often undergo transformation in translation. Official translations tend to adapt the sentence structure to the norms of the Kazakh language, which may result in the loss of the original infinitive construction. In contrast, the proposed alternative versions attempt to preserve both the non-finite character and the syntactic role of the infinitive more consistently. Thus, the translation of English infinitive constructions into Kazakh involves not only semantic transfer but also structural adaptation. The findings of the study highlight the importance of preserving syntactic features in translation analysis and contribute to further research in comparative linguistics and translation studies.

References:

1. Перельгут Н. М. Non-finite forms: Infinitive (Неличные формы глагола: инфинитив): рабочая тетрадь / Н. М. Перельгут. — Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2019. — 27 с.
2. Нетаалиева Қ. — У тұлғалы қимыл есімі // ҚазКСР ҒА Хабарлары. Филология және өнертану сериясы. — 1960. — № 3. — Б. 65–69
3. Грацианова Е. А. Неличные формы глагола. Инфинитив: Учебное пособие. М.: МГЛУ, 2005. 35 с.
4. Austen, J. *Pride and Prejudice* [Electronic resource]. Available at: <https://www.e-booksdirectory.com/details.php?ebook=1055> (accessed: 18.04.2026).
5. Остин, Дж. Тәкаппар ғашықтар: роман / Дж. Остин. — Алматы: Мазмұндама баспасы, 2024. — 472 б.

The role of audiovisual translation in translator training

Assemkhan Nazerke Kairatkyzy, master's degree, teacher

Karaganda National Research University named after Academician E. A. Buketov (Kazakhstan)

The article examines the role of audiovisual translation in translator training. It analyzes the main types of AVT, their use in the educational process, and the professional competencies developed through audiovisual translation activities. Based on a practical study, the research identifies the main difficulties students face while subtitling and translating colloquial speech. The findings demonstrate that audiovisual translation contributes to the development of linguistic, intercultural, and technical competencies among translation students.

Keywords: audiovisual translation, translator training, subtitling, dubbing, translation competence.

Роль аудиовизуального перевода в подготовке переводчиков

В статье рассматривается роль аудиовизуального перевода в подготовке будущих переводчиков. Анализируются основные виды AVT, особенности их использования в образовательном процессе и профессиональные компетенции, формируемые у студентов в ходе работы с аудиовизуальными материалами. На основе практического исследования выявлены основные трудности, возникающие при субтитровании и переводе разговорной речи. Результаты исследования показывают, что аудиовизуальный перевод способствует развитию языковой, межкультурной и технической компетенций студентов.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, подготовка переводчиков, субтитрование, дубляж, переводческая компетенция.

The development of globalization and information technologies has transformed the modern translation industry. Translation today extends far beyond traditional written texts and increasingly involves multimedia communication. Audiovisual translation (AVT) has become one of the fastest-growing fields within translation studies due to the expansion of international media content and streaming services.

Audiovisual translation refers to the transfer of verbal elements contained in audiovisual products from one language into another while taking into account visual, acoustic, temporal, and cultural factors. Unlike written translation, AVT requires translators to process spoken language, visual context, sound effects, gestures, and synchronization simultaneously.

The relevance of audiovisual translation in higher education continues to increase because modern translation markets require specialists capable of working with subtitles, dubbing scripts, localization projects, and multimedia materials. Therefore, integrating AVT into translator training programs has become an important methodological issue in translation pedagogy.

According to K. E. Kostrov, audiovisual translation is the translation of multimodal and multimedia texts into another language and their transfer into another culture [1; 143].

Theoretical aspects of audiovisual translation have been widely discussed in modern translation studies. According to Jorge Díaz Cintas, audiovisual translation combines linguistic transfer with technical and cultural adaptation, making it a multidimensional translation activity [2]. Researchers emphasize that AVT differs from traditional written translation because translators operate under temporal and spatial limitations.

Frederic Chaume notes that audiovisual translation requires the interaction of multiple semiotic channels, including verbal language, images, music, and sound effects. Conse-

quently, AVT develops complex translation competence that combines linguistic accuracy with technical and intercultural awareness [3].

Recent studies in translation pedagogy demonstrate that audiovisual translation can be effectively integrated into university curricula. Subtitling and dubbing tasks increase student engagement, improve listening comprehension, and expose learners to authentic language use. Researchers also emphasize the role of AVT in developing digital literacy and practical professional skills required in the contemporary translation industry.

Despite growing academic interest in audiovisual translation, its methodological application in translator education remains insufficiently explored in many educational contexts. Therefore, further research into the pedagogical potential of AVT remains relevant.

To investigate the role of audiovisual translation in translator training, a small-scale practical study was conducted among second- and third-year undergraduate translation students. The participants were given several short audiovisual fragments from interviews, films, and educational videos in English. The students were asked to produce subtitles in Kazakh while following basic subtitling conventions such as timing restrictions, synchronization, and character limitations.

The study aimed to identify:

- common translation difficulties encountered by students;
- competencies developed through audiovisual translation tasks;
- the pedagogical effectiveness of AVT activities in translator training.

The analysis was based on students' subtitle translations, classroom observations, and feedback collected after the activities.

The analysis of students' audiovisual translation projects revealed that one of the most common difficulties was the reliance on official Kazakh dubbing versions instead of direct translation from the English source text. In many cases, students reproduced lexical and syntactic structures from existing dubbed versions, which resulted in the loss of semantic nuances present in the original dialogue.

A comparative analysis between the original English scripts, official dubbed versions, and students' translations demonstrated significant interference from secondary translation. For instance, in the animated film *Tangled*, the original line "You want to go outside?" was translated by several students using the officially dubbed Kazakh version "Мұнарадан шыққым келеді дейісің?", despite the fact that the original utterance contains no reference to the tower itself. A more semantically accurate translation would be "Сыртқа шыққың келеді ме?" This example illustrates students' dependence on pre-existing dubbed adaptations rather than on the source text.

Similar tendencies were identified in the translation of the phrase "I've charted stars." Some students rendered the line as "Суретін салдым", reproducing the official dubbed version. However, the verb "to chart" implies mapping or marking celestial objects rather than drawing them. Therefore, a closer equivalent would be "Жұлдыздарды картаға белгіледім." Such examples demonstrate that students often prioritize familiar dubbed expressions over semantic precision.

The research also revealed difficulties in interpreting pragmatic meaning and context-dependent expressions. In one fragment, the German expression "Gesundheit" was translated by some students as "Солай-ақ болсын," following the official dubbed version. However, within the communicative context, the expression functions as a response to sneezing and is pragmatically closer to "Сау бол" or "Bless you." This indicates that students experienced difficulties recognizing the communicative function of culture-specific expressions.

Another frequent problem involved literal translation of polysemantic vocabulary. In *The Lion King*, the dialogue "He looks blue." was interpreted literally by several students, who

associated the adjective "blue" exclusively with color and translated the phrase accordingly. However, within the context of the scene, the word "blue" refers to an emotional state meaning sadness or depression. The misunderstanding emerged because students focused on the dictionary meaning of the word rather than its contextual and idiomatic usage. Such cases demonstrate insufficient pragmatic and contextual analysis during translation.

The study further demonstrated that students encountered difficulties when translating culturally marked and emotionally loaded expressions. For example, the phrase "You're an outcast!" was translated by some participants as "Қаңғыбас." Although this version partially conveys negative connotation, it shifts the meaning toward "wanderer" or "vagabond," whereas the original emphasizes social exclusion. More contextually accurate equivalents would be "Үйірден қуылған" or "Аластатылған".

In addition, students frequently struggled with audiovisual translation constraints such as synchronization and subtitle compression. Many participants initially attempted to preserve the complete structure of the original utterances, which resulted in excessively long subtitles that reduced readability and disrupted viewing pace. During the practical tasks, students gradually began applying translation transformations such as omission, compression, modulation, and pragmatic adaptation in order to achieve more natural and communicatively effective translations. These findings correlate with the observations of R. A. Matasov, who notes that in dubbing translation semantic synchronism may sometimes be sacrificed in order to achieve phonetic synchronism and natural articulation matching [4; 120].

Overall, the findings indicate that audiovisual translation requires students not only to possess linguistic competence but also to understand pragmatic meaning, visual context, cultural references, and technical limitations of dubbing and subtitling. The practical translation tasks contributed to the development of critical analysis skills and encouraged students to rely more on the source text rather than existing dubbed adaptations.

References:

1. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. — Т. I. — СПб, 2013. — 314 с.
2. Díaz Cintas, J., & Remael, A. Audiovisual Translation: Subtitling. Manchester: St. Jerome Publishing. — 2014.
3. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing. Manchester: St. Jerome Publishing. — 2012.
4. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты/Р. А. Матасов. — М.: МГУ, 2009. — 211 с.

Особенности отражения гендерных образов в англоязычных пословицах и поговорках

Ахметьянова Камилла Рустемовна, студент

Научный руководитель: Гумерова Наиля Жановна, кандидат филологических наук, доцент
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

В статье на материале 67 паремий из англоязычных словарей проводится тематическая классификация и лингвокультурологический анализ гендерных образов. Выявлено, что мужской образ структурируется вокруг концептов труда, слова и индивидуализма, тогда как женский образ преимущественно связывается с речевым поведением, эмоциональным непостоянством и домашней сферой.

Ключевые слова: паремиология, пословица, гендерные образы, англоязычная картина мира, лингвокультурология.

Паремиологический фонд является одним из наиболее информативных источников сведений о ценностях и мировоззрении народа [1, с. 15]. Пословицы с гендерным компонентом отражают исторически сложившиеся представления о роли мужчины и женщины. Материалом исследования послужили 67 английских паремий, отобранных методом сплошной выборки из словарей G. L. Apperson [7], R. Fergusson [8], J. Speake [10] и W. Mieder [9]. Теоретической основой послужили работы В. А. Масловой [5], С. Г. Тер-Минасовой [6], А. В. Кириллиной [3] и Е. И. Горошко [2].

Образ мужчины в английской паремиологии. Из 27 паремий с компонентом *man* выделено пять тематических подгрупп. Такое распределение по тематическим группам само по себе показательно: наиболее частотными оказываются те сферы, которые признаются общественным сознанием ключевыми для мужского опыта.

1) **Мужчина как субъект труда** (29,6 %) — доминирующая подгруппа. Пословица «*A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds*» [7, с. 412] через метафору заросшего огорода трактует праздность как нарушение природного порядка. На наш взгляд, особенно важен выбор именно садового образа: сад требует постоянного ухода, и стоит прекратить работу — он превращается в источник хаоса. Тем самым праздность мужчины приравнивается к разрушению, а не просто к бездействию. Пословица «*Every man is the architect of his own fortune*» [10, с. 82] воплощает принцип английского индивидуализма: судьба мужчины есть результат его собственных усилий [6, с. 213]. Полагаем, что метафора архитектора здесь не случайна — она подразумевает не стихийный труд, а продуманное, рациональное строительство собственной жизни по определённому плану. Обе пословицы, несмотря на разную образность, утверждают одну и ту же мысль: бытие мужчины оправдывается только его деятельностью. Мужчина предстаёт как *homo faber* — человек созидающий, и его самодостаточность неотделима от практического результата.

2) **Мужчина как носитель слова** (25,9 %). Пословица «*A man's word is his bond*» [7, с. 411] восходит к практике устных торговых договоров в средневековой Англии: слово имело юридическую силу. Представляется, что именно этот исторический контекст — опора торговой ре-

путации на личное обещание — объясняет, почему верность слову стала одним из центральных мужских качеств в англоязычной картине мира. Слово здесь не просто речевой акт, а эквивалент подписи и гарантия, обеспечиваемая самой личностью говорящего. Аналогичны по смыслу «*A man of courage never wants weapons*» [8, с. 187] и «*He is not a man who cannot say no*» [7, с. 283]. Показательно, что во всех трёх пословицах мужественность определяется через внутренние качества — волю, твёрдость, способность к отказу, — а не через физическую силу. Тем самым англоязычная паремиология формирует этический, а не биологический критерий мужественности.

3) **Мужчина как глава семьи и его зависимость от жены** (25,9 %). Пословица «*The husband is the head of the family, but the wife is the neck*» [8, с. 245] через соматическую метафору показывает: формальная власть мужа не отменяет реального контроля жены. По нашему мнению, этот образ особенно выразителен тем, что не отрицает патриархальную норму, а как бы встраивается в неё: голова остаётся сверху, но направление её поворота задаёт шея. Таким образом, пословица фиксирует характерное для англоязычной культуры признание негласного женского влияния при сохранении внешней иерархии. Амбивалентность мужской судьбы отражена в «*A man's best fortune or his worst is a wife*» [10, с. 190]. W. Mieder указывает, что данная амбивалентность типологически устойчива в европейской паремиологии [9, с. 158]. Считаем, что за этой амбивалентностью стоит признание факта, редко проговариваемого открыто в патриархальной культуре: жизненный успех мужчины в значительной мере определяется женщиной, с которой он связан.

4) **Мужчина и время: мудрость и опыт** (11,1 %). Пословица «*A wise man changes his mind, a fool never will*» [10, с. 340] определяет мудрость через готовность к рефлексии. Считаем это определение культурно значимым: мудрость здесь не статичное обладание истиной, а динамическое качество — способность пересматривать собственные взгляды. Упрямство же связывается с глупостью, что отличает англоязычную традицию от культур, где твёрдость убеждений ценится сама по себе. Контрастно звучит «*Old men are twice children*» [10, с. 240]. Эта пословица, по нашему мнению, разрушает идеализированный образ «муд-

рого старца» и вносит в паремиологический фонд трезвый, несколько горький взгляд на старость как на возврат к зависимости и беспомощности. Сосуществование этих двух паремий свидетельствует о том, что отношение к мужскому возрасту в англоязычной культуре двойственно.

5) Мужчина и путь к сердцу женщины (7,4 %): «*The way to a man's heart is through his stomach*» [10, с. 335]. Здесь мужчина выступает объектом воздействия, а активная роль принадлежит женщине. Это весьма примечательное смещение ролей: в большинстве пословиц предыдущих групп мужчина — субъект действия, но именно в сфере чувств и отношений он оказывается пассивной стороной. Подобное распределение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что паремиологический фонд не столько формирует жёсткий канон, сколько отражает живые противоречия гендерных представлений.

Образ женщины в английской паремиологии. Из 40 паремий с компонентами *woman / wife* выделено шесть тематических подгрупп. Заметим, что количественно женских паремий значительно больше мужских (40 против 27), однако их тематика заметно уже и беднее по ценностному спектру, что само по себе является диагностически значимым фактом.

1) Болтливость и неспособность хранить секреты (35 %) — самая многочисленная подгруппа: «*Many women, many words*» [10, с. 201]; «*A woman's tongue is her sword, and she does not let it rust*» [8, с. 354]. А. В. Кириллина указывает, что болтливость женщины осуждается именно потому, что за ней признаётся реальная разрушительная сила [3, с. 112]. Этот тезис представляется нам принципиально важным: если бы речь женщины расценивалась как безобидный фоновый шум, она не удостоилась бы столь последовательного осуждения в паремиологии. Язык сравнивается с мечом, то есть с оружием, что парадоксальным образом признаёт за женской речью ту самую власть, от которой предостерегает. Гиперболический образ решета в «*A sieve will hold water better than a woman's mouth a secret*» [8, с. 353] усиливает иронию. Считаем, что за подобной иронией скрывается подспудная тревога: тайна, доверенная женщине, приравнивается к утечке, то есть к реальной опасности.

2) Непостоянство и обманчивость (20 %). Метафору апрельской погоды содержит пословица «*Women are as fickle as April weather*» [7, с. 695]. По нашему мнению, обращение именно к апрельской — а не, скажем, к осенней — погоде значимо: апрель в английской природной картине связан с резкими, непредсказуемыми переменами, и женская природа уподобляется именно этой стихийной изменчивости. Квинтэссенцией образа является «*A woman is a weathercock*» [7, с. 695]. Этот образ, на наш взгляд, окончательно лишает женское поведение внутренней логики: флюгер не имеет собственной воли и поворачивается туда, куда дует ветер. Женские слёзы трактуются как частный случай обманчивости: «*Women's tears are but water*» [7, с. 696] [2, с. 187]. Примечательно, что именно слёзы — казалось бы, произвольная физиологическая

реакция — оказываются в паремиологии объектом подорождения и подвергаются дискредитации.

3) Женщина как источник раздора (15 %): «*Women are the devil's nets*» [7, с. 696]; «*There was never a conflict without a woman*» [10, с. 321]. Эти паремии обнаруживают связи с образом Евы как источника первородного греха. На наш взгляд, христианская традиция здесь лишь предоставляет готовый образный язык для более глубокого культурного механизма — переноса ответственности за социальные конфликты с их действительных участников на фигуру женщины. Показательно, что конфликт вообще мыслится невозможным без женского присутствия, тогда как в действительности в большинстве исторических конфликтов женщины играли подчинённую роль.

4) Женщина в домашней сфере (15 %): «*A woman's place is in the home*» [7, с. 695]; «*A woman's work is never done*» [10, с. 345]. Вторая пословица, по нашему мнению, заслуживает особого внимания: она одновременно и ограничивает женщину домашней сферой, и признаёт бесконечность, тяжесть этого труда. Тем самым в паремиологии проскальзывает неявное сочувствие — редкое для преимущественно критического женского корпуса. Примечательна также пословица «*Men make houses, women make homes*» [7, с. 411], рисующая комплементарный образ гендерных ролей. Считаем её одной из наиболее сбалансированных в корпусе: мужской и женский вклады здесь не иерархизируются, а признаются взаимно необходимыми, причём именно женский труд превращает физическое пространство в осмысленный дом.

5) Положительный образ жены (10 %) носит инструментальный характер: «*A good wife makes a good husband*» [10, с. 126]; «*A worthy woman is the crown of her husband*» [10, с. 349]. Обращаем внимание на грамматическую конструкцию обеих пословиц: женщина выступает в них подлежащим, но вся логика высказывания направлена на описание её пользы для мужчины. Даже в паремиях, формально восхваляющих женщину, её ценность определяется через мужскую перспективу, что подтверждает асимметричность самого паремиологического канона.

6) Советы по выбору жены (5 %): «*Choose a wife by your ear rather than your eye*» [7, с. 144]. На наш взгляд, это одна из наиболее прагматичных паремий корпуса: она советует ориентироваться на репутацию невесты (то, что о ней говорят окружающие), а не на внешность. Иронически переосмысляет традиционный взгляд паремия «*A man without a wife is like a fish without a bicycle*» [4, с. 498]. Хотя она относится к сравнительно позднему времени, её появление в корпусе значимо: оно свидетельствует о способности паремиологического фонда обновляться и включать ироническое саморефлексивное начало, разрушающее прежнюю серьёзность рассуждений о браке.

Выводы. Образ мужчины в английской паремиологии структурируется вокруг пяти тематических сфер, среди которых доминируют концепты труда (29,6 %) и слова (25,9 %). Мужчина предстаёт как автономный субъект — носитель ценностей индивидуализма. Образ

женщины, напротив, более однороден и тяготеет к негативным стереотипам: речевое поведение (35 %) и эмоциональное непостоянство (20 %). Позитивная оценка (10 %) носит инструментальный характер. Вместе с тем в фонде присутствуют паремии, разрушающие патриархальный

канон, что свидетельствует о его внутренней диалогичности. Отобранный материал может быть использован на уроках английского языка в 5–9 классах при работе с лексико-фразеологическим аспектом в соответствии с требованиями ФГОС ООО.

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2019. — 344 с.
2. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. — М.; Харьков: ИНЖЭК, 2003. — 440 с.
3. Кириллина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Изд-во ИЯ РАН, 1999. — 189 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — 4-е изд. — М.: Русский язык, 1984. — 944 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2007. — 208 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2008. — 624 с.
7. Apperson G. L. Dictionary of English Proverbs. — Ware: Wordsworth Editions, 2006. — 720 p.
8. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. — London: Penguin Books, 2000. — 384 p.
9. Mieder W. International Proverb Scholarship: An Anthology. — New York: Garland Publishing, 2004. — 523 p.
10. Speake J. Oxford Dictionary of Proverbs. — 5th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 352 p.

Трудности перевода англоязычной терминологии в бизнес-логистике

Ларкина Дарья Александровна, студент

Научный руководитель: Захарова Виктория Анатольевна, преподаватель

Оренбургский автотранспортный колледж имени В. Н. Бевзюка

Статья исследует роль англоязычных заимствований в формировании современной русскоязычной терминологии бизнес-логистики в условиях глобализации. Анализ показывает, что заимствования не сводятся к простому поиску эквивалентов: они затрагивают лингвистические, культурологические и концептуальные аспекты, а отсутствие прямых аналогов, полисемия и различия правовых систем создают риски и барьеры для точного перевода. Делается вывод о необходимости унифицированных подходов к переводу англоязычной терминологии в бизнес-логистике, включая создание глоссариев, рекомендации по контексту и функциональному назначению терминов, а также внедрение стандартных методик обучения переводчиков. В статье подчёркивается важность междисциплинарного сотрудничества между логистами, лингвистами-переводчиками, юристами и регуляторами для снижения правовых рисков и повышения эффективности международного сотрудничества. В рамках обсуждения выделяются направления будущих исследований: лексикографический подход, корпусно-аналитические методы и методики нормирования терминологии логистики на русском языке.

Ключевые слова: логистика, англоязычные заимствования в логистике, русскоязычная терминология, юридические риски в переводе логистических терминов, полисемия.

Современная бизнес-логистика представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся и стратегически значимых отраслей мировой экономики. Ее впечатляющие показатели, выражающиеся в существенной доле логистических издержек в ВВП развитых стран и колоссальном объеме международного рынка транспортно-логистических услуг, лишь подчеркивают ее фундаментальное значение. В условиях неуклонно углубляющейся глобализации, английский язык закономерно утвердился в качестве универсального средства профессиональной коммуникации, или *lingua franca*, в этой сфере. [5] Данное обстоятельство, при всей своей объективности и практической целесообразности, неизбежно оказывает мощное и многогранное влияние на русскоязычную терминологию

скую систему логистики, ставя ее перед лицом целого ряда сложных и порой нетривиальных переводческих проблем.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что эти проблемы не сводятся к простому поиску эквивалентов. Они охватывают широкий спектр лингвистических, культурологических и даже концептуальных аспектов. Отсутствие прямых аналогов для ряда англоязычных терминов, полисемия, присущая многим заимствованиям, а также различия в правовых и экономических системах, формирующих контекст использования той или иной терминологии, создают значительные барьеры для точного и адекватного перевода. Недооценка этих факторов может привести к искажению смысла, недопониманию между участниками логистических процессов и, как следствие,

к снижению эффективности операций, возникновению правовых коллизий и даже финансовым потерям.

Таким образом, задача выработки унифицированных подходов к переводу англоязычной терминологии в бизнес-логистике приобретает не только академическую, но и сугубо практическую значимость. Это требует комплексного подхода, включающего в себя не только углубленное лингвистическое исследование, но и активное взаимодействие между специалистами в области логистики, лингвистами-переводчиками, юристами и представителями регулирующих органов. [3] Создание специализированных глоссариев, разработка рекомендаций по переводу с учетом контекста и функционального назначения терминов, а также внедрение стандартизированных подходов к обучению переводчиков, специализирующихся на логистике, являются ключевыми шагами на пути к преодолению существующих трудностей. Только системная работа в этом направлении позволит обеспечить точность, ясность и однозначность коммуникации в условиях постоянно развивающейся глобальной бизнес-логистики, минимизируя риски и способствуя дальнейшему прогрессу отрасли. [6]

В контексте правового регулирования, сложности перевода англоязычной терминологии в бизнес-логистике приобретают особую остроту. Неточности в переводе могут привести к неверному толкованию договорных обязательств, нормативных актов и стандартов, что, в свою очередь, влечет за собой юридические споры, штрафы и другие негативные последствия [7, с.136]. Например, различие в трактовке понятий «delivery» и «performance» в зависимости от юрисдикции и контекста договора может стать причиной серьезных разногласий между сторонами. Аналогично, отсутствие четких эквивалентов для таких терминов, как «freight forwarder» или «third-party logistics provider» (3PL), в национальном законодательстве может затруднять определение их правового статуса и ответственности. [11]

Следовательно, для минимизации правовых рисков и обеспечения эффективного международного сотрудничества в сфере бизнес-логистики, необходимо уделять пристальное внимание не только лингвистической, но и юридической адекватности перевода. Это предполагает глубокое понимание как исходного, так и целевого правовых полей, а также умение находить такие переводческие решения, которые будут соответствовать как языковым нормам, так и правовым реалиям. В этой связи, разработка и внедрение специализированных юридических глоссариев, адаптированных к специфике бизнес-логистики и учитывающих особенности правовых систем различных стран, становится насущной необходимостью. [4, с.187] Кроме того, важно развивать междисциплинарное сотрудничество между юристами, специализирующимися на транспортном праве и логистике, и профессиональными переводчиками, чтобы обеспечить максимальную точность и юридическую корректность переводимой терминологии. Только такой комплексный подход позволит преодолеть существующие барьеры и со-

здать прочную основу для беспрепятственного и безопасного функционирования глобальных логистических цепочек, способствуя тем самым дальнейшему развитию международной торговли и экономики в целом. [2, 89]

В свете вышеизложенного, становится очевидным, что игнорирование переводческих нюансов в бизнес-логистике может иметь далеко идущие последствия, выходящие за рамки простого недопонимания. В правовом поле, где точность формулировок имеет первостепенное значение, некорректный перевод может привести к оспариванию действительности контрактов, неверному применению санкций или даже к возникновению международных арбитражных разбирательств. Например, размытость границ между понятиями «liability» и «responsibility» в англоязычной терминологии может породить существенные трудности при определении степени вины и объема компенсаций в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств или нарушений условий поставки. Аналогично, отсутствие устоявшихся эквивалентов для таких концепций, как «supply chain resilience» или «last-mile delivery optimization», в национальных правовых системах затрудняет разработку адекватных нормативных актов и стандартов, регулирующих соответствующие аспекты логистической деятельности. [9]

Адекватная интерпретация англоязычной терминологии в сфере логистики и цепей поставок требует строгого учета контекстуальной специфики, поскольку терминологическая полисемия напрямую влияет на распределение юридической ответственности и оценку рисков. [8]

При переводе конструкции «Delivery shall be completed within 30 days» наиболее релевантным эквивалентом выступает «поставка» (в ряде случаев — «доставка»). В рамках договорной документации лексема delivery характеризует не только физическое перемещение товара, но и юридический факт перехода обязательств. Ошибка в трактовке данного термина может привести к неверному определению моментов перехода рисков и, как следствие, к возникновению судебных споров о сроках исполнения и выплате компенсаций.

В предложении «The performance of the contract depends on timely delivery» термин трактуется как «исполнение обязательств». В логистическом менеджменте наблюдается семантическая дихотомия: performance понимается и как процесс реализации условий договора, и как количественная метрика эффективности (KPI). Для минимизации операционной неоднозначности рекомендуется фиксировать дефиницию термина в глоссарии к конкретному соглашению.

Анализ фразы «The freight forwarder arranges customs clearance» подтверждает статус «экспедитора» как агента, организующего перевозку и таможенное оформление. Отождествление экспедитора с «перевозчиком» (carrier) недопустимо, так как данные субъекты несут различный объем правовой ответственности. Неправильная квалификация статуса сторон влечет за собой путаницу в вопросах страхования и ответственности за задержки на таможне.

В контексте управления складскими мощностями («We partnered with a 3PL for warehouse management») аббревиатура 3PL рассматривается как общепринятый международный термин. При переводе на русский язык целесообразно сохранять оригинальное написание или использовать конструкцию «логистический оператор 3PL». Буквальный перевод без учета специфической юридической коннотации приводит к утрате смысловой точности термина. [10]

Применение международно признанных форм, таких как Bill of Lading (коносамент), Incoterms (Инкотермс) и SKU (Stock Keeping Unit — единица складского учета), обеспечивает единообразие в международном документообороте.

Коносамент выступает строгим юридическим эквивалентом Bill of Lading, определяя статус груза.

Incoterms как свод правил часто транслитерируется с сохранением оригинальной формы для избежания разночтений в базах поставки.

SKU требует перевода как «код товара» или «артикул», что критически важно для корректного складского учета и предотвращения ошибок при комплектации заказов. [12]

Таким образом, преодоление переводческих трудностей в англоязычной терминологии бизнес-логистики требует не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания правовых реалий как страны-источника, так и страны-получателя. Это диктует необходимость формирования междисциплинарных команд, объединяющих специалистов по логистике, юристов, специализирующихся на международном торговом и транспортном праве, а также опытных переводчиков. Создание и постоянное обновление специализированных двуязычных глоссариев, включающих не только термины, но и их юридически корректные интерпретации в различных юрисдикциях, становится критически важным инструментом. Кроме того, необходимо активное участие профессиональных ассоциаций и международных организаций в разработке рекомендаций и стандартов перевода, направленных на унификацию терминологии и минимизацию правовых рисков. Только такой комплексный и системный подход позволит обеспечить прозрачность, предсказуемость и юридическую безопасность в сфере международной бизнес-логистики, способствуя тем самым беспрепятственному развитию глобальных торговых отношений и укреплению правопорядка в этой динамично развивающейся отрасли.

Литература:

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 374 с.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
6. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
7. Сусименко Е. В., Рождественская С. В. Проблемные аспекты в определении научного термина и его свойств // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 135–138.
8. Черникова, Е. О. Многозначность в составе русско- и англоязычной терминологии бизнес-логистики / Е. О. Черникова, Н. И. Львова // Филологический аспект. — 2023. — № 11(103). — С. 132–137. — EDN HSXYOA.
9. Лексикографические источники: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
10. Фомина Т. Н. Логистические термины. Краткий англо-русский словарь. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2015. 144 с.
11. Англо-русский толковый словарь по логистике (ECR & Aldata Solution & Рабочая группа по логистике). [Электронный ресурс]. URL: <https://glx.su/anglo-russkij-slovar-logisticheskikh-terminov> (дата обращения 10.05.2026).
12. <http://www.dictionary.com/> (дата обращения: 10.05.2026).

Типичные ошибки произношения у студентов подготовительного курса университета имени Ле Куй Дона и способы их исправления

Нго Тхи Тху Ха, магистр, преподаватель

Вьетнамский государственный технический университет имени Ле Куй Дона (г. Ханой, Вьетнам)

В статье рассматриваются типичные ошибки произношения, встречающиеся у студентов подготовительного курса Государственного технического университета им. Ле Куй Дона при изучении русского языка как иностранного. Анализируются основные фонетические трудности, связанные с артикуляцией русских звуков, постановкой ударения,

интонацией и особенностями восприятия русской речи вьетнамскими студентами. Особое внимание уделяется причинам возникновения произносительных ошибок, обусловленных влиянием родного языка и недостаточной сформированностью фонетических навыков. В работе предлагаются эффективные методы и приёмы коррекции произношения со стороны преподавателей и учащихся, направленные на развитие слухо-произносительных навыков, улучшение речевой практики и повышение качества обучения русскому языку. Результаты исследования могут быть использованы преподавателями русского языка в процессе обучения иностранных студентов на подготовительных факультетах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фонетика, произношение, фонетические ошибки, вьетнамские студенты, подготовительный курс, коррекция произношения.

В рамках программ обмена и сотрудничества в области образования Государственный технический университет им. Ле Куй Дона ежегодно направляет от 100 до 150 студентов на обучение и стажировку в Российскую Федерацию. По прибытии в Россию студенты стараются адаптироваться к новой учебной и рабочей среде, и многие из них достигают высоких результатов в учёбе. По отзывам российских преподавателей, вьетнамские студенты отличаются большим усердием в учёбе, дисциплинированностью и хорошей подготовкой. В целом студенты обладают богатым словарным запасом и достаточно прочными знаниями грамматики. Однако навыки аудирования, устной речи и общения всё ещё имеют ряд ограничений, основной причиной которых являются трудности в произношении русского языка.

Какие же ошибки в произношении встречаются чаще всего и как можно их преодолеть? В рамках данной статьи мы рассматриваем типичные ошибки наших вьетнамских студентов подготовительного курса при изучении и использовании русского языка, а также причины их возникновения и способы исправления со стороны преподавателя и обучающегося.

1. Некоторые типичные ошибки произношения

По сравнению с фонетической системой вьетнамского языка фонетическая система русского языка значительно сложнее. Поэтому изучающие русский язык часто допускают следующие ошибки:

Ошибка	Причина
Произношение русского звука [о] так же, как вьетнамского [o]. Например: дом произносится как вьетнамское слово «đom», а мой — как [moi].	Влияние вьетнамского языка
Произношение [е] как [ê]. Например: “если” произносится как [êslî]. Неправильное произношение йотированных гласных [я], [е] в позиции до и после ударения. Например: весна произносится как [вјесна], мячик — как [мјасник], деловой — как [дјельвой].	Влияние вьетнамского языка Не запоминают ударение в слове. Не владеют правилами редукции гласных. Не знают особенностей редукции и смягчения согласных.
Звук [л] во вьетнамском языке может стоять в начале и середине слова, тогда как в русском звук [л] может стоять и в конце слова. Поэтому в речи вьетнамских студентов звук [л] часто заменяется на [н]. Например: пол произносится как [пон] стул произносится как [стун]	Влияние вьетнамского языка
Не произносятся или «проглатываются» конечные согласные в русских словах. Например: студент произносится как [студен] парк произносится как [пар]	Конечные согласные во вьетнамском языке не имеют придыхания.
Звук [р] произносится как [з]. Например: рано произносится как [зано] рука произносится как [зука]	Влияние вьетнамского языка, отсутствие привычки вибрации кончика языка при произношении
Звук [ф] отсутствует в конце слов во вьетнамском языке, поэтому при чтении слов с [ф] студенты часто заменяют его на [п]. Например: Иванов произносится как [Иваноп] шкаф произносится как [шкап]	Влияние вьетнамского языка; незнание правила оглушения согласных.
Неправильно произносятся звуки [ц], [щ], [ж]. Например: молодёжь произносится как [молодёс] ещё произносится как [ису] товарищ произносится как [товарис]	Этих звуков нет во вьетнамском языке, поэтому они заменяются другими

Ошибка	Причина
Неправильно читается звук [г] в словах его, нового... По правилу [г] читается как [в]	Незнание правил чтения.
Выпадает один или несколько согласных в сочетаниях из трёх согласных. <i>Например:</i> «здравствуй» произносится как [драствуй]	Влияние вьетнамского языка.
Отсутствует связка звуков (конечного согласного предыдущего слова с начальным гласным следующего слова). <i>Например:</i> в университете	Влияние вьетнамского языка. Во вьетнамском языке отсутствует явление связного произношения.
Неправильное ударение в словах из двух и более слогов; ударение часто ставится на первый слог. <i>Например:</i> война́ читается как вóйна мото́р читается как мо́тор	Влияние вьетнамского языка.
Повышение интонации в вопросительных предложениях с вопросительным словом. <i>Например:</i> Где вы живёте?	Влияние вьетнамского языка.
Чтение предложений без интонации.	Неумение определять интонационный центр.

Таким образом, одной из причин ошибок произношения у студентов является влияние вьетнамского языка. Кроме того, на начальном этапе они не запоминают и не уделяют достаточного внимания правилам произношения; они ещё не тратят достаточно времени на фонетическую тренировку. Наряду с этим существуют и другие причины: недостаточное количество часов фонетической практики на занятиях и др.

II. Некоторые методы по исправлению произносительных ошибок

Для исправления вышеуказанных ошибок произношения, выявленных в практике преподавания мы предлагаем следующие меры по исправлению произносительных ошибок у вьетнамских студентов.

1. Со стороны преподавателя

1.1. Преподавателю следует классифицировать звуки на основе особенностей артикуляции и фонетических характеристик для тренировки студентов

Исходя из особенностей артикуляции и фонетических свойств, преподавателю следует разделить звуки на 3 группы для отработки.

Группа 1: Звуки, сходные со звуками во вьетнамском языке: [а], [у], [и], [э], [о], [б], [п], [в], [д], [т], [з], [с], [н], [м].... При обучении этим звукам преподаватель направляет студентов на подражание произношению, может особо акцентировать способ произнесения (сильный выдох, долгота звука: а-а-а..., о-о-о...), чтобы привлечь внимание обучающихся; может подробно объяснять различия по сравнению с вьетнамским произношением. Например, звук [э] читается похоже на [е] во вьетнамском языке, однако при произнесении рот нужно открывать шире.

Группа 2: Звуки, имеющие некоторые сходства с вьетнамскими, но обладающие и собственными особенностями: [ы], [ж], [л], [г], [ш]. Эта группа сильнее всего подвержена влиянию вьетнамского языка, поэтому при обучении преподаватель должен уделять больше внимания исправлению ошибок; необходимо сопоставлять и описывать артикуляцию данных звуков во вьетнамском и русском языках.

Группа 3: Звуки, полностью отсутствующие во вьетнамском языке: [ц], [щ], [х]. При обучении этим звукам преподаватель должен чётко объяснять способ артикуляции, тщательно отрабатывать навыки произношения и формировать у студентов новые произносительные привычки. Такая классификация помогает преподавателю выбрать соответствующие методы обучения.

Примечание: При обучении звукам второй и третьей групп преподавателю рекомендуется действовать следующим образом: представить звук; объяснить способ артикуляции; дать упражнения на различение и повторение звука. Можно вводить звук отдельно в слоге или слове. Следует объяснять принципы артикуляции конкретного звука. Преподаватель может описывать работу органов речи, сопоставляя, например, пары глухих и звонких согласных: [г] и [к]. Во время фонетической тренировки преподаватель должен опираться на слуховые, зрительные и тактильные ощущения обучающихся, формируя способность к подражанию на основе понимания особенностей звука. Преподавателю рекоменду-

ется разрабатывать упражнения на различение: русского и вьетнамского слога; двух русских слогов; твёрдых и мягких согласных (например: брат — брать).

1.2. Хорошо готовить содержание и методы объяснения правил произношения и интонации

Недостаточное знание правил произношения также является одной из причин, влияющих на качество русской фонетики у студентов. Поэтому преподаватель должен уделять большое внимание разъяснению этих правил. При обучении преподавателю необходимо: проверять знания; выявлять ошибки каждого студента; отслеживать процесс исправления ошибок на последующих занятиях.

Фонетические упражнения следует строить по принципу «от простого к сложному»: слог → слово → словосочетание → предложение → текст.

Для уменьшения интонационных ошибок при чтении предложений преподаватель должен: организовывать подражательное чтение (слушать и повторять); объяснять правила чтения и схемы интонации. Объяснение может строиться двумя способами: преподаватель читает ряд предложений с одинаковой интонацией и одновременно объясняет её особенности; преподаватель читает ряд предложений с одинаковой интонацией и задаёт вопросы, чтобы обучающиеся сами вывели правило чтения.

Преподавателю также следует: сопоставлять русскую и вьетнамскую интонацию; формировать у студентов привычку делить предложения на интонационные группы. Кроме того, можно использовать вспомогательные средства: колонки, компьютер, фонетические программы; наглядные материалы (рисунки, схемы артикуляции); жесты руками для обозначения повышения и понижения голоса. Так студентам будет легче понимать и запоминать материалы. Например: при произнесении [с] и [з] воздушная струя направляется вниз, словно мы дуем на горячий кофе; при произнесении [ш] и [ж] воздушная струя направляется вверх, как будто мы дуем на зеркало.

Чтобы сделать занятия по фонетике более живыми и интересными, необходимо чередовать различные виды деятельности, сочетая обучение с элементами развлечения: прослушивание песен, пение, чтение стихов на русском языке; использование стихотворений, скороговорок или коротких рассказов, содержащих трудные для произношения звуки. Например, для тренировки звука [ы] преподаватель может предложить курсантам читать шуточное стихотворение под рэп-музыку:

«Если руки мыли вы,
если руки мыли мы,
если руки мыл и ты —
значит руки вымыты».

1.3. Разработка разнообразных и увлекательных фонетических упражнений

Фонетические упражнения в учебниках в основном строятся на слушании и повторении, что быстро вызывает у обучающихся скуку. Поэтому преподавателю следует разрабатывать разнообразные упражнения, меняя формы фонетической тренировки. Ниже приведены некоторые наиболее распространённые виды упражнений.

- Упражнения на слушание и различение: твёрдых и мягких согласных; глухих и звонких согласных.
- Упражнение на слушание и отметку: (+) — одинаковые слоги; (–) — разные слоги.
- Упражнения на аудирование и письмо под диктовку: Прослушайте и напишите диктант.
- Упражнения на слушание и постановку ударения: Прослушайте и поставьте ударения.
- Упражнения на слушание и определение количества слогов: Слушайте предложения и определяйте, сколько слогов в каждом из них.
- Упражнения на определение интонации предложения: Необходимо поставить в конце предложения: точку (.), вопросительный знак (?), или восклицательный знак (!).

2. Со стороны обучающихся

2.1. Осознание важности правильного произношения

Курсанты должны чётко осознавать важность правильного произношения в процессе общения. Как бы богат ни был словарный запас изучающего язык и как бы хорошо он ни владел грамматикой, всё это бесполезно, если другие не понимают, что он говорит. Поэтому обучающиеся должны уделять много времени и усилий постановке произношения.

2.2. Преодоление влияния вьетнамского языка

Для исправления ошибок русского произношения обучающимся необходимо сформировать новую систему речевых привычек, соответствующую звукам русского языка. Самое важное — преодолеть глубокое влияние родного языка. Мы

считаем, что сформировать такую новую систему можно только путём выработки: новых навыков слушания, новых навыков говорения, новой артикуляции органов речи. Обучающиеся должны мыслить по-русски и категорически не должны передавать русское произношение с помощью вьетнамских букв.

Помимо объяснений преподавателя и практики в аудитории, важную роль играет самостоятельная работа. Следует слушать аудиозаписи с правильным произношением; повторять и подражать диктору; читать по образцу. При работе над трудными звуками обучающийся должен тренироваться перед зеркалом, корректируя положение губ, языка и нёба в соответствии со схемой артикуляции.

Можно использовать диктофон: записывать собственную речь, прослушивать её и самостоятельно исправлять ошибки, сравнивая своё произношение с речью носителей языка. Обучающиеся повторяют речь носителя языка почти одновременно с прослушиванием, развивая интонацию, ритм и естественность речи. Применение мобильных приложений и программ с функцией распознавания речи помогает выявлять и исправлять ошибки произношения. Домашняя фонетическая практика также требует чёткого плана: заниматься от простого к сложному; быть терпеливым и внимательным; иначе неправильные привычки будет трудно устранить.

Следует постоянно тренировать произношение в контексте. Слово полностью раскрывает своё значение только в конкретной речевой ситуации. Поэтому после постановки отдельного звука необходимо вводить его: в слово, в предложение, в речевой контекст. Необходимо развивать подвижность и гибкость языка. Чтобы язык работал эффективно, следует тренировать труднопроизносимые слова, словосочетания и предложения быстро и многократно.

Для более эффективной постановки звуков обучающимся следует заниматься по определённой системе упражнений. Эти упражнения могут содержаться в учебнике либо предоставляться преподавателем. В каждом типе упражнений должны быть конкретные задания на фонетическую тренировку. Можно также использовать групповую форму обучения, при которой участники группы исправляют ошибки друг друга и перенимают правильное произношение.

В русском языке произношение играет исключительно важную роль в общении. Неправильное произношение может привести к недопониманию или невозможности достичь коммуникативной цели. Исправление фонетических ошибок требует активности как со стороны обучающегося, так и со стороны преподавателя. Для того чтобы помочь изучающим русский язык правильно произносить слова, в статье были рассмотрены наиболее распространённые ошибки произношения и предложены способы их исправления. Мы надеемся, что данные рекомендации станут полезными для преподавателей и студентов Технического университета имени Ле Куй Дона в процессе преподавания и изучения русской фонетики.

Литература:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — Москва: Русский язык. Курсы, 2019.
2. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. — Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2022.
3. Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая фонетика русского языка для иностранных учащихся. — Санкт-Петербург: Златоуст, 2020.
4. Ле Куанг Тхиен. Сопоставительное исследование языков. — Ханой: Издательство Ханойского государственного университета, 2018.
5. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — Москва: Просвещение, 2021.
6. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. — Москва: URSS, 2020. Щукин А. Н.
7. Методика преподавания русского языка как иностранного. — Москва: Юрайт, 2021.

Понятие и классификация чэньюй

Никулина Ольга Игоревна, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В данной научной статье рассматривается понятие чэньюй как устойчивых фразеологических единиц китайского языка. Анализ включает их семантические особенности, образное содержание и переносное значение. Также анализируется классификация чэньюй по различным признакам, выявляются основные типы в современном языке.

Ключевые слова: чэньюй, классификация чэньюй, культурная идентичность, исторические чэньюй, устойчивые фразеологические единицы, четырехслоговые чэньюй, идиоматическая образность, китайская культура, китайский язык.

Чэньюй (成语) представляют собой устойчивые фразеологические единицы китайского языка, обладающие специфической семантикой, структурой и стилиевой функцией. В фразеологии китайского языка чэньюй занимают особое место как отдельный разряд, который отличается строгостью фиксированной структуры и исторической насыщенностью [1].

Согласно мнению Барановой З. И., чэньюй — это особая категория фразеологических единиц, объединяющая устойчивые выражения с образным, переносным смыслом, которые приобрели широкое распространение в устной и письменной речи. Она подчеркивает, что чэньюй обладает высокой степенью устойчивости и культурной закреплённости, служит не только средством коммуникации, но и носит важную культурологическую функцию, передавая моральные ценности, народные представления и исторический опыт. Эти единицы не поддаются свободному изменению и обладают переносным значением, тесно связанным с культурно-исторической основой языка. Например, «画蛇添足» (huà shé tiān zú) — «Рисовать змею и добавлять ноги» — означает излишнюю усложненность или излишнюю деятельность, которая портит дело [2].

В работах Войцеховича И. В. подчеркивается, что чэньюй является не просто фразеологизмом, а особым разрядом лексико-фразеологических единиц, объединённых внутренней связью культурных, исторических и языковых особенностей Китая. Он выделяет в этой категории выражения, обладающие высокой степенью устойчивости, образности и реализующие метафорический перенос значения, что делает их важным компонентом культурной идентичности. Чэньюй представляют собой не просто лингвистические конструкции, но и продукт многовекового историко-культурного развития, что обуславливает их тесную связь с традициями, литературой и историческими событиями Китая. Например, «一箭双雕» (yī jiàn shuāng diāo) — «Одной стрелой двух орлов» — означает «убить двух зайцев». Исходя из этого, чэньюй можно определить как фиксированные идиоматические выражения, передающие сложные смысловые и культурные коннотации, укоренённые в истории и традициях китайского народа [3].

Помимо этого, важно отметить, что среди чэньюй выделяются различные типы по степени образности. Некоторые выражения полностью метафоричны, передавая сложные идеи через яркое образное выражение, например, «一心一意» (yī xīn yī yì) — «со всей душой и всем сердцем» — означает выполнять что-либо полностью, с полной отдачей, без рассеянности. Другие же чэньюй более буквальны или содержат аллегории, связанные с историческими или мифологическими сюжетами [5].

Что касается классификации чэньюй, то именно она позволяет выявить характерные черты каждой группы, определить трудности при переводе и интерпретации. Согласно систематизации Войцеховича И. В., чэньюй можно подразделить на несколько основных типов по происхождению и смысловому наполнению:

1. Исторические — основанные на реальных или легендарных событиях (например, «围魏救赵» (wéi wèi jiù zhào) — «Окружить Вэй, чтобы спасти Чжао» — означает отвлечь противника, создав угрозу в другом месте; косвенно достигать цели, сделав обходной манёвр);

2. Литературные — происходящие из классических текстов и поэзии (например, «草木皆兵» (cǎo mù jiē bīng) — «Трава и деревья — все враги» — происходит из поэтических текстов, отражая состояние паники и страха, когда всё кажется враждебным);

3. Философские — отражающие учения конфуцианства, даосизма и других направлений (например, «道法自然» (dào fǎ zì rán) — «Путь и закон — в гармонии с природой» — выражает идею о том, что следует жить в согласии с природным порядком и идти по естественному пути);

4. Пословицы и поговорки, вошедшие в статус устойчивых выражений с фиксированной структурой (например, «一分耕耘, 一分收获» (yī fēn gēng yún, yī fēn shōu huò) — «Сколько посеешь, столько и пожнёшь» — означает, что труд приносит результат) [3].

Такое деление способствует более глубокому пониманию семантики чэньюй и их использования в коммуникативной практике.

Что касается мнения Лю Чжэнцзяня и Син Мэйпина, то они выделяют тематическую классификацию по сферам речи:

1. Моральные, этические единицы (пример Конфуция, «己所不欲, 勿施于人» (jǐ suǒ bù yù, wù shī yú rén) — «Что сам не желаешь, тому не делай другим»);

2. Легендарные выражения (например, «赵括纸上谈兵» (Zhào Kuò zhǐ shàng tán bīng) — «Цжао Ко говорит о войне на бумаге» — о теоретическом подходе без практики);

3. Описания природных явлений (например, «风和日丽» (fēng hé rì lì) — «Мирный ветер и ясное солнце» — является описанием спокойной и солнечной погоды);

4. Характеристики и оценки (например, «勇往直前» (yǒng wǎng zhí qián) — «Мужественно идти прямо вперёд») [6].

Помимо этого, выделяется классификация чэньюй по количеству слов, а также по внутренней образности:

1. Двухсловные чэньюй, часто метафорические и лаконичные (например, «守株» (shǒu zhū) — «Охранять ствол» — означает ждать удачи, полагаясь на случай, без усилий);

2. Четырёхсловные выражения, обладающие большей образностью и многоплановностью (например, «心旷神怡» (xīn kuàng shén yí) — «Душа свободна и дух радуется» — подразумевает под собой ощущение лёгкости, спокойствия, находясь в гармонии с собой и окружающим миром) [4];

3. Расширенные или более сложные конструкции, включающие цитаты или исторические аллюзии (например, «千里之行, 始于足下» (qiān lǐ zhī xíng, shǐ yú zú xià) — «Путешествие в тысячу ли начинается с одного

шага» — это известная пословица из Лаоцзы, которая учит тому, что большие дела начинаются с маленького шага) [8].

Также можно обозначить чэньюй по функциональному назначению:

1. Мотивирующие выражения (например, «持之以恆» (chí zhī yǐ héng) — «Держать и продолжать» — означает упорно идти к цели, несмотря на трудности);

2. Описательные и характеристические (например, «克服困難» (kè fú kùn nán) — «Преодолеть трудности» — используется для обозначения преодоления препятствий);

3. Иронические и сатирические (например, «狗拿耗子» (gǒu ná hào zi) — «Собака ловит мышь» — в иро-

ничном смысле означает, что человек занимается чужими делами, не своим делом) [7].

Таким образом, чэньюй — это важный культурно-языковой феномен китайского языка, объединяющий устойчивые выражения с богатой метафорической и исторической основой. Их происхождение и функции позволяют не только эффективно передавать сложные идеи и моральные ценности, но и служат носителями культурных традиций, исторического опыта и национальной идентичности. Понимание классификации и внутренней организации чэньюй способствует более глубокому изучению китайской культуры, языка и межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Арекеева Ю. Е. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 1. — С. 21–29.
2. Баранова З. И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1969. — 21 с.
3. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. — М.: Восточная книга, 2007. — 352 с.
4. Воропаев Н. Н. О многообразии и богатстве китайской фразеологии // Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Узбекистан — Китай: развитие историко-культурных, научных и экономических отношений». — 2025. — № 5 (26). — С. 50–55.
5. Лесина Г. С. Анализ китайских фразеологизмов чэньюй // Молодой ученый. — 2020. — № 23. — С. 701–703.
6. Лю Чжэнцянъ, Син Мэйпин. Семантическая структура и симметрия четырехморфемных чэньюй китайского языка. — 2000. — № 1. — С. 77–81.
7. Плотникова Я. И., Олейник А. С., Куценко В. Д. Использование чэньюев в современном китайском языке // Молодой исследователь Дона. — 2024. — С. 105–108.
8. Разина А. С. Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межкультурной коммуникации // Молодой ученый. — 2018. — № 36 (222). — С. 130–132.

ФИЛОСОФИЯ

Дедукция и индукция в научных исследованиях: методологический синтез и практика применения

Исмагилова Эльвина Айратовна, студент;

Епифанова Карина Яковлевна, студент

Научный руководитель: Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются две фундаментальные формы логического умозаключения — дедукция и индукция — в контексте современного научного познания. Анализируются историческая эволюция методов, их сильные и слабые стороны, а также заблуждения, связанные с их противопоставлением. Особое внимание уделяется практическому синтезу дедуктивного и индуктивного подходов в структуре эмпирического исследования и теоретического моделирования.

Ключевые слова: дедукция, индукция, научный метод, гипотетико-дедуктивная модель, фальсифицируемость, логика науки, эмпиризм, рационализм.

Введение

Научное исследование, вопреки обывательскому представлению, не является линейным процессом движения от фактов к истине. Оно напоминает скорее сложную архитектуру, где несущими конструкциями служат два принципиально различных типа рассуждений: индукция (от частного к общему) и дедукция (от общего к частному). Вопрос о том, какой из этих методов является «главным» или «первичным», занимал умы философов на протяжении столетий — от эмпиризма Фрэнсиса Бэкона до критического рационализма Карла Поппера.

Однако современная методология науки приходит к консенсусу: дедукция и индукция не являются антагонистами, а представляют собой два взаимодополняющих этапа единого исследовательского цикла. Понимание логической структуры каждого метода, их границ и точек сопряжения — это не абстрактное философствование, а насущная необходимость для любого ученого-практика. Ошибки в применении дедукции ведут к догматизму; ошибки в применении индукции — к поспешным и необоснованным обобщениям. Цель данной статьи — выявить оптимальную конфигурацию использования этих методов для повышения валидности научных результатов.

Актуальность. В современной науке до сих пор сохраняется методологическая напряжённость между индуктивным и дедуктивным подходами. Многие исследователи склонны абсолютизировать один из методов, впадая либо в «эмпирический наивный индуктивизм» (вера в то, что факты сами собой порождают теорию), либо в

«дедуктивный догматизм» (убеждённость, что из логически стройных аксиом можно вывести всё знание о реальности). Однако практика показывает, что ни один из этих методов в изоляции не обеспечивает ни достоверности, ни объяснительной силы научного результата. Более того, именно непонимание их взаимодополняющей роли ведёт к типичным ошибкам: поспешным обобщениям, смешению корреляции с причинностью, тавтологическим выводам. В условиях роста объёма эмпирических данных и усложнения теоретических моделей умение сознательно и гибко сочетать индукцию и дедукцию становится не просто философской проблемой, а практическим навыком, определяющим валидность любого диссертационного или научно-исследовательского проекта. Поэтому анализ логической структуры, границ и точек сопряжения этих двух типов умозаключений — насущная задача методологии науки, без решения которой невозможно ни критически оценивать существующие работы, ни корректно строить собственное исследование.

Основная часть

Фрэнсис Бэкон, основоположник эмпиризма, провозгласил индукцию главным оружием новой науки против средневековой схоластики, которая, по его мнению, злоупотребляла дедукцией и силлогизмами Аристотеля. Бэкон разработал метод «исключений» (таблицы присутствия, отсутствия и степеней), который, как он полагал, позволял механически выводить истинные причины явлений. Позже Джон Стюарт Милль усовершенствовал бэ-

коновский подход, сформулировав знаменитые «методы Милля» (метод сходства, метод различия, метод сопутствующих изменений и др.).

Индукция является основным генератором нового научного знания. Именно индуктивные обобщения позволяют науке выходить за пределы уже известного.

Главная и неразрешимая логическая проблема индукции была вскрыта Дэвидом Юмом: индуктивные выводы никогда не могут быть логически обоснованы. Никакое количество наблюдений белых лебедей не гарантирует, что следующий лебедь не окажется черным. Вывод индукции имеет вероятностный, а не достоверный характер. Юм показал, что наша вера в единообразие природы (принцип универсальной причинности) основана на психологической привычке, а не на логике.

Для научного исследования это означает фундаментальную асимметрию: отрицательный единичный факт (обнаружение черного лебедя) полностью опровергает индуктивное обобщение, в то время как миллионы положительных фактов не доказывают его окончательно. Поэтому чисто индуктивная наука невозможна: она не дает достоверности и не объясняет, почему явление происходит, а лишь констатирует корреляции.

Дедукция обозначает переход от общего знания к частному или единичному. Классическая форма дедукции — простой категорический силлогизм:

Большая посылка: Все млекопитающие имеют позвоночник.

Малая посылка: Кит — млекопитающее.

Вывод: Кит имеет позвоночник.

Ключевое свойство дедуктивного вывода — его необходимость и демонстративность. Если посылки истинны, а правила логики соблюдены, заключение с абсолютной достоверностью истинно. В этом заключается огромная сила дедукции: она позволяет получать новое знание без обращения к опыту, чисто логическим путем.

Наиболее ярко дедуктивный метод проявляется в математике и теоретической физике. Евклидова геометрия — эталон дедуктивной системы: из нескольких аксиом (постулатов) и определений путем строгих логических выводов разворачивается все здание геометрических теорем. Любой вывод здесь гарантированно истинен при условии принятия аксиом.

В современной науке дедукция выступает как механизм развертывания теории. Если у нас есть общий закон (например, закон всемирного тяготения Ньютона), то дедуктивным путем мы можем рассчитать траекторию Луны, приливы океана или падение яблока. Дедукция обеспечивает предсказательную силу теории.

Однако сама дедукция не дает нам истинности посылок. Откуда берутся общие утверждения (аксиомы, законы, большие посылки)? Они не выводятся дедуктивно — иначе возникает бесконечный регресс (чтобы обосновать посылку А, нужна посылка Б, для нее — посылка В и так до бесконечности). Дедукция бессильна проверить, истинен ли закон. Например, из ложной посылки «Все люди бессмертны» и истинной «Сократ — человек» дедуктивно следует ложный вывод «Сократ бессмертен». Логически вывод безупречен, но содержательно ложен.

Поэтому, дедукция гарантирует корректность переноса истины с посылок на вывод, но не гарантирует истинности самих посылок. Здесь наука сталкивается с необходимостью «прыжка» — принятия посылок на основе индукции, конвенции (соглашения) или интуиции.

Противопоставление индукции (Бэкон) и дедукции (Декарт, Лейбниц) в XVII-XVIII веках носило характер методологической войны. Однако в XIX-XX веках стало очевидно, что ни один из методов в изоляции не работает. Чистая индукция не может объяснить причинность, а чистая дедукция вырождается в тавтологию.

Таким образом, можно утверждать, что дедукция и индукция в научном исследовании подобны двум ногам при ходьбе: сначала одна выносится вперед (индуктивное открытие факта или проблемы), затем другая делает шаг (дедуктивное выведение следствий и проверка), после чего цикл повторяется на новом уровне.

Миф о том, что наука может развиваться чисто индуктивно (собирая факты до тех пор, пока теория не возникнет сама собой), был убедительно опровергнут еще в XIX веке. Равно как и миф о том, что дедукция из «очевидных» аксиом способна описать сложную эмпирическую реальность, был разрушен неевклидовой геометрией и квантовой механикой.

Для практикующего исследователя из этого следует два важных правила:

1. Не доверяйте слепо индукции. Любое эмпирическое обобщение вероятно. Ищите контрпримеры (черных лебедей) и не делайте глобальных выводов из локальных данных.

2. Не абсолютизируйте дедукцию. Логическая красота вывода не гарантирует его истинности, если исходные посылки сомнительны. Всегда проверяйте посылки эмпирически.

Только постоянное напряжение между индуктивным «вниз» (к фактам) и дедуктивным «вверх» (к теории и предсказаниям) составляет то, что мы называем научным методом. И именно искусство балансировать между этими полюсами отличает зрелого ученого от догматика или эмпирика-регистратора.

Литература:

1. Поппер К. Логика научного исследования. — М.: Республика, 2005.
2. Гемпель К. Г. Логика объяснения. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
3. Рузавин Г. И. Методология научного познания. — М.: ЮНИТИ, 2009.
4. Юм Д. Исследование о человеческом познании. — М.: Прогресс, 1995.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Актуальные проблемы внедрения ГТО в современной школе: управленческий аспект

Крутов Григорий Александрович, учитель

ГБОУ школа № 334 Невского района Санкт-Петербурга «Образовательный комплекс «Невская перспектива»

В статье изложены проблемы, которые могут возникнуть перед общеобразовательным учреждением в процессе внедрения в его деятельность ВФСК «ГТО», а также пути их решения посредством управленческих решений.

Ключевые слова: *готов к труду и обороне, ГТО, внедрение, общеобразовательное учреждение, начальная школа, проблемы.*

Государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта направлена на укрепление здоровья нации и гармоничное развитие личности. В качестве основного инструмента реализации данной стратегии выступает Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (далее — ГТО), возрожденный Указом Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 г. № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)». Он был призван стать основой системы физической воспитания, охватывающей все возрастные группы населения, в особенности — подрастающее поколение. Его основной целью является популяризация здорового образа жизни, что представляется крайне важным для школьного возраста, в течение которого закладываются «основы» дальнейшей жизни и развития, а также улучшение физической формы граждан. Как отмечает Е. А. Бахин, достаточно актуальной проблемой на сегодняшний день является необходимость укрепления здоровья детей, так как многие исследования показывают, что оно, к сожалению, находится в неудовлетворительном состоянии ввиду наличия у данной категории людей «равнодушного и пассивного отношения к своему здоровью и отсутствия культуры его поддержания [1, с. 15]».

Несмотря на то, что с момента возрождения комплекса прошло уже 12 лет, его внедрение в деятельность общеобразовательных организаций по-прежнему сопровождается некоторыми проблемами, нуждающимися в практическом решении.

Прежде всего, следует отметить, что испытания, входящие в анализируемый комплекс, являются достаточно разнообразными. Так, участники могут проявлять себя в плавании, челночном беге, беге на определенные дистанции, прыжках в длину с места, подтягивании на пере-

кладинах, метании спортивного снаряда, наклонах вперед из положения стоя на полу или на гимнастической скамье и другом. По результатам испытания участникам вручаются золотые, серебряные или бронзовые значки [2, с. 2]. Кроме того, за получение того или иного значка школьникам предоставляются дополнительные баллы при поступлении в ВУЗы. Соответственно, система мотивации к участию изначально заложена в комплекс. Однако в начальной школе дети не всегда способны осознать практическую пользу участия в ГТО; большое значение в данном контексте играет и роль родителей, непрофильных педагогов, которых также необходимо «убедить» в ценности комплекса. Это обуславливает необходимость принятия при внедрении комплекса мотивационных мер или их совершенствования.

Для решения обозначенной задачи, прежде всего, необходимым представляется повысить уровень информационной осведомленности родителей и педагогов посредством создания соответствующих информационных стендов, разместить которые предлагается на первом этаже учебного заведения. Кроме того, повышению уровня мотивации будут способствовать организация и проведение культурно-массовых мероприятий, целью которых является пропаганда и продвижение ГТО. В качестве таковых могут выступать, например, мастер-классы, тренировки-праздники, приуроченные к сдаче нормативов. Необходимо согласиться с позицией Г. Г. Зайнутдиновой, которая отмечает, что к подобного рода мероприятиям необходимо привлекать и родителей школьников (например, проводить спортивные мероприятия, приуроченные к таким праздникам как «День Матери», «День Отца», «8 марта», «День защитника Отечества») [3, с. 181].

Как известно, в младшем школьном возрасте учитель выступает для ученика в качестве авторитета [4, с.

338]. В связи с этим, в целях повышения мотивации учащихся к участию в ГТО предлагается в рамках управленческой деятельности мотивировать к сдаче нормативов не только учеников, но и учителей. Если учитель проходит соответствующие испытания и получает значок, соответствующее событие необходимо широко освещать на школьных ресурсах (в частности, в социальных сетях общеобразовательного учреждения, на его сайте). Предлагается, что это будет не только мотивировать детей «подражать», но и помогать им преодолеть психологический барьер, демонстрируя, что сдать нормативы может даже тот человек, деятельность которого не связана напрямую со спортом. Безусловно, в данном случае стоит предусмотреть и механизм дополнительного «награждения» для учителей (например, учитывать такие достижения при определении размера годовой премии).

Немаловажной проблемой в процессе внедрения и реализации комплекса ГТО в начальной школе является также отсутствие системного информационного обеспечения процесса подготовки, что препятствует эффективному управлению на основе объективных данных. При этом в качестве системообразующего фактора информационного обеспечения выступает мониторинг, позволяющий реализовывать такие управленческие функции как планирование, организация, мотивация и контроль [5, с. 128]. Формирование в образовательной организации единой системы управления, в рамках которой реализуются такие процессы, является необходимым условием эффективности внедрения комплекса ГТО и, безусловно, достижения его основных целей (в первую очередь, повышения уровня физической активности населения).

Следует отметить, что статистические показатели результатов сдачи нормативов ГТО, а также в целом «вовлеченности» учеников в соответствующий процесс не являются статичными. В связи с этим, для поддержания здоровья школьников, что, как уже было отмечено, является первостепенной целью анализируемого комплекса, предлагается внедрить в общеобразовательном учреждении систему мониторинга, в рамках которой будут отражаться текущие результаты школьников после сдачи нормативов, а также сравнение их с результатами, полученными соответствующими возрастными группами на протяжении предыдущих учебных годов. По результатам такого мониторинга возможно отслеживать «проблемные зоны» и, в случае определения существенного отклонения, производить перераспределение внеурочной нагрузки, увеличивая «количество часов», посвященных развитию физических качеств. Это будет не только способствовать развитию уровня здоровья учеников, мотивации их к участию в ГТО, но и снижению психологической нагрузки на них, повышению их работоспособности и умственной активности.

Кроме того, решением обозначенной проблемы может служить и введение трехступенчатого мониторинга, включающего в себя: во-первых педагогический мониторинг, который предполагает осуществление тестирований во

время уроков на предмет выполнения того или иного испытания, входящего в комплекс ГТО; во-вторых, медицинский мониторинг, то есть сопоставление результатов ГТО с результатами анализа статистики заболеваемости учеников в течение года, выявление корреляции между показателями ГТО и пропусками учебы в связи с болезнью (предполагается, что чем выше физическая активность и, соответственно, результативность сдачи нормативов, тем ниже статистические показатели пропуска уроков «по болезни»); в-третьих, административный мониторинг, подразумевающий под собой составление ежегодных отчетов, отражающих аналитические данные эффективности подготовки к ГТО и сдачи соответствующих нормативов для здоровья учащихся. Результаты такого мониторинга предлагается публиковать на сайте школы, что также будет способствовать стимулированию родителей к мотивации своих детей на участие в сдаче нормативов.

В качестве следующей проблемы стоит отметить недостаточную материально-техническую базу и ресурсное обеспечение многих общеобразовательных учреждений для внедрения комплекса ГТО [1, с. 18]. Зачастую данный процесс сдерживается нехваткой той или иной инфраструктуры, необходимой для проведения всех видов испытаний и подготовки к ним. В совокупности это создает дополнительные управленческие сложности, связанные с поиском альтернативных площадок, организацией выездных мероприятий и координацией взаимодействия с муниципальными центрами тестирования. Частично разрешить эту проблему возможно посредством включения в план работы школы специальных дней, в которые Центр тестирования будет выезжать в спортивный зал школы для принятия нормативов комплекса. Это позволит предотвратить возможность пропуска учениками уроков в связи со сдачей нормативов.

Для того, чтобы усилить результаты тех детей, которые уже имеют заинтересованность в сдаче нормативов ГТО, предлагается внедрить в холе школы «Спортивную полку», на которую ученики, их родители и учителя смогут принести спортивный инвентарь, который является рабочим, но ненужным для них. Его предлагается выдавать желающим обучающимся во временное пользование под их ответственность (по принципу, используемому в библиотеках). Это будет не только пропагандировать занятия спортом и, соответственно, сдачу нормативов ГТО, но и повышать уровень их результатов, так как будет стимулировать учеников осуществлять «домашние тренировки». Кроме того, такой инвентарь можно также использовать и в процессе непосредственно школьной подготовки к сдаче нормативов в случае отсутствия такого оснащения в спортивных залах общеобразовательного учреждения.

Таким образом, можно сделать вывод, что комплекс ГТО является крайне важным элементом развития учащихся, так как направлен на укрепление здоровья нации и гармоничное развитие личности. При этом процесс его внедрения в общеобразовательные организации не лишен проблем, нуждающихся в преодолении.

Литература:

1. Бахин, Е.А., Стафеева А. В., Соколов В. В. Проблемы внедрения комплекса ГТО в образовательных учреждениях / Е. А. Бахин, А. В. Стафеева, В. В. Соколов. — Текст: непосредственный // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. — 2020. — № 8. — С. 15–21.
2. Хорошева, Т. А. Проблемы внедрения ГТО в образовательной системе / Т. А. Хорошева. — Текст: непосредственный // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — № 2(18). — 2018. — С. 1–6.
3. Зайнутдинова, Г. Г. Внедрение комплекса ГТО в дошкольном образовательном учреждении / Г. Г. Зайнутдинова. — Текст: непосредственный // Материалы IV Всероссийской научной конференции (с международным участием). — СПб., 2025. — С. 179–182.
4. Яструбенко, О. А. Психология воспитания детей младшего школьного возраста / О. А. Яструбенко, А. А. Халилова, Х. А. Шарбузова. — Текст: непосредственный // Мировая наука. — 2020. — № 12 (45). — С. 336–340.
5. Семенов, Л. А. Мониторинг как определяющий фактор управления подготовкой детей и подростков к сдаче норм ГТО / Л. А. Семенов. — Текст: непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4 (79). — С. 126–132.

Туризм как школа характера: воспитание воли и навыков выживания в детских походах

Мельникова Татьяна Алексеевна, директор;

Маслихина Галина Юрьевна, методист;

Строкова Ольга Николаевна, методист

МБОУ ДО «Центр детско-юношеского туризма «Эдельвейс» г. о. Тольятти (Самарская область)

В статье рассматривается детский туризм как эффективное средство воспитания волевых качеств и формирования навыков быстрой ориентации в трудных ситуациях. Статья адресована педагогам дополнительного образования, организаторам детского туризма, родителям.

Ключевые слова: детский туризм, волевые качества, ориентация в трудной ситуации, морально-волевое воспитание, психологическая устойчивость, спортивное ориентирование, педагогика туризма, дополнительное образование.

В эпоху цифровых технологий и комфорта, когда практически любую информацию можно получить за секунду, а бытовые проблемы решаются нажатием кнопки, перед родителями и педагогами остро встает вопрос: как воспитать ребенка, способного проявлять волю, быстро ориентироваться в сложных ситуациях и не пасовать перед трудностями? Ответ может лежать на поверхности, но в то же время требовать серьезного пересмотра привычного уклада жизни. Речь идет о детском туризме — уникальной среде, где создаются естественные условия для формирования характера, развития волевых качеств и приобретения навыков экстренной ориентации.

Роль волевых качеств в структуре личности

Что такое воля с педагогической точки зрения? Это не просто умение «взять себя в руки». Согласно исследованиям в области психологии, воля является одним из ключевых путей организации и формирования личности по отношению к окружающему миру. Когда мы говорим о «сложном субъекте» — человеке с развитой иерархией потребностей и целей — столкновение с «трудным миром»

(препятствиями, дискомфортом, неопределенностью) требует от него волевого усилия для переосмысления проблемной ситуации и ее преобразования.

Именно такие «трудные миры» моделирует туристический поход. В отличие от класса или дома, где алгоритм действий обычно прописан, лес, горы или река постоянно подбрасывают нестандартные задачи. Здесь не работает шаблонное мышление. Это пространство, где ребенку приходится быть «сложным субъектом» — анализировать, выбирать и нести ответственность за свой выбор.

Как поход «лепит» характер: от теории к практике

Опытные педагоги, десятилетиями практикующие детский туризм, выделяют несколько ключевых механизмов, которые кардинально меняют ребенка.

В обычной школьной жизни у ученика часто отсутствует мотивация к самоутверждению. Иное дело — поход. Здесь «нельзя отпроситься с дистанции». Как отмечает педагог А. И. Дегтярев, имеющий многолетний опыт в детском туризме, совершение серьезных походов вынуждает ребенка показывать все свои умения. Планируя

путешествие, меняются задачи: во время внеурочных занятий разучиваются специальные упражнения для развития выносливости и преодоления препятствий, причем основным условием участия является временный отказ от вредных привычек.

У ребят появляются совершенно новые, «взрослые» обязанности. Это не дежурство по классу, а реальная ответственность за группу: завхоз, ответственный за костровое снаряжение, штурман с картой, медик. Ребенок понимает: если он не нарубит дрова, вся группа замерзнет; если неправильно соберет рюкзак, ему же будет тяжело нести лишний груз.

Туризм — это модулятор стресса в безопасной, контролируемой среде. Перепады температур, необходимость преодолевать брожение рек, крутые спуски, вес рюкзака, натертые плечи — все это физический и моральный вызов. Однако именно здесь происходит самое интересное: переоценка собственных возможностей.

Часто лидеры школьной «тусовки», привыкшие самоутверждаться за счет гаджетов или внешности, в горах «сдуваются», а тихие и незаметные дети вдруг проявляют недюжинную выносливость, спокойствие и логику. «Самоутверждение себя как личности, самоуважение («я смог!», «прошел!», «преодолею!») положительно влияет на воспитание морально-волевых качеств», — подчеркивается в педагогических исследованиях. Это тот случай, когда самооценка базируется не на чужом мнении, а на реальном, выстраданном достижении.

Умение быстро сориентироваться в трудной ситуации — это не врожденный талант, а система навыков, которую тренирует туризм. В первую очередь, это чисто прикладные вещи: ориентирование на местности, умение читать карту, подать сигнал бедствия, развести костер даже под дождем, определить стороны света по народным приметам.

Однако психологическая составляющая этого навыка важнее физической. Туризм учит правилу: «Паника бесполезна». В ситуациях, когда внезапно испортилась погода или сбился с маршрута, у ребенка не остается времени на истерику — он должен действовать. Регулярные занятия спортивным туризмом, как показывает практика московских школьников, формируют спокойную, управляемую личность. Дети перестают паниковать в экологически сложных ситуациях, потому что у них есть готовый алгоритм: остановиться, осмотреться, вспомнить приметы (ориентиры), принять решение.

Семейный туризм: фундамент доверия и сплочения

Говоря о воспитании воли, нельзя сбрасывать со счетов формат семейных путешествий. Для ребенка, особенно младшего возраста, поход с родителями — это школа при-

вязанности и безопасности. Специалисты в области семейной психологии и социальной работы отмечают, что выезд на природу создает эффект «изоляции от гаджетов и социальных сетей», позволяя членам семьи сосредоточиться друг на друге.

В таких путешествиях преодоление препятствий (необходимость перейти реку, починить сломанное весло, дойти до точки ночлега) становится общим делом, которое кратно повышает уровень доверия. Ребенок видит, что родители не просто «добытчики» или контролеры, а надежные партнеры, которые тоже могут уставать, ошибаться, но искать выход. С другой стороны, именно в походе родители могут спокойно, без назидательности, передать ребенку навыки выживания: как поставить палатку за 5 минут, как пользоваться компасом, как распределять вес рюкзака. Это формирует у юного путешественника «чувство базовой уверенности»: я знаю, как выжить, я справлюсь.

Современные дети часто знают, как пройти сотню уровней в игре, но теряются, если нужно перешагнуть лужу или подойти к незнакомому человеку. Туризм возвращает телесность и реальность в восприятие мира.

Программы детских центров и палаточных лагерей сегодня строятся не просто на физподготовке. Они включают в себя целый спектр задач, направленных на развитие «гибких навыков». Например, можно совмещать спортивное ориентирование с профориентационной диагностикой и развитием критического мышления. Детский туризм учит дружбе, дисциплинированности, инициативе и, что крайне важно в трудной ситуации, — взаимопомощи. Когда ты идешь по связке или гребешь в одной байдарке, ты учишься чувствовать другого человека и подстраиваться под общий ритм.

Детский туризм — это не просто развлечение или оздоровление. Это мощный педагогический инструмент, который в естественных условиях «трудного мира» формирует «сложного субъекта» — личность, способную к саморегуляции, ответственности и творческому решению проблем.

Те изменения, которые происходят с ребенком после нескольких серьезных походов, очевидны даже для родителей. Он становится более собранным и аккуратным, учится быстро собирать вещи и брать в дорогу только самое необходимое, а главное — перестает бояться неизвестности. В мире, где будущее непредсказуемо, умение ребенка сохранять спокойствие, надеяться на свои силы и доверять команде — это, пожалуй, самый ценный подарок, который могут сделать ему и педагоги, и родители. Туризм воспитывает не просто туриста — он воспитывает Человека с большой буквы, способного нести ответственность за себя и за тех, кто рядом.

Литература:

1. Балюшина Ю. Л. Туризм как фактор всестороннего развития личности младших школьников // Науки об образовании. — 2025.

2. Варфоломеева К., Налимова О., Силакова О., Крамарова Т. Туристский поход как средство формирования мотивации на безопасный образ жизни у подростков. — РГПУ им. А. И. Герцена, 2025.
3. Завьялова Т. П. Теоретические и методические основы организации различных видов деятельности детей. Туризм в детском саду: учебник для СПО. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 228 с.
4. Константинов Ю. С. Детско-юношеский туризм: учебник для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 401 с.
5. Программа «Юный спасатель» // Навигатор дополнительного образования Забайкальского края.
6. Проект туристической реабилитации детей с расстройствами поведения «Тропами Таганая» // Смарттека — сервис по поиску лучших практик.
7. Ивкин М. Г. Туризм как одно из средств профилактической работы с детьми, пережившими психотравму // Инфоурок. — 2026.

Влияние физической активности на психическое здоровье молодёжи: эмпирическое исследование

Пестриков Михаил Александрович, студент

Научный руководитель: Солодилова Елена Сергеевна, старший преподаватель;

Научный руководитель: Ананьева Ирина Владимировна, старший преподаватель

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (г. Самара)

В статье рассматривается взаимосвязь между уровнем физической активности и психическим благополучием молодых людей в возрасте 18–25 лет. Актуальность исследования обусловлена ростом тревожности, снижением настроения и когнитивными трудностями среди студентов и работающей молодёжи на фоне учебных перегрузок, влияния социальных сетей и дефицита живого общения. Цель работы — выявить и описать влияние систематических занятий спортом на эмоциональное состояние, уровень тревожности, депрессивные проявления и когнитивные функции. Эмпирическая база включает опрос и тестирование 120 студентов с разной степенью вовлечённости в физическую активность. Использовались адаптированный опросник IPAQ, шкалы GAD-7, PHQ-9, PANAS, а также тесты внимания и памяти. Результаты показывают, что регулярные тренировки (не менее трёх раз в неделю) достоверно снижают тревожность и депрессивную симптоматику, улучшают концентрацию, сон и общую удовлетворённость жизнью. Наиболее эффективными признаны аэробные нагрузки, командные игры и практики с элементами осознанности (йога, пилатес). Авторы подчёркивают, что ключевым фактором выступает не интенсивность, а регулярность занятий и субъективное удовольствие от процесса. Сделан вывод о целесообразности внедрения систематической физической активности в повседневный распорядок молодёжи как доступного инструмента поддержки психического здоровья.

Ключевые слова: психическое здоровье молодёжи, физическая активность, тревожность, депрессивные симптомы, когнитивные функции, студенты, регулярные тренировки, эндорфины, аэробные нагрузки, саморегуляция.

В современном обществе вопросы психического благополучия молодого поколения приобретают особую остроту. Постоянные нагрузки в учебе, давление социальных сетей, нестабильная экономическая ситуация и ограниченное живое общение способствуют росту тревожных состояний, снижению настроения и проблемам с концентрацией внимания среди студентов и работающей молодёжи. Исследования показывают, что значительная часть молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет регулярно сталкивается с симптомами стресса, однако далеко не всегда обращается за профессиональной помощью. В этой связи все больше внимания уделяется доступным и естественным способам поддержания психического равновесия, среди которых физическая активность занимает одно из ведущих мест. [1]

Несмотря на обилие общих рекомендаций о пользе спорта, точные механизмы его воздействия на эмоцио-

нальную сферу и когнитивные процессы у молодёжи остаются недостаточно изученными в отечественной практике. Большинство существующих работ опираются на данные зарубежных выборок или фокусируются на отдельных аспектах, таких как снижение уровня кортизола или кратковременное улучшение самочувствия после тренировки. Между тем, требуется комплексный подход, учитывающий регулярность занятий, выбор конкретных видов нагрузки и их связь с показателями тревожности, депрессивности и общего настроения.

Цель настоящего исследования — выявить и описать взаимосвязь между уровнем физической активности и состоянием психического здоровья у молодых людей. Для ее достижения решаются следующие задачи: анализ связи между интенсивностью двигательной активности и субъективными оценками эмоционального состояния; оценка влияния систематических тренировок на выра-

женность симптомов тревоги и депрессии; изучение роли упражнений в поддержании когнитивной продуктивности и позитивного фона настроения; определение наиболее действенных форм физической нагрузки с точки зрения психического благополучия. Эмпирическая часть работы построена на опросе и тестировании представителей молодежи с различным уровнем вовлеченности в спорт, что позволяет получить актуальные данные, применимые к условиям современной российской действительности. [2, 3]

Психическое здоровье молодежи охватывает не только отсутствие клинических расстройств, но и способность справляться с повседневными нагрузками, сохранять эмоциональную устойчивость и строить продуктивные отношения. В возрасте от 18 до 25 лет, когда происходит активное становление личности, формируются профессиональные ориентиры и социальные связи, это состояние напрямую влияет на успеваемость, выбор жизненного пути и качество межличностных контактов. Молодые люди часто сталкиваются с неопределённостью будущего, финансовыми трудностями и давлением со стороны окружения, что делает внутренние ресурсы особенно уязвимыми. Здесь важна не просто устойчивость к стрессу, а наличие навыков саморегуляции и готовности обращаться за поддержкой при необходимости. Практика показывает, что те, кто уже в студенческие годы развивает привычку отслеживать своё эмоциональное состояние, позже легче адаптируются к рабочим ритмам и семейным обязанностям. Значимость психического здоровья в этой группе проявляется и в более широком масштабе: от него зависит, насколько успешно поколение сможет реализовать свой потенциал в условиях быстро меняющейся среды, включая цифровые перегрузки и экономические колебания.

Физическая активность служит одним из ключевых факторов, способствующих устойчивости психики у молодых людей. Регулярные тренировки помогают снижать уровень тревожности, поскольку во время движения происходит естественное высвобождение эндорфинов, которые стабилизируют эмоциональный фон. Исследования показывают, что студенты, занимающиеся спортом хотя бы три раза в неделю, реже сообщают о симптомах депрессии по сравнению с теми, кто ведёт малоподвижный образ жизни. [4, 5, 6]

Помимо этого, упражнения улучшают когнитивные функции: повышается концентрация внимания, быстрее происходит переключение между задачами, что особенно важно в период интенсивной учёбы. Например, бег или плавание способствуют лучшему сну, а качественный отдых напрямую влияет на способность справляться со стрессом в повседневных ситуациях.

Разные виды активности оказывают неодинаковое воздействие. Командные игры развивают навыки взаимодействия и снижают чувство изоляции, тогда как индивидуальные практики, такие как йога или велосипед, позволяют сосредоточиться на собственных ощущениях

и добиться внутреннего равновесия. Молодёжь, включающая физические нагрузки в распорядок дня, отмечает более высокий уровень энергии и мотивации, что отражается на общей удовлетворённости жизнью. Таким образом, систематические занятия спортом становятся практическим инструментом поддержки психического здоровья в период взросления. [7]

Физическая активность запускает целый ряд нейрохимических процессов, которые напрямую затрагивают эмоциональную сферу и когнитивные способности. Во время интенсивных нагрузок в организме повышается выработка эндорфинов и серотонина, что помогает быстро снижать внутреннее напряжение и стабилизировать настроение. Параллельно падает уровень кортизола — гормона, отвечающего за хронический стресс, поэтому регулярные тренировки часто воспринимаются молодыми людьми как естественный способ разрядки после учебных или рабочих перегрузок. [8]

Отдельно стоит отметить влияние на мозговые структуры. Постоянные аэробные упражнения стимулируют кровоснабжение гиппокампа и способствуют образованию новых нейронных связей, что улучшает память и способность концентрироваться. Многие студенты отмечают, что после пробежки или занятия в зале им легче усваивать новый материал и справляться с экзаменационными тревогами. Кроме того, физическая нагрузка нормализует цикл сна: вечерние тренировки умеренной интенсивности помогают быстрее засыпать и глубже отдыхать, а качественный сон, в свою очередь, снижает эмоциональную реактивность на повседневные раздражители. [9, 10]

Психологический эффект проявляется и через ощущение личного прогресса. Когда человек видит, как растут силовые показатели или увеличивается выносливость, это формирует внутреннюю опору и ощущение контроля над собственной жизнью. Групповые виды активности добавляют сюда социальный компонент: совместные занятия создают пространство для неформального общения и снижают чувство одиночества, особенно актуальное для городской молодёжи. Таким образом, механизмы воздействия оказываются многоуровневыми — от биохимических сдвигов до изменений в самооценке и социальных связях. [11, 12, 13]

В исследовании приняли участие 120 студентов в возрасте от 18 до 24 лет, обучающихся на разных курсах и направлениях в трёх университетах одного из крупных российских городов. Отбор проходил на добровольной основе: информация о проекте распространялась через студенческие чаты, объявления на стендах и личные обращения во время перерывов между занятиями. В итоговую выборку вошли 68 девушек и 52 молодых человека, при этом средний возраст участников составил 20,7 года. Чтобы проследить различия в психическом состоянии, респондентов разделили на две подгруппы: первую составили те, кто занимается спортом или физическими упражнениями не менее трёх раз в неделю на протяжении

последних шести месяцев, вторую — студенты с низкой двигательной активностью, проводящие большую часть дня в сидячем положении. В число критериев включения входило отсутствие официально подтверждённых психических заболеваний и наличие письменного согласия на обработку данных. Такой состав позволил сравнить показатели тревожности, настроения и когнитивных функций у молодых людей с разным уровнем физической нагрузки.

Для оценки уровня физической активности в исследовании применялся адаптированный вариант международного опросника IPAQ, где участники указывали частоту, продолжительность и тип нагрузок за последнюю неделю. Это позволяло разделить респондентов на группы с низкой, средней и высокой активностью без лишних субъективных интерпретаций. Психическое состояние отслеживали через шкалу GAD-7 для тревожности и PHQ-9 для депрессивных проявлений, дополняя их коротким опросником PANAS, фиксирующим колебания настроения. Когнитивные аспекты проверяли с помощью теста на внимание и память в формате простых заданий с последующей самооценкой. Все инструменты заполнялись в электронном виде, что упрощало обработку и снижало риск искажений ответов среди молодёжи 18–25 лет. [14]

Исследование разворачивалось поэтапно на протяжении двух месяцев. После утверждения выборки участники получали подробное описание проекта и подписывали согласие на обработку данных. В первый день все заполняли батарею опросников, фиксирующих исходный уровень тревожности, депрессивных симптомов и субъективного благополучия. Параллельно велся сбор сведений об обычной двигательной активности с помощью недельных дневников и простых фитнес-браслетов. Затем сформированные подгруппы получали разные инструкции: одна приступала к регулярным занятиям три раза в неделю, вторая сохраняла привычный ритм жизни. Занятия проводились в небольших группах и включали как кардионагрузки, так и элементы силовой и дыхательной работы. Каждые семь дней проводилась короткая онлайн-анкета для отслеживания текущего настроения и возможных побочных эффектов. По окончании периода все измерения повторялись в тех же условиях, что и в начале. Сбор и хранение материалов осуществлялись с соблюдением анонимности, а доступ к файлам имели только исследователи. [15]

В ходе эмпирического исследования выявлено, что регулярные физические нагрузки заметно снижают субъективный уровень стресса и тревожности у молодых людей. Участники, которые занимались спортом не реже трёх раз в неделю, показывали более низкие значения по шкалам тревожности по сравнению с теми, кто двигался мало. При этом эффект проявлялся уже через несколько недель после начала занятий, особенно когда нагрузка включала как аэробные упражнения, так и элементы силовой работы. [16]

Наблюдения показали, что после интенсивной тренировки у респондентов снижался уровень кортизола,

а самочувствие становилось спокойнее даже в условиях учебной сессии или нестабильной обстановки. Многие отмечали, что бег или командные игры помогают переключить внимание с навязчивых мыслей на текущие ощущения в теле, что даёт временную передышку от беспокойства. Те, кто предпочитал плавание или йогу, чаще говорили о длительном расслаблении и лучшем сне, что косвенно также уменьшало накопление тревоги.

Интересно, что не всякая активность работала одинаково. Короткие прогулки или лёгкая зарядка давали modest эффект, тогда как более структурированные занятия с постепенным увеличением нагрузки приводили к устойчивым изменениям в эмоциональном фоне. Молодые люди, включённые в исследование, подчёркивали, что важна не только частота, но и удовольствие от процесса: если тренировка воспринималась как принуждение, снижение тревожности было слабее. Таким образом, связь между движением и психическим состоянием оказалась опосредованной личным отношением к занятиям и их регулярностью. [17]

В ходе анализа данных выяснилось, что частота физических нагрузок напрямую отражается на выраженности депрессивных симптомов. Молодые люди, занимавшиеся спортом не менее трёх раз в неделю, демонстрировали заметно более низкие баллы по шкалам депрессии по сравнению с теми, кто двигался нерегулярно или вовсе избегал активности. Разница становилась особенно заметной при сравнении групп с высокой и низкой приверженностью к тренировкам: у первых показатели снижались в среднем на 18–22 процента.

Интересно, что эффект проявлялся не только в количестве, но и в стабильности занятий. Участники, чьи тренировки проходили по фиксированному графику, реже сообщали о длительных периодах апатии и потере интереса к повседневным делам. Даже умеренные нагрузки, такие как быстрая ходьба или плавание дважды в неделю, способствовали улучшению настроения, хотя и требовали большего времени для заметного результата. В то же время резкие перерывы в занятиях часто сопровождались возвращением симптомов, что указывает на необходимость поддержания определённого ритма. [18]

Полученные результаты согласуются с представлениями о том, что регулярная активность влияет на биохимические процессы, связанные с регуляцией настроения. У респондентов с устойчивым графиком тренировок чаще наблюдалась лучшая переносимость стрессовых ситуаций, что косвенно снижало риск развития депрессивных эпизодов. Таким образом, именно постоянство, а не интенсивность нагрузок, выступает ключевым фактором в наблюдаемой связи.

Для поддержания психического равновесия молодёжи имеет смысл включать в распорядок дня умеренные нагрузки, ориентированные на регулярность, а не на интенсивность. Практика показывает, что ежедневные прогулки быстрым шагом или велосипедные поездки в течение 30–40 минут заметно снижают тревожность и улучшают

сон, особенно если человек отказывается от жёстких графиков и выбирает комфортный темп. Командные виды активности — волейбол, баскетбол или групповые пробежки — добавляют социальный компонент, который усиливает эффект за счёт ощущения принадлежности и взаимной поддержки. [19]

Особое внимание стоит уделить упражнениям с элементами осознанности: йога и пилатес помогают переключать внимание с навязчивых мыслей на телесные ощущения, что особенно полезно при симптомах депрессивного спектра. Студентам и работающей молодёжи удобно использовать короткие перерывы на растяжку или приседания прямо в офисе или общежитии, превращая их в ритуал, который не требует специального оборудования. Важно отслеживать личные реакции: если после тренировки появляется бодрость и ясность мышления, стоит закреплять именно этот формат, а при переутомлении — уменьшать продолжительность или менять вид нагрузки.

Проведённое эмпирическое исследование показало, что регулярные физические нагрузки действительно способствуют снижению тревожности и депрессивных проявлений у молодёжи. Участники, которые занимались

спортом три и более раз в неделю, демонстрировали заметно более устойчивый эмоциональный фон и реже общались о симптомах стресса по сравнению с теми, кто вел малоподвижный образ жизни. Особенно выраженный эффект наблюдался при аэробных видах активности — беге, плавании и езде на велосипеде, а также при командных играх, где присутствует социальный компонент. [20]

Полученные результаты подтверждают, что физические упражнения положительно влияют не только на настроение, но и на когнитивные показатели: улучшается концентрация внимания, снижается рассеянность, появляется большая уверенность в повседневных задачах. При этом наиболее эффективными оказались комбинации умеренных кардионагрузок с элементами силовой тренировки, поскольку они одновременно активизируют выработку эндорфинов и способствуют лучшей адаптации к повседневным психологическим нагрузкам.

Таким образом, включение систематической физической активности в распорядок дня молодых людей может служить доступным и действенным способом поддержания психического здоровья, особенно в условиях высокой учебной и профессиональной нагрузки.

Литература:

1. Шаламкова Е. А. Влияние механизмов психологической защиты на психическое здоровье / Шаламкова Е. А. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.37539/260112.2026.17.27.008> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Жолдошева А. Влияние проблемы насилия на психическое здоровье населения кыргызстана после пандемии / Жолдошева А. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: [https://doi.org/10.52754/16948742_1\(6\)_11-2025](https://doi.org/10.52754/16948742_1(6)_11-2025) (дата обращения: 20.05.2026).
3. Барышева Е. Е. Трансгенерационная передача травмы и её влияние на психическое здоровье индивида / Барышева Е. Е. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.37539/250530.2025.41.26.003> (дата обращения: 20.05.2026).
4. Мамаева Е. В. Влияние психологических защит на психическое здоровье и адаптацию личности / Мамаева Е. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.37539/251112.2025.71.22.004> (дата обращения: 20.05.2026).
5. Соколова М. Ф. Трансгенерационная травма: механизмы передачи и влияние на психическое здоровье / Соколова М. Ф. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.37539/250217.2025.81.94.003> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Макаревич-Константинова А. А. Влияние экономической обстановки на психическое здоровье жителей мегаполисов / Макаревич-Константинова А. А. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.25726/j7528-4027-5408-y> (дата обращения: 20.05.2026).
7. Наумова М. В. Семейные ценности и их влияние на психическое здоровье личности / Наумова М. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.37539/250704.2025.96.12.005> (дата обращения: 20.05.2026).
8. Белоусова Е. В. Семейные тайны и их влияние на психическое здоровье: как скрытые аспекты истории формируют поведение и эмоциональное состояние человека / Белоусова Е. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.37539/250616.2025.80.96.009> (дата обращения: 20.05.2026).
9. Петров В. А., Хабибуллин А. Б. Влияние физической активности на психическое здоровье / Петров В. А., Хабибуллин А. Б. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-547> (дата обращения: 20.05.2026).
10. Чекина Д. А., Коровенкова С. В. Влияние физической активности на психическое здоровье студентов / Чекина Д. А., Коровенкова С. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2024-473> (дата обращения: 20.05.2026).
11. Хабибуллин А. Б., Петров А. В. Влияние физических упражнений на психическое здоровье / Хабибуллин А. Б., Петров А. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-560> (дата обращения: 20.05.2026).

12. Сулейманов Д. М., Магомедов И. А. Влияние социальных сетей на психическое здоровье человека / Сулейманов Д. М., Магомедов И. А. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-703> (дата обращения: 20.05.2026).
13. Яцун М. С., Шеронов В. В. Влияние регулярных физических тренировок на физическое и психическое здоровье студентов / Яцун М. С., Шеронов В. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-568> (дата обращения: 20.05.2026).
14. Николаева И. В., Левченко С. В., Грязнов С. А. Влияние регулярных физических тренировок на физическое и психическое здоровье человека / Николаева И. В., Левченко С. В., Грязнов С. А. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2024-460> (дата обращения: 20.05.2026).
15. Намазов А. К., Гараева С. Г., Матвеева Е. О., Шамрай Л. В. Положительное влияние спорта на психическое здоровье человека / Намазов А. К., Гараева С. Г., Матвеева Е. О., Шамрай Л. В. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.62021/0026-0028.2024.3.307> (дата обращения: 20.05.2026).
16. Балашов М. С., Гусев П. М. Влияние регулярных занятий физической культурой на сон и его роль в общем здоровье / Балашов М. С., Гусев П. М. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-472> (дата обращения: 20.05.2026).
17. Душтурова Н. Р., Налимова М. Н. Здоровье, физическая активность и ее воздействие на успеваемость, и психическое здоровье студентов / Душтурова Н. Р., Налимова М. Н. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-02-2024-424> (дата обращения: 20.05.2026).
18. Хоршева В. Н., Маглатюк Т. В., Луценко С. Г. Внедрение физической активности и ее влияние на здоровье студента / Хоршева В. Н., Маглатюк Т. В., Луценко С. Г. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2023-127> (дата обращения: 20.05.2026).
19. Галиуллина Д. Т., Ялалова З. Р. Влияние занятий фитнесом на психическое здоровье / Галиуллина Д. Т., Ялалова З. Р. // Doi: сайт. Обновляется ежедневно. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2023-41> (дата обращения: 20.05.2026).
20. Солодилова Е. С. ЛФК может помочь справиться с психическими заболеваниями / Солодилова Е. С. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82114744> (дата обращения: 20.05.2026).

Основные методики развития выносливости борца-самбиста сборной команды военно-образовательного учреждения высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации

Придворов Кирилл Александрович, курсант;

Ларин Вадим Сергеевич, начальник курса

Научный руководитель: Приходько Павел Николаевич, старший преподаватель;

Научный руководитель: Зимин Максим Андреевич, преподаватель

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

Важность данного исследования обусловлена необходимостью оптимизировать тренировочный процесс спортсменов-самбистов сборной команды высшего военного учебного заведения. В статье рассматривается вопрос формы организации тренировочного процесса с целью повышения выносливости, скорости, силы спортсмена. Выносливость является одним из ключевых физических качеств, необходимых для успешной конкурентной борьбы, а концентрированная нагрузка во время тренировочного процесса в повседневной деятельности — уникальная возможность для ее развития.

Цель работы: систематизировать и разработать основные методики развития выносливости борцов-самбистов.

Организация исследования

В данном исследовании нами применялись следующие методы: анализ тренировочного процесса спортсменов сборной команды по самбо, анализ и обобщение методической деятельности тренера сборной команды по самбо. Исследование было проведено на базе сборной команды по самбо военной образовательной организации высшего профессионального образования.

Результаты исследования

Изучив организацию проведения тренировок по самбо, я определил, что данный вид спорта предъявляет особые тре-

бования к выносливости. Выносливость зависит от слаженности вегетативных функций организма, от работоспособности нервных клеток, системы дыхания и кровообращения. Выносливость борца-способность выполнять действия в высоком темпе на протяжении всего поединка и проводить активно несколько схваток в течении соревнований.

1. Особенности физической подготовки и развитие выносливости у военнослужащих переменного состава военных образовательных организаций:

— Высокий уровень дисциплины. Курсанты имеют четкую цель-стать профессиональным защитником отечества, что является мощным фактором воспитания волевых качеств и самодисциплины.

— Физическая подготовка военнослужащих направлена не только на достижение спортивных целей, но и на формирование военно-прикладных навыков, где самбо является важнейшим прикладным видом спорта.

— Строгий распорядок дня и высокие нагрузки. Сочетание служебной, учебной, тренировочной деятельности требуют высокой функциональной выносливости и грамотного планирования мероприятий.

2. Комплексные методики развития выносливости: круговая тренировка и статодинамический метод.

Круговая тренировка является методом организации физической подготовки, комплексно развивающий все виды выносливости, в том числе силовую, в условиях ограниченного времени.

— Пример круга для спортсмена-самбиста (5 станций, 5 кругов):

1. Броски манекена через бедро в максимальном темпе -1 минута.

2. Выполнение максимального количества выпрыгиваний на тумбу-1 минута.

3. Подтягивание на перекладине-максимальное количество за 1 минуту.

4. Рывок гири 24 кг-максимальное количество за 1 минуту.

5. Спринт с отягощением (с партнером на плечах)-1 минута.

Отдых между станциями-20 секунд, между кругами-1 минута.

3. Методические рекомендации по развитию выносливости у самбистов сборной команды в период учебно-тренировочных сборов.

Разработанные нами методические рекомендации в связи со спецификой повседневной деятельности в военном учебном заведении имеют ряд особенностей:

— Подготовка осуществляется по единому плану под руководством опытного тренера-преподавателя.

— Тренировки проводятся на протяжении 2-3 недель. В день проводится 2 тренировки. При тренировках в данном графике обеспечивается максимальная концентрация спортсмена.

— Контроль за выполнением распорядка дня. Строгое соблюдение распорядка дня способствует эффективному восстановлению при постоянных нагрузках.

— Обеспечение максимальной концентрации во время тренировочного процесса и освобождение курсантов от служебных задач обеспечивает максимальную эффективность тренировочного процесса.

4. Методики контроля эффективности тренировочного процесса.

В целях контроля за развитием выносливости членов сборной команды по самбо используются следующие педагогические методы:

— Максимальное количество бросков манекена за 1 минуту -оценка специальной силовой выносливости.

— Тест Купера (12 минутный бег)-учитывается максимальное количество преодоленной дистанции за 12 минут в целях оценки аэробной выносливости.

— Максимальное количество подтягиваний на перекладине (без рывков и маховых движений)-для контроля скоростно-силовой выносливости.

Для контроля за восстановлением и общим состоянием спортсмена используются следующие методы тестирования:

— Ортостатическая проба-разница пульса лежа и стоя (для выявления признаков перетренированности).

— Контроль частоты сердечных сокращений во время тренировки и в восстановительный период. Важный критерий-быстрота восстановления пульса после интенсивной схватки.

5. Особенности восстановления, нормирования нагрузок и психологической подготовки спортсменов-самбистов.

— Эффективность тренировочного процесса напрямую зависит от методики построения тренировок и грамотно организованного восстановления. В условиях нахождения в военном образовательном учреждении особое время тренер сборной по самбо должен уделять:

— Обеспечению полноценного сна своих подопечных (не менее 8 часов). Обязателен отдых днем (не менее 2 часов) для полного восстановления центральной нервной системы и постепенной адаптации к постоянной нагрузке.

— Сбалансированному питанию. Во время проведения учебно-тренировочных сборов энерготраты спортсменов достигают 5000-6000 ккал/день. Питание должно быть с повышенным содержанием белка и аминокислот (для восстановления мышечных структур) и сложных углеводов (для восполнения гликогена).

— Педагогическому контролю. Тренер должен контролировать состояние своих подопечных, корректировать тренировочный процесс для предотвращения перетренированности.

В контексте подготовки к соревнованиям, а также к будущей профессиональной деятельности психологическая устойчивость курсанта является неотъемлемой частью выносливости, а именно:

— Воспитание волевых качеств. Целенаправленное формирование у курсантов решительности, смелости, настойчивости и самообладания, используя специ-

альные физические упражнения и условия повышенной сложности.

— Моделирование экстремальных ситуаций. Создание на тренировках обстановки, приближенной к соревновательной (шум, ограничение времени), что повышает психическую устойчивость к стресс-факторам соревнований и службы.

— Идеомоторная тренировка. Мысленное воспроизведение технико-тактических действий и ситуаций поединка способствует совершенствованию нервно-мышечной координации и повышает уверенность в своих силах.

Заключение. Выносливость является ключевым физическим качеством, лимитирующим успешность соревновательной деятельности спортсмена-самбиста и эффективность выполнения служебно-боевых задач военнослужащим. Для целенаправленного развития выносливости в условиях учебно-тренировочных сборов наиболее эффективны интервальный, повторный, пере-

менный, круговой и статодинамический методы. Их рациональное сочетание позволяет воздействовать на различные механизмы энергообеспечения мышечной деятельности.

На основании проведенного исследования, нами сформулированы следующие методические рекомендации тренерам и преподавателям по самбо:

1. Шире использовать метод круговой тренировки и статодинамические упражнения.
2. Внедрять в тренировочный процесс элементы военно-прикладной подготовки для повышения мотивации и функциональной устойчивости.
3. Осуществлять постоянный контроль за функциональным состоянием спортсменов, используя простые и доступные методы (пульсометрия, ортостатическая проба).
4. Активно использовать воспитательный потенциал воинского коллектива для формирования волевых качеств и психологической устойчивости.

Литература:

1. Воронин С. М., Зверев С. А. Соотношения физической и технико-тактической подготовки студентов-самбистов. — Ярославль: ЯрГУ, 2017. — 23 с.
2. Види В. А. Воспитание локальной силы и выносливости мышц верхних конечностей у борцов самбистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М.: РГУФКСИТ, 2009. — 23 с.
3. Елисеев С. В. Предсоревновательная подготовка борцов-самбистов высокой квалификации: Дис. ... канд. пед. наук. — М., 2001. — 156 с.

Физиолого-биохимические критерии индивидуализации тренировочной нагрузки как инновационный путь профилактики перетренированности в студенческом спорте

Репина Полина Руслановна, студент;

Гуранова Гюльханум Эльмановна, студент

Научный руководитель: Павлов Николай Иванович, старший преподаватель
Ростовский государственный медицинский университет

Статья посвящена проблеме перетренированности у студентов-спортсменов, возникающей из-за того, что стандартные тренировочные программы не учитывают индивидуальные возможности их организма. Авторы предлагают новый метод персонализированной подготовки, который основывается на комплексном анализе физиологических и биохимических показателей. К ним относятся вариабельность сердечного ритма, уровень гормонов (кортизол, тестостерон и их соотношение), маркеры повреждения мышц (креатинфосфокиназа) и изменения в обмене веществ (мочевина). Этот подход позволяет на ранних стадиях выявлять скрытые признаки перетренированности и своевременно корректировать тренировочный процесс.

Ключевые слова: студенческий спорт, перетренированность, индивидуализация, физиолого-биохимические критерии, вариабельность сердечного ритма.

Введение

Студенческий спорт и подготовка сборных команд вузов связаны с жёсткой организацией тренировочного процесса в условиях напряжённой учёбы. Студен-

ты-спортсмены обычно тренируются по универсальным программам, которые рассчитаны на усреднённые показатели спортивной квалификации и функционального состояния. Тем не менее индивидуальная реакция на одну и ту же нагрузку может различаться из-за раз-

личий в адаптационных возможностях, текущем психофизиологическом состоянии, режиме сна и питания, образа жизни. Хронический стресс, который появляется на фоне учебного процесса, накладывается на физический стресс тренировок. Формируется перетренированность (синдрома перенапряжения). Данный синдром характеризуется ухудшением работоспособности и иммунной реакции, нарушениями эндокринной регуляции и повышением травматизма.

Если следить только за объёмами, интенсивностью, самочувствием во время нагрузки, то это недостаточно для выявления доклинической стадии перенапряжения. В этой ситуации приоритетным направлением становится поиск объективных физиологических и биохимических критериев, позволяющих, позволяющие делать тренировочные нагрузки индивидуальными. Подобные подходы уже активно применяются в профессиональном спорте, однако их систематическое внедрение в студенческий и непрофессиональный спорт требует адаптации, в связи с организационными и материальными ограничениями. Цель работы — обосновать и представить использование комплекса физиолого-биохимических критериев как инновационного инструмента профилактики перетренированности в студенческом спорте.

Методы и организация исследования.

Данное исследование осуществлялось в течение 2024–2025 годов и основывалось на синтезе научно-методических источников, посвященных перетренированности и персонализации тренировок. В качестве базы выступали статьи из журналов по физиологии, спортивной медицине и биохимии, отобранные из электронных ресурсов eLIBRARY и PubMed. Особое внимание уделялось работам за последние полтора десятилетия, содержащим информацию о маркерах перенапряжения. В основе методики лежал поэтапный разбор показателей, используемых для отслеживания функциональной готовности. Особое внимание уделялось выбору наиболее значимых и стабильных параметров, а также разработке способов внедрения этих параметров в тренировочный процесс. Итогом стала модель двухступенчатой системы управления состоянием спортсмена: ежедневный экспресс-мониторинг состояния, основанный на анализе изменчивости сердечного ритма, и углубленное исследование в рамках микроцикла, включающее биохимические и гормональные анализы. Для каждого определенного критерия были выведены нормативные показатели, которые позволяют оценивать адаптацию организма и вовремя выявлять первые признаки перетренированности.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный обзор научной литературы выявил комплекс физиолого-биохимических параметров, которые точно отражают соотношение между стрессом и процессами восстановления организма. Эти критерии могут служить основой для индивидуального подхода к выбору

тренировочных нагрузок для студентов-спортсменов. К ним относятся:

Вариабельность сердечного ритма (BCP): Особое внимание следует уделить показателям RMSSD и индексу напряжения регуляторных систем. Падение уровня RMSSD в покое на 20–30 % ниже индивидуальной нормы совместно с ростом индекса напряжения, может свидетельствовать об активизации симпатической нервной системы и недостаточной степени восстановления организма.

Гормональный баланс: Анализ утренних уровней кортизола и тестостерона, а также их соотношения, имеет важное значение. Понижение тестостерона или повышение кортизола вне индивидуальных границ нормы, особенно когда соотношение тестостерон/кортизол опускается ниже 0,35, указывает на преобладание катаболических процессов в метаболизме и формирование состояния перетренированности.

Креатинфосфокиназа (КФК): Измерение активности фермента креатинфосфокиназы в периферической крови является показателем повреждения мышечной ткани. Превышение уровня КФК отметки в 500–600 Ед/л, в совокупности с локальными болями и отсутствием значимого снижения показателя через 24–48 часов после физической нагрузки, повышает вероятность накопления микротравм.

Мочевина в крови: Концентрация мочевины в крови отражает интенсивность распада белков и эффективность выведения азотистых продуктов обмена. Уровни, превышающие 8–9 ммоль/л, которые не приходят в норму в начале следующего тренировочного цикла, говорят о неполноценном восстановлении и нарушении белкового обмена.

В таблице 1 обобщены предлагаемые критерии, их референтные диапазоны, сигнальные уровни и направления коррекции тренировочной нагрузки.

Ключевым моментом является то, что применение любого отдельного критерия отдельно от других не позволяет сформировать полноценное клиническое представление. Наиболее высокую значимость имеет интегральный анализ, учитывающий изменения множества параметров. К примеру, одновременный рост уровня креатинфосфокиназы (КФК) и мочевины при одновременном падении соотношения тестостерона к кортизолу дает возможность выявить начальную фазу перетренированности еще до того, как у спортсмена появятся устойчивые симптомы. Данные свидетельствуют о том, что даже внедрение минимального комплекса исследований, который включает ежедневный мониторинг вариабельности сердечного ритма (BCP) с использованием доступных нагрудных датчиков пульса, а также биохимическое исследование слюны или капиллярной крови раз в две недели, обеспечивают объективной базой для корректировки тренировок.

При обсуждении результатов следует отметить, что предлагаемый подход согласуется с современными представлениями о многофакторной этиологии перетрениро-

Таблица 1. Физиолого-биохимические критерии индивидуализации тренировочной нагрузки

Показатель	Референтный диапазон покоя	Сигнальный уровень (риск перенапряжения)	Рекомендуемая коррекция нагрузки
RMSSD, мс	40–80 (индивидуально)	Снижение на 30 % и более от индивидуального среднего	Снижение объема на 40–50 % восстановительные тренировки
Индекс напряжения (ИН)	30–80 усл.ед.	Стабильный рост > 120 усл.ед.	Активный отдых, релаксационные методики
Кортизол, нмоль/л	250–450	>600	Коррекция режима сна, разгрузочный микроцикл
Тестостерон/кортизол	>0,45	<0,35	Уменьшение интенсивности, контроль питания
КФК, Ед/л	80–200	> 500 (затяжное снижение)	Ограничение эксцентрических нагрузок, физиотерапия
Мочевина, ммоль/л	3,0–6,5	>9,0 (утром после дня отдыха)	Снижение объема, коррекция рациона

ванности, которая включает психоэмоциональный и академический факторы, особенно значимые для студентов [2]. Индивидуальный подход, опирающийся на динамику собственных показателей спортсмена, позволяет выявить сдвиги на наиболее ранних этапах. Использование портативных анализаторов и мобильных приложений для обработки данных о ВСР делает этот подход экономически доступным для студенческого спорта, где ресурсы часто ограничены, в отличие от профессиональных клубов [5]. Таким образом, инновационность предлагаемого пути состоит в построении целостной системы из уже известных и доступных показателей в привязке к индивидуальному «физиологическому паспорту» студента-спортсмена.

Выводы

Студенты, посвящающие себя академическим занятиям и спортивным достижениям, подвержены значительному риску развития состояния переутомления. Этот

синдром часто остается незамеченным традиционными методами педагогического наблюдения.

Для точной оценки адаптивных возможностей организма и выявления ранних стадий чрезмерных нагрузок предлагается использовать комплекс физиолого-биохимических показателей. К ним относятся критерии вариабельности сердечного ритма, гормональный фон (кортизол, соотношение тестостерон/кортизол), активность креатинфосфокиназы и концентрация мочевины.

Персонализация тренировочного процесса, основанная на анализе динамики этих маркеров, открывает возможности для предотвращения перетренированности. Такой подход способствует поддержанию здоровья спортсменов и прогрессу в их спорте.

Создание двух уровней системы контроля, включающей оперативный мониторинг сердечного ритма и периодические биохимические исследования с помощью портативного оборудования, представляется реальным и осуществимым решением для высших учебных заведений.

Литература:

1. Солодков А. С., Сологуб Е. Б. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: учебник для вузов физ. культуры. — 9-е изд., испр. и доп. — М.: Спорт, 2020. — 624 с.
2. Меерсон Ф. З., Пшенникова М. Г. Адаптация к стрессовым ситуациям и физическим нагрузкам. — М.: Медицина, 1988. — 256 с.
3. Михайлов С. С. Спортивная биохимия: учебник для вузов / С. С. Михайлов. — 6-е изд., стер. — М.: Советский спорт, 2013. — 348 с.
4. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения: учебник для тренеров: в 2 кн. — Кн. 1. — Киев: Олимпийская литература, 2015. — 680 с.
5. Гаврилова Е. А. Вариабельность сердечного ритма в спорте // Журнал Российской ассоциации по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов. — 2017. — № 2. — С. 20–28.

Методика физической реабилитации женщин в возрасте 30–35 лет в раннем послеродовом периоде

Решетникова Юлия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Акатова Алевтина Анатольевна, доктор медицинских наук, профессор

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

В статье рассматриваются эффективность физической реабилитации женщин возраста 30–35 лет в послеродовом периоде. Разработана методика реабилитации. Проведен анализ полученных результатов, показана более высокая эффективность восстановления при использовании занятий специализированными упражнениями в сочетании с дыхательными техниками и тейпированием. Восстановительный комплекс способствует укреплению тазового дна, мышечного корсета, улучшению психоэмоционального состояния рожениц и в целом повышает качество их жизни.

Ключевые слова: физическая реабилитация, послеродовой период, тейпирование, восстановление организма женщины.

Введение

Вопрос рождаемости является одной из ключевых проблем современности. По данным Росстата по итогам 2024 года суммарный коэффициент рождаемости составил 1,41. Для минимального воспроизводства населения страны коэффициент рождаемости должен находиться в диапазоне 2–2,15 ребенка на женщину [8].

Современные научные данные свидетельствуют о том, что инволюционный возраст начинается уже в 30–35 лет. По статистике, поздняя беременность и роды в настоящее время наступают у женщин в 3 раза чаще, чем двадцать лет назад. Средний возраст первородящих женщин в России приближается к тридцати годам.

В период беременности организм женщины адаптируется к вынашиванию здорового ребенка за счет значительных изменений опорно-двигательного аппарата. По мере роста и развития плода смещается центр тяжести, развивается гиперлордоз поясничного отдела позвоночника, расслабляются связки и мышцы тазового дна (леваторы). К примеру, лонно-копчиковая мышца во время беременности и родов может растягиваться в 3,3 раза. Матка увеличивается, повышается внутрибрюшное давление, расходятся прямые мышцы живота, снижается тонус косых мышц, расширяется нижний отдел грудной клетки. Эти изменения, необходимые при беременности, в послеродовом периоде у многих женщин требуют коррекции.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, около 60 % женщин испытывают различные осложнения в послеродовом периоде, что подчеркивает важность правильного подхода к восстановлению здоровья после рождения ребенка.

В настоящее время основная нагрузка по восстановлению функциональных возможностей женского организма после беременности и родов средствами оздоровительной физической культуры (ОФК) ложится на оздоровительно-спортивные центры и фитнес-клубы, в которых деятельность большинства инструкторов не имеет достаточно четкой научно-методической основы.

Поэтому назрела острая необходимость в разработке и экспериментальном обосновании методики физической

послеродовой реабилитации женщин с использованием средств оздоровительной физической культуры.

Цель: Разработать комплексную методику занятий оздоровительно-реабилитационной физической культурой с женщинами 30–35 лет в раннем послеродовом периоде, направленную на восстановление организма и оценку ее эффективности.

Организация исследования: Исследование проводилось на базе физкультурно-оздоровительного комплекса «Фаворит» г.Перми Пермского края. В исследовании участвовали 20 женщин 30–35 лет, находящихся в раннем, с 4-х недель, послеродовом периоде. Они были разделены на экспериментальную (ЭГ) и контрольную группы (КГ) — по 10 женщин одного возраста в каждой группе. В ЭГ применяли оздоровительно-реабилитационную физическую культуру с использованием специально разработанных комплексов упражнений в сочетании с дыхательными упражнениями и тейпированием. Во второй группе — контрольной использовали оздоровительно-реабилитационную физическую культуру с использованием упражнений по общепринятой методике ЛФК.

Методы исследования. Для оценки психоэмоционального состояния и уровня тревожности был использован опрос по Спилбергеру-Ханину. Для оценки силовой выносливости мышц пояса нижних конечностей использовали ягодичный мост. Силу мышц тазового дна оценивали по модифицированной Оксфордской шкале. Для измерения угла наклона таза использовали угломер.

Предложенная нами **методика занятий** включает в себя 3 этапа (по продолжительности 3 месяца, но зависит от состояния женщины и ее подготовленности).

1 этап (3 недели). Адаптация рожениц к занятиям ЛФК, в сочетании с дыхательными упражнениями и обучение тейпированию. На занятиях обучали женщин специальным дыхательным упражнениям, с помощью которых учили ощущать и управлять мышцами малого таза и глубокими мышцами живота. Это диафрагмальное дыхание, после которого на выдохе вначале сокращают сфинктеры малого таза, затем мышцы низа живота с последующим сокращением мышечного цилиндра с закрытием ребер, не давая диафрагму подниматься «домиком».

3 подхода по 10 повторений. В упражнениях на изменение угла наклона таза и нормализацию осанки использовали минимальную нагрузку. Выполняли упражнения: «Тазовые часы»; самокоррекция положения таза, стоя у стены; растяжка подвздошно-поясничной мышцы в положении сидя, с отведением ноги назад; «Кошка-корова». Упражнения выполняли 3 подхода по 5–8 повторений.

2 этап (4 недели). Увеличение физической нагрузки на мышцы пояса нижних конечностей и корпус тела, усложнение дыхательных техник. В подготовительной части выполняли дыхательные упражнения с использованием пояса и увеличением продолжительности выдоха 10–15 минут. В основной части — упражнения касались укрепления ягодичных мышц: ягодичный мост; «Ракушка» — лежа на боку, отведение согнутой ноги в сторону; «Тазовые часы». Упражнения на стабилизацию симфиза: изометрическое сжатие мяча бедрами с опорой на ноги, 3 подхода по 10 повторений. Для сокращения диастаза — упражнение «Болтанка», «Скольжение пяткой»; «Подъем таза с задержкой» на 5 сек. Время выполнения упражнений — 35–40 мин. В заключительной части — упражнения Кегеля с контролем движения мышц снаружи, в области сухожильного центра. 10 минут.

На 3-м этапе (6 недель) в подготовительной части выполняли более сложные дыхательные упражнения, такие

как «боковое ребро» с использованием резины и на мяче 15 мин. В основной части занятия добавили упражнение на коррекцию диастаза и укрепление поперечной мышцы живота «Мертвый жук». Для укрепления ягодичных мышц использовали «Ягодичный мост с подъемом на одной ноге», «Подъем на пятку с отведением бедра». Для коррекции переднего наклона таза «Тазовые часы на мяче». Упражнения выполняли 3 подхода по 10 раз, 40 минут. В заключительной части — упражнения на стабилизацию симфиза в сочетании с Кегель-упражнениями; «Кошка-корова»; упражнение на растяжку спины «поза ребёнка». 10 минут.

Оценка результатов. Разработанная методика физической реабилитации женщин с первых недель после родов с поэтапным использованием обучающих дыхательных упражнений, ЛФК с фокусом на МТД в сочетании с тейпированием, показала высокую эффективность: почти в 2 раза уменьшился диастаз, исчез доминант; в 1,8 раз возросли тонус и сила мышц тазового дна; более чем в 3 раза увеличилась сила мышц-стабилизаторов осанки; в 1,4 раза уменьшился передний наклон таза; реактивная тревожность с высокой снизилась до умеренной. После занятий по разработанной методике у 60 % прошло подтекание мочи, только у ¼ женщин остался диастаз более 10 мм у 80 % женщин к 3-му месяцу занятий исчезли боли в нижней части спины.

Литература:

1. Епифанов, В.А., Корчажкина Н. Б. Медицинская реабилитация в акушерстве и гинекологии. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 504 с.
2. Савельева Г. М., Шалина Р. И., Сичинава Л. Г., Панина О. Б., Курцер М. А. Акушерство// учебник для вузов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 575 с.
3. Тхакумачева Ю. Б., Шаханова А. В., Тугуз А. Р., Ахтаов Р. А. Физкультурно-оздоровительные системы в постродовой реабилитации женщин [Электронный ресурс]: монография // — электрон. дан. (1 файл pdf — 1,2 Мб) — Майкоп: ЭлИТ, 2022. — Режим доступа: <https://201824.selcdn.ru/elit-167/pdf/9785604861530.pdf>.
4. Никодимова В. Р., Сергин А. А., Мифтахов А. Ф. Лечебная физическая культура для послеродового восстановления организма женщин//Наука и спорт: Современные тенденции 2023. — Елабуга, № 1–2023. — С.142–148.
5. Петрова К. А. Физическая реабилитация женщин с нарушениями функций мышц тазового дна в послеродовом периоде/ К. А. Петрова. — Текст: непосредственный // Тезисы докладов LI Научной конференции студентов и молодых ученых ВУЗов Южного Федерального округа. — 2024. — С. 152–153. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65622431>.
6. <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

Влияние гиподинамии на здоровье студентов: современные вызовы и стратегии профилактики

Трускова Татьяна Юрьевна, студент

Научный руководитель: Мотовичева Виктория Александровна, старший преподаватель

Гатчинский государственный университет (Ленинградская область)

Анализируя сегодня состояние физического здоровья студенческой молодёжи, мы обнаруживаем устойчивую закономерность, которую уже сложно списать на случайные факторы: двигательная активность студентов за последние два десятилетия сократилась настолько, что гиподинамия перестала быть медицинским термином и стала описанием

обычного учебного дня. Предлагаем рассматривать эту проблему не как фоновое явление, а как структурный вызов системе высшего образования — вызов, требующий не отдельных мер, а переосмысления самой логики организации студенческой жизни.

Ключевые слова: гиподинамия, физическая активность, студенты, профилактика, физическое здоровье.

Среди всех возрастных групп, попадающих в зону риска по гиподинамии, студенческая молодёжь занимает особое место — не потому, что двигается меньше всех, а потому что именно в этот период закладываются поведенческие паттерны, которые человек воспроизводит следующие сорок лет. Привычка к малоподвижности, сформированная между восемнадцатью и двадцатью тремя годами, т. е. в момент наибольшей нейропластичности и гормональной устойчивости, встраивается в образ жизни куда прочнее, чем та же привычка, приобретённая в зрелом возрасте.

По данным Всемирной организации здравоохранения, недостаточная физическая активность является четвертым по значимости фактором риска глобальной смертности, ежегодно обуславливая около 3,2 миллиона смертей в мире. При этом среди студентов российских вузов лишь 18–24 % соответствуют рекомендуемому ВОЗ уровню двигательной активности — не менее 150 минут умеренной нагрузки в неделю. Остальные либо не дотягивают до этого порога, либо находятся в состоянии, которое клинически уже квалифицируется как гиподинамия.

Правда, цифры сами по себе не объясняют, почему проблема обострилась именно сейчас. Студенты и прежде много сидели — над конспектами, в библиотеках, на лекциях. Однако до массового распространения смартфонов и дистанционного обучения между учебными блоками существовали вынужденные паузы движения: дорога до корпуса, очередь в столовой, переход между аудиториями. Цифровая среда устранила эти микроперерывы, т. е. убрала не спорт — она убрала случайное движение, которое и составляло основу суточной двигательной нормы. Пандемия COVID-19 лишь ускорила процесс, переведя значительную часть учебного взаимодействия в формат, при котором студент физически не обязан покидать комнату.

Исследование, проведённое Володиной А. А. и соавторами (2024) показывает, что в результате многочисленных исследований выявлено, что среди молодежи здоровы около 14–15 %. Примерно 60 % имеют высокий уровень нарушения адаптационных систем организма, а их иммунная система работает в режиме перенапряжения. Студенты испытывают огромное умственное напряжение, вызванное потоком информации в отдельных случаях переходящее в нервное истощение и переутомление, что приводит к снижению физической и умственной работоспособности на учебных занятиях [1].

Актуальность темы определяется ещё одним обстоятельством, которое редко выносится в центр дискуссии. Гиподинамия у студентов — это не только медицинская, но и педагогическая проблема: снижение двигательной ак-

тивности напрямую связано с ухудшением концентрации внимания и академической успеваемости. Иными словами, вуз, не решающий проблему гиподинамии, работает против собственной основной задачи — качественной подготовки специалиста.

Длительная неподвижность запускает в организме цепочку изменений, первые звенья которой почти незаметны — и именно поэтому опасны. Мышечная ткань, лишённая регулярной нагрузки, начинает замещаться жировой уже через две-три недели гиподинамии, т. е. примерно за один учебный модуль при дистанционном формате обучения.

Зарубежные авторы подчеркивают, что спортивная идентичность формирует чувство принадлежности и социального капитала, способствующее интеграции молодежи в академическую и гражданскую среду [2].

Традиционная модель физического воспитания в российских университетах — два часа в неделю обязательных занятий — сложилась в логике советской системы нормирования и с тех пор принципиально не менялась. Между тем исследования последних лет убедительно показывают: разовые нагрузки высокой интенсивности при общей малоподвижности в течение недели не только не компенсируют дефицит движения, но в ряде случаев создают дополнительную нагрузку на неподготовленный опорно-двигательный аппарат [3]. Не хватало главного — не часов физкультуры, а распределённой двигательной активности, рассредоточенной по всему учебному дню.

Финский опыт организации университетского пространства даёт здесь показательный пример. В Университете Ювяскюля, одном из ведущих центров исследований физической активности в Европе, с 2015 года реализуется программа «Active Campus», в рамках которой физическая активность интегрирована непосредственно в учебный процесс: между парами предусмотрены обязательные пятиминутные двигательные паузы, аудитории оснащены конторками и велотренажёрами-партами, а маршруты между корпусами спроектированы так, чтобы стимулировать ходьбу, а не использование лифтов [4]. Через три года после запуска программы средний уровень двигательной активности студентов вырос на 23 %, а показатели субъективного благополучия — на 17 %.

Российские вузы пока движутся в этом направлении осторожно, однако отдельные инициативы уже фиксируются. В Казанском федеральном университете с 2019 года действует программа «Здоровый кампус», включающая оборудование зон активного отдыха, введение физкультурных пауз в расписание и мониторинг двигательной активности студентов через мобильное приложение [5]. Данные за первые два года показали снижение числа сту-

дентов с признаками гиподинамии на 14 % — результат скромный, но воспроизводимый.

Особую роль в трансформации спортивной идентичности играет медиа-пространство, в котором создаются новые формы символического капитала — узнаваемость, репутация, имидж. Формирование спортивной идентичности происходит через процессы медиации: восприятие и интерпретацию спортивных событий, личных брендов спортсменов, социальных трендов. Глобальные платформы (социальные сети) становятся не только источниками информации, но и средой самоидентификации, где студенты конструируют собственный образ как участников спортивной культуры [6].

Институциональные меры работают только при одном условии — если студент внутренне принимает движение как ценность, а не воспринимает его как очередную административную обязанность. Именно здесь традиционный подход даёт сбой: обязательная физкультура, построенная на нормативах и оценках, формирует у значительной части студентов устойчивое отторжение от любой организованной двигательной активности. Принуждение к движению — неплохой способ получить посещаемость, но верный способ потерять мотивацию.

Поведенческая экономика предлагает иную логику. Концепция «подталкивания», разработанная Р. Талером и К. Санстейном, применительно к физической активности означает создание среды, в которой активный выбор становится более лёгким, чем пассивный, без запретов и штрафов. Практически это выглядит так: лест-

ницы в корпусах делают более привлекательными, чем лифты (яркое освещение, музыка, мотивирующие надписи на ступенях); вело парковки размещают ближе к входу, чем автомобильные; кофейные автоматы устанавливают на расстоянии трёхсот метров от учебных аудиторий. Каждое из этих решений в отдельности кажется незначительным — вместе они формируют среду, в которой движение происходит само собой, без волевого усилия.

Геймификация физической активности — ещё один инструмент, показавший устойчивые результаты в студенческой среде. Приложения типа «Шагомер-вызов», корпоративные соревнования по количеству пройденных шагов, командные челленджи в социальных сетях задействуют социальное сравнение и соревновательный инстинкт — механизмы, которые у студентов работают особенно сильно.

Наконец, проблема гиподинамии студентов не решается силами одной кафедры физического воспитания. Её решение лежит на пересечении усилий администрации вуза, архитекторов образовательной среды, специалистов в области общественного здоровья и самих студентов — при условии, что последние получают не предписания, а реальные инструменты и условия для активного образа жизни. Студенческий возраст остаётся тем окном возможностей, в котором сформированная привычка к движению способна определить качество здоровья человека на десятилетия вперёд — и именно это делает своевременное вмешательство не просто желательным, а необходимым.

Литература:

1. Володина, А. А. Информированность студентов о гиподинамии и её влияние на организм студентов / А. А. Володина // Актуальные вопросы радиационной и экологической медицины, лучевой диагностики и лучевой терапии: сборник материалов VII межвузовской научно-практической интернет-конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Гродно, 31 марта 2023 года. — Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2024. — С. 43–46. — EDN JUGNHU.
2. Jarvie G. Sport, Nationalism, and Cultural Identity // *The Changing Politics of Sport* / Manchester University Press. — 1993. — P. 58–83
3. Иорданская Ф. А., Юдинцева М. С. Мониторинг здоровья и функциональная подготовленность высококвалифицированных спортсменов в процессе учебно-тренировочной работы и соревновательной деятельности. — М.: Советский спорт, 2006. — 184 с.
4. Kokko S., Martin L. (eds.) *Physical Activity and Health Promotion in Finnish Schools and Universities* // *Finnish Journal of Sports Sciences*. — 2018. — Vol. 12. — № 2. — P. 34–51.
5. Поварёнков А. Ю., Сафин Р. С., Корнилов В. М. Программа «Здоровый кампус» как модель формирования физической культуры личности студента // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 112–118.
6. Мотовичева, В. А. Феномен спортивной идентичности студентов в условиях глобализации / В. А. Мотовичева, М. К. Мотовичева // Приоритетные направления развития спорта, туризма, образования и науки: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 27–29 ноября 2025 года. — Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2025. — С. 488–494. — EDN KEWWPD.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 03.06.2026. Дата выхода в свет: 10.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.